

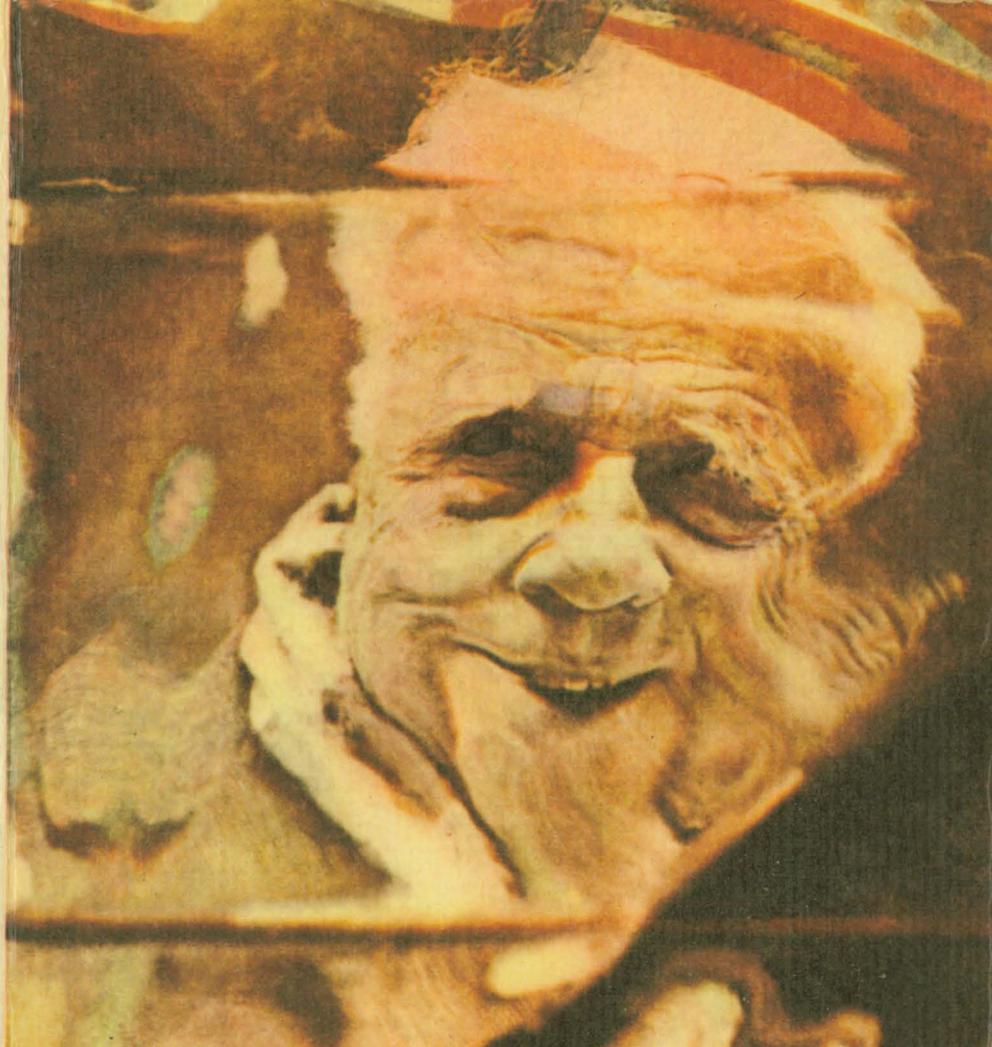
РОБЕРТ ФРОСТ

Р. Фрост
СТИХИ

2 р. 30 к.

Роберт
Фрост

Robert
Frost

РОБЕРТ ФРОСТ

Роберт
Фрост

Robert
Frost

ISBN 5-05-000556-6

Robert Frost

POEMS

MOSCOW
RADUGA PUBLISHERS
1986

Составление, общия редакция на
и комментарии Ю. А. ЗДОРОВИЧ
Переводчик А. М. ЗЕРЦЕВА
Художник А. О. СЕМЕНОВ
Редактор С. Б. ВЕДОВ

Роберт Фрост

СТИХИ

My November Guest
Новбрьская гостя
Новбрьская гостя
Новбрьская гостя
A Late Walk
Прогулка позимей
The Vantage-Point
С удобной точки
Wind and Window
Ветер и цыток на
Ghost
Призрачный дом
To the Thawing Snow
Теплому ветру
Отшельник

МОСКВА
«РАДУГА»
1986

ISBN-2-02-000250-8
031(02)-88
470500000-252 204-82

Составление, общая редакция переводов
и комментарии Ю. А. ЗДОРОВОВА

Предисловие А. М. ЗВЕРЕВА

Художник А. О. СЕМЕНОВ

Редактор С. Б. БЕЛОВ

Фрост Р. Стихи. Сборник. / Сост. и общ. ред.
перев. Ю. А. Здорова. — На англ. яз. с парал-
лельным русским текстом — М.: Радуга, 1986. —
432 с.

В сборник вошли избранные стихотворения одного из крупнейших поэтов США XX века Роберта Фроста (1874–1963). Исполненные большой философской глубины и выразительности, произведения Фроста посвящены человеку, его труду, природе. В издание включены переводы фростовской лирики, выполненные советскими поэтами-переводчиками.

Издание сопровождается вступительной статьей и комментариями.

© Составление, предисловие, комментарии, переводы,
кроме отмеченных в содержании знаком *, издательство «Ра-
дуга», 1986

Ф $\frac{4703000000-292}{031(05)-86}$ 394-85

ISBN-5-05-000556-6

Contents

Содержание

<i>А. Зверев. Любовная размолвка с бытием</i>	17
---	----

A BOY'S WILL ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Into My Own	40
Путь к себе. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	41
К себе. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	358
Во глубь себя. <i>Перевод В. Топорова</i>	358
My November Guest	40
Ноябрьская гостя. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	41
Ноябрьская гостя. <i>Перевод В. Топорова</i>	359
Ноябрьская гостя. <i>Перевод А. Кутиковой</i>	360
A Late Walk	42
Прогулка поздней осенью. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	43
The Vantage Point	44
С удобной точки. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	45
Наблюдательный пункт. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	360
A Dream Pang	44
Боль во сне. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	45
Wind and Window Flower	46
Баллада о герани и буране. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	47
Ветер и цветок на окне. <i>Перевод В. Топорова</i>	361
Ghost House	48
Призрачный дом. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	49
Дом с привиденьями. <i>Перевод В. Топорова</i>	362
To the Thawing Wind	50
Теплому ветру. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	51
Оттепель. <i>Перевод В. Топорова</i>	363

In a Vale	50
На болоте. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	51
Storm Fear	52
В бурю. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	53
Stars	52
Звезды. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	53
Going for Water	54
За водой. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	55
Revelation	56
Откровение. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	57
Откровение. <i>Перевод В. Топорова</i>	363
The Tuft of Flowers	56
Цветы. <i>Перевод А. Казарновского</i>	57
Цветочный островок. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	364
Pan with Us	60
С нами Пан. <i>Перевод В. Топорова</i>	61
The Demiurge's Laugh	62
Смех демиурга. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	63
Смех демиурга. <i>Перевод В. Топорова</i>	365
A Line-Storm Song	62
Песня осеннего ливня. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	63
October	64
* Октябрь. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	65
Reluctance	66
Ропот. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	67
Ропот. <i>Перевод В. Топорова</i>	366

NORTH OF BOSTON

К СЕВЕРУ ОТ БОСТОНА

The Pasture	72
* Пастбище. <i>Перевод И. Кашкина</i>	73
Mending Wall	72
Починка стены. <i>Перевод А. Казарновского</i>	73
* Починка стены. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	367

The Mountain	74
Гора. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	75
Home Burial	82
Семейное кладбище. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	83
The Code	88
Правила хорошего тона. <i>Перевод А. Казарновского</i>	89
The Fear	96
Страх. <i>Перевод В. Топорова</i>	97
The Death of the Hired Man	102
* Смерть батрака. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	103
After Apple-Picking	112
* После сбора яблок. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	113
The Self-Seeker	114
Сделка. <i>Перевод А. Кушнера</i>	115
The Wood-Pile	130
Поленница. <i>Перевод А. Кушнера</i>	131

MOUNTAIN INTERVAL МЕЖДУ ГОРАМИ

The Road Not Taken	136
Неизбранная дорога. <i>Перевод В. Топорова</i>	137
Другая дорога. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	368
The Oven Bird	136
Желтоголовая славка. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	137
Range-Finding	138
В перекрестье прицела. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	139
Bond and Free	138
Пленная и свободная. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	139
The Telephone	140
Телефон. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	141
Meeting and Passing	142
Первая встреча. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	143
A Time to Talk	142
Побеседовать с другом. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	143

Нула Brook	144
Лягушачий ручей. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	145
* Лягушачий ручей. <i>Перевод И. Кашкина</i>	369
Birches	144
Березы. <i>Перевод А. Кушнера</i>	145
The Exposed Nest	148
Гнездо на скошенном лугу. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	149
Locked Out	150
Цветы за окном. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	151
The Last Word of a Bluebird	150
Привет от зяблика. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	151
A Girl's Garden	152
Девочкин огород. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	153
The Cow in Apple Time	154
Корова в яблочный сезон. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	155
A Patch of Old Snow	156
Потемневшего снега лоскут. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	157
Комок слежавшегося снега. <i>Перевод И. Фрадкина</i>	369
An Old Man's Winter Night	156
Старик зимней ночью. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	157
'Out, Out-'	158
'Out, Out...' <i>Перевод Г. Кружкова</i>	159
The Bonfire	160
Костер. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	161
The Sound of the Trees	166
Шум деревьев. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	167

NEW HAMPSHIRE

НЬЮ-ГЕМПШИР

The Aim Was Song	172
Чтоб вышла песня. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	173
The Onset	172
Врасплох. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	173

Nothing Gold Can Stay	174
Все золотое зыбко. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	175
Недолог золотистый цвет. <i>Перевод И. Фрадкина</i>	369
Blue-Butterfly Day	174
День голубых мотыльков. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	175
To Earthward	176
К земле. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	177
On a Tree Fallen Across the Road	178
О дереве, упавшем поперек дороги. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	179
To E.T.	178
Э. Т-у. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	179
Stopping by Woods on a Snowy Evening	180
Зимним вечером у леса. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	181
Остановившись на опушке в снежных сумерках. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	370
Глядя на лес снежным вечером. <i>Перевод Т. Гутиной</i>	370
In a Disused Graveyard	182
Заброшенное кладбище. <i>Перевод В. Топорова</i>	183
Кладбище, где больше не хоронят. <i>Перевод Г. Подольского</i>	371
The Runaway	182
Убежавший жеребенок. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	183
For Once, Then, Something	184
Что-то было. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	185
A Hillside Thaw	186
Оттепель на холме. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	187
Looking for a Sunset Bird in Winter	188
Вспоминая зимой птицу, певшую на закате. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	189
Good-by and Keep Cold	188
Застынь до весны. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	189
Our Singing Strength	190
Наша певческая мощь. <i>Перевод А. Кушнера</i>	191

The Census-Taker	194
Перепись. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	195
The Grindstone	196
Точильный круг. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	197

WEST-RUNNING BROOK

ЗАПАДНАЯ РЕКА

Tree at My Window	204
Дерево в окне. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	205
Spring Pools	204
Лужи. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	205
The Freedom of the Moon	206
Месяц. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	207
Fireflies in the Garden	206
Светлячки. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	207
Atmosphere	208
Особенная атмосфера. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	209
Devotion	208
Постоянство. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	209
A Minor Bird	208
Пичуга. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	209
The Birthplace	210
Родина. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	211
The Last Mowing	210
Последний покос. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	211
A Passing Glimpse	212
Мимолетное. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	213
What Fifty Said	212
Что сказали мои пятьдесят. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	213
The Times Table	212
Счет жизни. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	213
The Thatch	214
Крыша. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	215

Riders	216
Ездоки. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	217
A Winter Eden	218
Зимний рай. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	219
Зимние кущи. <i>Перевод В. Топорова</i>	372
Acquainted with the Night	218
С ночью я знаком. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	219
Знакомство с ночью. <i>Перевод В. Топорова</i>	372
Sand Dunes	220
Дюны. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	221
The Flower Boat	220
Лодка с цветами. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	221
The Armful	222
Ноша. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	223
The Door in the Dark	222
Дверь во тьме. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	223
Acceptance	224
Смирение. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	225
West-Running Brook	224
Западная река. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	225
Западная река. <i>Перевод В. Топорова</i>	373
The Bear	228
Медведь. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	229
The Egg and the Machine	230
Яйцо и паровоз. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	231

A FURTHER RANGE НЕОГЛЯДНАЯ ДАЛЬ

The Gold Hesperidee	236
Золотые Геспериды. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	237
In Time of Cloudburst	240
После ливня. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	241

A Roadside Stand	242
Домик у дороги. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	243
At Woodward's Gardens	244
В зоопарке. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	245
A Blue Ribbon at Amesbury	246
Хохлатка-лауреатка. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	247
A Drumlin Woodchuck	250
Горный сурок. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	251
The White-Tailed Hornet	252
Белохвостый шершень. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	253
The Figure in the Doorway	256
Фигура на пороге. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	257
Lost in Heaven	256
Затерявшийся в небе. <i>Перевод А. Шараповой</i>	257
Desert Places	258
Пространства. <i>Перевод В. Топорова</i>	259
Пустыни. <i>Перевод А. Казарновского</i>	375
Leaves Compared with Flowers	258
Сравнение листьев с цветами. <i>Перевод В. Топорова</i>	259
A Leaf Treader	260
Ступая по листьям. <i>Перевод В. Топорова</i>	261
On Taking from the Top to Broaden the Base	262
Гора и дол. <i>Перевод В. Топорова</i>	263
Moon Compasses	262
Лунный циркуль. <i>Перевод В. Топорова</i>	263
Afterflakes	264
После снегопада. <i>Перевод В. Топорова</i>	265
Design	264
Расчет. <i>Перевод В. Топорова</i>	265
There Are Roughly Zones	266
Там строгая страна. <i>Перевод В. Топорова</i>	267
The Bearer of Evil Tidings	266
Вестник. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	267

A WITNESS TREE
 ДЕРЕВО-СВИДЕТЕЛЬ

Beech	272
Бук. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	273
The Silken Tent	272
Шелковый шатер. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	273
Happiness Makes Up in Height for What It Lacks in Length	274
Счастье выигрывает в силе то, что проигрывает во времени. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	275
Come In	274
Войди! <i>Перевод Г. Кружкова</i>	275
Зов. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	376
I Could Give All to Time	276
Пусть время все возьмет. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	277
Carpe Diem	278
Carpe Diem. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	279
Carpe Diem. <i>Перевод В. Топорова</i>	377
The Wind and the Rain	278
Ветер и дождь. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	279
The Most of It	282
И это—все. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	283
Едва ли не все остальное. <i>Перевод В. Топорова</i>	377
To a Young Wretch	282
Неизвестному сорванцу. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	283
To a Moth Seen in Winter	284
Мотыльку, встреченному зимой. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	285
A Serious Step Lightly Taken	286
Серьезный шаг, предпринятый шутя. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	287
A Considerable Speck	288
Необычная крапинка. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	289
A Loose Mountain	290
Блуждающая гора. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	291

The Discovery of the Madeiras	290
Открытие Мадейрских островов. <i>Перевод В. Топорова</i>	291
The Lesson for Today	298
Урок. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	299
STEEPLE BUSH	
ТАВОЛГА	
A Young Birch	310
Молодая береза. <i>Перевод А. Кушнера</i>	311
Something for Hope	310
Есть на что надеяться. <i>Перевод А. Кушнера</i>	311
An Unstamped Letter in Our Rural Letter Box	312
Письмо без марки в нашем сельском почтовом ящике. <i>Перевод А. Кушнера</i>	313
To an Ancient	316
Древнему человеку. <i>Перевод А. Кушнера</i>	317
The Middleness of the Road	316
Срединность дороги. <i>Перевод А. Кушнера</i>	317
Путь. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	378
Two Leading Lights	318
Два главных светила. <i>Перевод А. Кушнера</i>	319
A Wish to Comply	320
Желание соглашаться. <i>Перевод А. Кушнера</i>	321
A Cliff Dwelling	320
Жилище в скале. <i>Перевод А. Кушнера</i>	321
Naes Fabula Docet	320
Наес Fabula Docet. <i>Перевод А. Кушнера</i>	321
Etherealizing	322
Бесплотничание. <i>Перевод А. Кушнера</i>	323
Why Wait for Science	324
При чем здесь наука? <i>Перевод А. Кушнера</i>	325
Any Size We Please	324
Любого размера. <i>Перевод А. Кушнера</i>	325

Любого размера. <i>Перевод А. Ткаченко</i>	379
Bursting Rapture	326
Взрывной восторг. <i>Перевод А. Кушнера</i>	327
The Ingenuities of Debt	326
Изощренность греха. <i>Перевод А. Кушнера</i>	327
To the Right Person	328
Тому, кто понимает. <i>Перевод А. Кушнера</i>	329
Astrometaphysical	328
Астрометафизическое. <i>Перевод А. Кушнера</i>	329
Skeptic	330
Скептическое. <i>Перевод А. Кушнера</i>	331

FIVE NOCTURNES

ПЯТЬ НОКТЮРНОВ

I. The Night Light	330
I. Ночной свет. <i>Перевод А. Кушнера</i>	331
II. Were I in Trouble	332
II. Случись беда. <i>Перевод А. Кушнера</i>	333
III. Bravado	332
III. Бравада. <i>Перевод А. Кушнера</i>	333
IV. On Making Certain Anything Has Happened	332
IV. Проверяя, что случилось. <i>Перевод А. Кушнера</i>	333
V. In the Long Night	334
V. Долгой ночью. <i>Перевод А. Кушнера</i>	335
Choose Something Like a Star	334
Найди свою звезду. <i>Перевод А. Кушнера</i>	335
* Избравши что-то, как звезду. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	379

IN THE CLEARING

НА ВЫРУБКЕ

Pod of the Milkweed	340
Плод молочая. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	341
Closed for Good	342
Безвозвратно. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	343

Escapist – Never	344
* Он устремлен вперед. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	345
Auspex	346
Авгур. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	347
The Draft Horse	346
Тягловая лошадь. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	347
Quandary	348
Осложнение. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	349
Questioning Faces	350
Любопытные взгляды. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	351
On Being Chosen Poet of Vermont	350
На избрание поэтом Вермонта. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	351
The Objection to Being Stepped On	350
Никто не любит, когда на него наступают. <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	351
'In winter in the woods alone...'	352
«Один в непроходимый бор...» <i>Перевод Б. Хлебникова</i>	353
Away!	352
Последнее. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	353
Приложение	358
Комментарии <i>Ю. Здоровова</i>	381

Любовная размолвка с бытием

Должно быть, каждая поэтическая биография таит в себе какую-то загадку, и биография Роберта Фроста – не исключение из правила. Именно поэтическая его биография. Житейская – сравнительно ясна и вряд ли увлечет тех, кто в обстоятельствах жизни поэта пытается найти непосредственное объяснение его художественных устремлений.

Путь Фроста (1874–1963) был долгим и, по внешнему впечатлению, на зависть последовательным, цельным, неуклонно ведущим от одной вершины к другой. Он поздно дебютировал – когда вышла первая книга, автору было под сорок, – зато потом судьба с лихвой вознаградила его за все, чего недодала в молодости. Никто из литературных современников Фроста не знал столь единодушного признания, столь громкой славы. Самые почетные премии, академические отличия и прочие знаки завоеванного престижа – для Фроста все это было не праздником, а почти что обыденностью. Уже в 20-е годы он воспринимался как живой классик. В дальнейшем его назовут национальным поэтом Америки.

Правда, напрягши слух, иной раз можно было различить в этом хоре похвал диссонирующие голоса. Они звучали неуверенно и осторожно, но все-таки они были. Кого-то отталкивала эстетическая консервативность Фроста, подчеркнуто обособившегося от современных ему веяний в поэзии и не принявшего, в сущности, никого из крупнейших мастеров той эпохи, за исключением близкого ему Эдвина Арлингтона Робинсона. Кто-то шел дальше, попрекая Фроста поверхностным оптимизмом, явно не соответствовавшим настроениям сурового межвоенного времени, а то и давая понять, что избранная им позиция не чужда конформизма.

Такие выпады не могут не поразить своей прямолинейной тенденциозностью, но важно понять, что же в произведениях Фроста послужило для них поводом. И тут мы сразу сталкиваемся с едва ли не ключевым для Фроста понятием маски. Насколько оно было ему важно, он указал сам, обозначив как «маски» оба своих опыта в драматургии – «Разум» (*A Masque of Reason*, 1945) и «Сострадание» (*A Masque of Mercy*, 1947). Тут речь шла о старинном жанре, восходящем к средневековью, однако смысл, который сам Фрост вкладывал в идею «маски», гораздо шире. Это концепция, существенная для характера всего его творчества.

Фрост был не из тех поэтов, кого принято называть исповедальными, имея в виду отчетливый элемент личного переживания, порой едва ли не исчерпывающего собой все содержание поэтического мира. О себе он не любил говорить даже в письмах. У него было мало друзей, да и те, кто довольно близко с ним общался десятилетиями, неизменно чувствовали барьер, за который он не позволял переходить. Трудно сказать, была ли это черта характера или естественное стремление защититься от жадного и нескромного интереса публики, возбуждаемого каждой знаменитостью. В американских условиях оградить себя от подобной назойливости оказывалось особенно непростым делом. Фрост предпочел не только не мешать, а в какой-то степени даже способствовать укоренению тех мифов о самом себе, которые уже при его жизни стали непременным атрибутом любой посвящавшейся ему статьи, любого суждения о нем как о личности и писателе.

Эти мифы основывались на нескольких выборочных биографических фактах, а еще больше – на доверии к маске, которой Фрост пользовался, когда покидал уединенные фермы Новой Англии, где написаны его лучшие стихотворения, и вступал в прямой контакт с толпами почитателей и любопытствующих. Его крупная фигура, увенчанная белоснежной головой, и чуть лукавое выражение глубоко посаженных голубых глаз, и большие натруженные руки, и по-крестьянски неспешная речь, украшенная каким-нибудь характерным словцом, – весь его облик, вся манера держаться в обществе создавали то самое впечатление гармоничности и простоты, которое легло в фундамент расхожих представлений о Фросте.

Он казался поэтом-землепашцем, дорожащим безыскусными радостями сельского житья-бытья и вовсе не ведающим тех интеллектуальных сложностей и сомнений, которыми переполнены книги других поэтов его поколения. В нем видели добродушного жизнелюба и певца патриархального мира фермерской Америки, он воспринимался как тонкий пейзажист и продолжатель фольклорных традиций, от которых отвернулась не в меру рассудочная и утонченная современная муза. И все это говорилось о нем так часто, так уверенно, что не приходится удивляться раздражению, с каким подчас отзывались о Фросте сторонники иных идейных и эстетических установок. Им казалось, что, обличая Фроста, они отстаивают позиции социально активного искусства, которое не идеализирует эпоху. Но обличали они не Фроста, а только легенды, выросшие вокруг него. И поэтому были глубоко несправедливы в своих нападках. Время показало это со всей очевидностью.

Легенды питались и теми скудными сведениями о жизни поэта, которым Фрост позволил просочиться в печать. Было известно, что он родился в Сан-Франциско, в семье журналиста, а после смерти отца воспитывался у деда в Массачусетсе. На университетское образование не хватило то ли сил, то ли средств, пришлось ограничиться колледжем, а затем сочетать фермерский труд с преподаванием в сельской школе. Стихи Фрост писал с юности, кое-что печатал в провинциальных газетах, однако не пробудил интереса к своим ранним опытам со стороны читателей, не говоря уже о рецензентах. Когда в 1912 году он с семьей решил на время перебраться в Англию, чтобы сменить атмосферу и попытаться взглянуть на привычную ему американскую будничность издалека, в чемодане уже лежала рукопись «Прощания с юностью» – первой его поэтической книги.

Книгу издали в Лондоне год спустя. О ней с восторгом отзывались английские друзья Фроста – поэты, которых называли георгианцами. Это был небольшой кружок приверженцев буколической лирики, сетовавших на всевластие индустрии, которая обезобразила романтические деревенские ландшафты, и воспевавших мнимую идиллию доброй старой Англии, исчезающую красоту ее зеленых полей, ее прозрачных ручьев и тенистых рощ. Писали они старомодным «возвышенным» языком, не замечая, до чего без-

жизненными сделались за столетие, которое прошло со времен первых романтиков, эти гимны непритязательному полевому цветку и подернутому зеленым пруду в заброшенной усадьбе. Фроста они готовы были провозгласить своим лидером и вдохновителем, но происходило это по чистому недоразумению, вернее, по неспособности видеть дальше тематических переключек. Он тоже писал о природе и о деревне, а тем самым уже вроде бы оказывался союзником этих сильно запоздавших искателей романтики.

В Америке «Прощание с юностью» и особенно следующий сборник Фроста, «К северу от Бостона» (1914), прочли по-другому. Вернуться на родину Фроста заставила начавшаяся мировая война, а вернувшись, он с удивлением обнаружил бесспорные доказательства собственной известности и авторитета у тех, кто посвятил себя служению «новой поэзии», или, как в ту пору несколько высокопарно выражались, «поэтическому ренессансу». До Ренессанса, разумеется, было далеко, но американская поэзия тех лет и вправду переживала яркое время. Незадолго до отъезда Фроста в Англию появился первый номер чикагского журнала «Поэтри» (*Poetry*). Прошло два с половиной года, и этот журнал – плод энтузиазма, вкуса и веры нескольких одаренных молодых литераторов – превратился в законодателя художественных эталонов. Появилась целая плеяда талантов. Литературные репутации создавались и утверждались в мгновение ока. Безвестные поэты, еще вчера вынужденные писать урывками после скучного дня в какой-нибудь юридической конторе или офисе торговой фирмы, теперь давали интервью на первых полосах газет и сделались популярными.

Такой взрыв интереса к поэзии мог удивить, однако она его вполне заслужила. После затишья и застоя, продолжавшегося уже по меньшей мере четверть века, с тех пор как умер Уитмен, в ней повеяло свежим ветром. Ее главным побуждением стал поиск достоверного свидетельства о времени, когда происходила крутая ломка привычных норм жизни, привычных понятий. В ней возобладал пафос правды и вспыхнула жажда творческого эксперимента, призванного покончить со всей пропыленной рухлядью обветшавших форм, со всеми нелепыми разделениями, согласно которым одни явления действительно

сти признавались достойными поэтического осмысления, а другие нет.

Она жила идеей решительного обновления не только художественного инструментария и языка, но и представлений о призвании поэта. И обновление происходило – решительное, дерзкое, талантливое.

Вскоре этот единодушный порыв иссякнет и обнаружатся принципиальные расхождения между теми, кого вынесла на гребень славы бурная поэтическая эпоха 10-х годов. И судьбы тогдашних дебютантов сложатся очень по-разному. Кто-то останется, в сущности, автором одной книги, впоследствии бесконечно перепевая самого себя, кто-то запутается в личных и творческих противоречиях, рано сойдя со сцены. Кто-то отступит от верований собственной юности, сменив знамя – эстетическое да и идейное.

А Фрост? Причисленный в Англии к последним романтикам, на родине он осознавался – и критикой, и читателем – примерно так же, как поэты, выступившие почти одновременно с ним, а их принципом была верность жизни, пусть непривлекательной, «непоэтической», на слишком изысканный взгляд. Его приняли безоговорочно – как реалиста и как новатора, сумевшего прозвучать современно, хотя он и не ломал традиционных жанров и форм. Никто не отрицал его значения, а мастерство Фроста – для поэта, у которого за плечами было всего две книжки, удивительно зрелое – восхищало даже самых придирчивых ценителей. Но с самого начала Фросту как бы отвели особую – и не слишком просторную – территорию, причем тут совпали суждения георгианцев и оценки критиков из «Поэтри». И те, и другие называли Фроста пейзажным лириком, поэтом деревни, мастером элегии и медитации...

Так это потом и потянулось через десятилетия, не отмеченные для Фроста, если судить по его стихам, никакими значительными и драматическими событиями. Периодически выходили его новые книги, росло признание, но не менялась репутация. Один из исследователей Фроста приводит ответы студентов, будущих филологов, которых вскоре после смерти Фроста попросили сформулировать свое впечатление от его поэзии. Вот что они написали, заполняя специально подготовленную анкету: «мудрый ста-

рик-фермер», который «умеет заметить в природе то, чего не замечали до него другие», а поэтому и «сказать о Новой Англии так, что каждый поймет, до чего это чудесный край». Студентов можно пожурить за скудость языка, но не за шаблонность мысли. Критика много лет писала о Фросте, в общем-то, то же самое.

И только после того, как его путь завершился, что-то всерьез пошатнулось в этих банальных и предвзятых мнениях, порождавших крайне поверхностные толкования. Был издан итоговый поэтический том Фроста, и внимательному читателю этой книги неожиданно открылась такая глубина, такой драматизм философского содержания, что как-то сами собой прекратились все разговоры о «простодушном крестьянине» и «неискоренимом оптимисте». Открылось то, чего упорно не замечали, пока господствовала легенда, и Фрост предстал как один из самых сложных поэтов XX столетия.

Это вот и было загадкой: каким образом произошло настолько явное искажение смысла и сущности творчества Фроста в сознании его прижизненных читателей, каким образом его сложность, его трагичность ускользнули от восприятия даже людей, не лишенных художественного слуха и чутья?

Любая попытка ответа с неизбежностью требует понимания законов, по которым Фрост строит свой поэтический космос.

У него есть несколько определений поэзии, самое известное предложено в авторском предисловии к «Избранному» 1939 года. Здесь стихи названы «мгновением истины и гармонии на фоне хаоса». Афористически выраженная мысль, разветвляясь и обретая все новые оттенки, намечает достаточно четкую эстетическую программу.

Как и каждая такая программа, фростовская декларация включает в себя полемику и отрицание. Отвергается увлечение «звучностью», под которой Фрост подразумевает отточенную форму и богатство фантазии, — для него это красочный фейерверк, и не больше. Отвергается изысканность и смелость ассоциаций: пока они «ненаправляемы», не подчинены «теме, которую необходимо воплотить», поэт похож на кузнечика, радующегося щедрому

солнцу и весело резвящегося в траве. И отвергается холодная логика, будь она хоть самым совершенством. Фрост ощущал как чуждую себе ту поэзию, которая не дорожит своеобразием и углубленностью мысли. Однако мысль должна была явиться как откровение, посетившее художника и пережитое всем его существом.

Его требования к поэзии высоки и жестки. Необходимы «строгие границы логичного», но необходима и «величайшая свобода» слова и образа в этих границах. Необходимы «восторг» и «мудрость», напряженность чувства и емкость идеи, а главное – необходимо «движение, совершаемое в стихе», иначе говоря, некое высшее единство всех компонентов творчества, их полная слитность.

Фрост был убежден, что истинная поэзия органична: стихотворение прекрасно, если само «сумело сложиться до конца и целиком увлечь за собой поэта». Все решает точность исходной метафоры, а дальше стихи пишутся словно бы независимо от авторских стараний, и раскрываются какие-то неведомые источники художественной энергии, лишь умножающейся с приближением финала, – как кусок льда на горячей плите, стихотворение бурлит тем сильнее, чем стремительнее идет таяние. Этот чисто фростовский образ, завершающий предисловие 1939 года, конечно, тоже полемичен. Как бы мимоходом сказано, что стихи не заставишь жить насильно. Любая выдумка, пусть и очень изобретательная, не сможет вдохнуть в произведение ту природную естественность, без которой оно мертво.

Нетрудно заметить, что по своим эстетическим взглядам Фрост оказался прямым наследником романтиков. Причем едва ли не единственным в ту пору, на которую приходится его творческий расцвет.

Тогда романтизм вызывал к себе отношение скептическое, если не полностью негативное. Для этого были причины. В поэзии он властвовал слишком долго, уже давно пережив свой звездный час. Ушли корифеи, осталась инерция повторов и штампов. Период между Уитменом и «поэтическим ренессансом» называют то «междущарствием», то – гораздо точнее – «сумеречным промежутком». И впрямь сумерки: за вычетом Робинсона, ни одного крупного имени, вялые, анемичные образы, литературщина, вторичность.

Поколение, заявившее о себе со страниц «Поэтри», взбунтовалось против заветов, переданных ближайшими предшественниками. Потом этот бунт перерос в настоящую войну с романтизмом, объявленную такими лидерами «новой поэзии», как Эзра Паунд и Т. С. Элиот. Тут была своя идейная подоплека, поскольку романтизм был тенденциозно истолкован как апофеоз буржуазной самовлюбленности и либерального прекраснодушия. У тех, кто в отличие от Паунда и Элиота не притязал на лавры идеологов, отношение к романтикам определялось просто несхожестью творческих установок. Несхожесть выступала слишком резко, а оттого и слишком резкими, однозначными оказывались оценки романтической поэзии.

Совсем по-другому воспринимал ее Фрост. Образ из Лонгфелло, давший заглавие его первой книге стихов, указывал на родственность мироощущения, выразившегося и во фростовской «Ноябрьской гостье», и в лирике творца «Гайаваты». И подобные переключки впоследствии будут постоянно обращать на себя внимание читателей Фроста. Причем они коснутся не просто отдельных мотивов. Скорее они обнаружатся в самом характере художественного мышления.

Как и для романтиков, для Фроста верховным божеством поэзии была природа. Она являлась как бы высшей метафорой, скрывающей в себе бесконечные аналогии с человеческой жизнью. Человек всегда осознается у Фроста как частица мироздания. Личность может уже не чувствовать своей включенности в ритм природы, но все равно эта связь до конца не обрывается, и мера истинности человеческих побуждений оказывается определена тем, насколько они в ладу с соразмерностью начал, управляющих универсумом естественного бытия.

Весь этот круг представлений проще всего объяснить сугубо биографическими обстоятельствами, но на самом деле был идейный выбор, по-своему драматический и обрекавший Фроста на непонимание со стороны современников, какими бы почестями они его ни осыпали. Не без вызова Фрост противопоставил себя «поэзии отчаяния», которая казалась знаменем эпохи, и при всей своей нелюбви к открытым признаниям однажды сказал с полной ясностью: «Единственное, на что я решительно неспособен, это испытывать состояние безнадежности». Для поэта

это был принцип, органично вытекавший из всей его духовной ориентации, но нашлись критики, заподозрившие тут официозное жизнелюбие. И сразу же зародилась версия, согласно которой Фросту неведомы или безразличны мучительные противоречия действительности.

Но такие суждения не свидетельствовали ни о чем, кроме эстетической глухоты тех, кто их высказывал. Фрост прожил долгую жизнь, у него на памяти были две мировые войны, и невиданно жестокий социальный кризис в годы между ними, и первый атомный взрыв, и протоколы Нюрнбергского процесса, потрясшие сознание многих приверженцев наивного либерализма, воспитанных, как и он сам, на идеях «неуклонного» общественного прогресса, в который верили люди прошлого столетия. Он был современником «потерянного поколения» 20-х годов и «разбитого поколения», заявившего о себе в 50-е. Боли времени не обошли стороной его самого, отозвавшись и в частной его жизни, тщательно спрятанной от чужих глаз, и, разумеется, в его поэзии.

Другое дело, что не каждому дано было распознать такие отзвуки, тем более что Фрост позаботился о том, чтобы они не останавливали на себе внимание. Когда умер Робинсон, он написал предисловие к одной его посмертно напечатанной драме, где, отдавая долг памяти ушедшего поэта, особенно восхищался сдержанностью, с какой тот умел говорить «о печальном». Мысли, высказанные здесь Фростом, важны, они многое проясняют в его собственном творчестве. Он писал: «Есть высокое удовлетворение в том чувстве печали, которое не взывает ни к каким утешениям. Пусть она будет, эта печаль, но такая, когда уже ничего нельзя поправить, — неизлечимая, конечная. И рядом с нею пусть будет игра. В этом вся суть».

Игра? Но для Фроста это слово обладало специфическим смыслом. Когда поэзию превращали в «ритмизированный вопль», он уже не считал, что это поэзия. Можно было касаться самых трагических тем, но при этом должна была ощущаться ирония, и, уж во всяком случае, определенная дистанция должна была отделять поэта от охваченного страданием, ничего, кроме страдания, не испытывающего и не замечающего индивидуума. «Говорят, стиль — это человек. Надо бы сказать точнее: стиль — это

способ, каким человек осмысляет самого себя... И если он серьезен, должен чувствоваться подспудно присутствующий юмор. А если комичен, должна чувствоваться внутренняя серьезность. И то, и другое сразу, или не получает-ся ничего».

Это, конечно, не универсальная эстетическая норма, однако применительно к поэзии самого Фроста она приобретает почти абсолютное значение. К какой бы фростовской книге ни обратиться, ее тональность непременно вбирает в себя «и то, и другое сразу». Драматизм, отличающий многие балладные, диалогические да и чисто пейзажные стихотворения, смягчен юмором, а в стихах, где иронический подтекст очевиден, раз за разом обнаруживается та самая «серьезность», без которой Фрост не мыслит настоящего искусства.

Речь в конечном итоге шла о том, каковы объективные возможности и допустимые пределы самовыражения художника в поэтическом слове, о том, совпадают ли, должны ли совпадать – и до какой черты – личное и авторское «я». И здесь позиция Фроста была резко своеобразной. При всей духовной близости романтикам, которую он всегда ощущал, она оказалась по отношению к романтизму скорее полемической, чем созвучной. Фрост не стремился и даже точно бы опасался глубоко заглядывать в тайники собственной души, вникать в каждое ее движение, каждый спонтанный порыв. Такая сосредоточенность на индивидуальных переживаниях грозила разрушить или, во всяком случае, измельчить пропорции той стройной картины мира, созданием которой он был по преимуществу захвачен на протяжении всех пятидесяти лет творчества. Тут открывался просторный путь лирического исповедания с его неизбежно раздробленной, осознанно нецелостной картиной окружающей жизни, но этот путь увел очень далеко от главной художественной задачи Фроста.

Задачей было как раз преодоление раздробленности, отрицание того лирического субъективизма, который главенствовал у романтиков, а в атмосфере XX века с его суровыми испытаниями и антагонизмами как бы подталкивал к знакомому кругу мотивов и интонаций «поэзии отчаяния». Задачей было обретение более широких горизонтов, и Фрост попытался восстановить единство челове-

ка если не с социумом, то с миром природы, а тем самым и восстановить целостность человеческой личности.

Этот патриархальный оптимист и простоватый певец обыденных земных радостей, каким его воспринимали современники, в действительности брался за неимоверно трудное дело воссоздания духовной и эстетической гармонии, которой, кажется, препятствовал весь строй американской жизни XX столетия, и делал это дело честно, не допуская никакой ретуши, никакого искусственного примирения острых противоречий бытия. Внешне простой, он на поверку оказывался упорным искателем истины в сложнейших философских вопросах, одним из тех поэтов мысли, какими были в его время лишь немногие выдающиеся мастера, выбравшие ту же самую дорогу, как бы далеки они ни были от Фроста в своем понимании сущности творчества и тайн ремесла. Назовем позднего Элиота. И Монтале. И Заболоцкого.

При всех различиях общим для них всех оставалось стремление переступить рамки исповедальной лирики, наполнив поэтическое «я» содержанием, свойственным философской драме, драме идей. Пока первое лицо, ведущее монолог в их стихотворениях, доверчиво отождествлялось с личностью поэта, подлинный смысл, ими выраженный, не мог не оставаться закрытым или по меньшей мере неверно понятым. С Фростом это происходило особенно часто, даже с теми его стихами, которые стали хрестоматийными.

Достаточно одного примера. Сколько интерпретаторов полагали, будто знаменитая «Неизбранная дорога», которой открывается сборник «Между горами» (1916), представляет собой типично романтическое сожаление об упущенных возможностях и роковых ошибках прошлого. Но это лишь одно из возможных прочтений. Фросту казалось, что он написал совсем о другом. Для него это была ироническая зарисовка, высмеивающая шаблонное мышление кабинетных мечтателей, не умеющих, да и не пытающихся, твердо определить свое жизненное назначение, зато безмерно изобретательных по части неосуществимых желаний и ностальгических порывов. Впрочем, и эта трактовка, наверное, не исчерпывает смысла стихотворения. (См. также коммент. на с. 402.)

Легче всего обвинить самого Фроста в том, что его читали неправильно и толковали произвольно. Однако дело заключалось не в его неспособности отчетливо выразить свои замыслы. Продолжала сказываться инерция восприятия стихов как художественно оформленного дневника, если только в них не было вполне явственной пародийной установки. «Я» должно было непременно заключать в себе автобиографическое начало; принцип авторского «я», которое всегда до той или иной степени представляет собой маску, оставался сухой теорией, известной эстетикам, но безразличной читателям. На этой почве зарождались многие недоразумения, оставившие такой заметный след в биографии поэта Роберта Фроста.

Так, его подчеркнутую традиционность понимали в том же смысле, как и фростовскую тематику, — узко, сводя дело к крестьянским корням, словно бы современные поэтические формы были уместны только для художника, погруженного в индустриальную цивилизацию, а для поэта, воспевающего природу и фермерский труд, они оказывались непригодными. Что-нибудь в таком роде говорилось по поводу любой книги Фроста, а сам он, словно подливая масла в огонь, афишировал свою мнимую старомодность: не проявил никакого интереса к новейшим версификаторским экспериментам, которыми были так богаты те годы, высмеивал урбанизм и отверг верлибр, поскольку для него «писать свободным стихом было все равно, что играть в теннис без сетки».

Возникал законченный образ крайнего архаиста. Что-то истинное в этом, конечно, было. Фросту выпало жить и писать во времена, когда идея художественной ломки владела умами поэтов едва ли не безраздельно. Казалось само собой разумеющимся, что реальность XX века требует от художника новаторства просто в обязательном порядке. Нельзя было изображать мир так, как будто в нем ничто существенно не изменилось. Ведь искусство не живет вне времени. Тогда еще требовалось доказывать, что вне традиции оно не живет тоже.

Традиции, особенно те, что восходили к рубежу веков, воспринимались как фактор сдерживающий, а не стимулирующий движение поэзии, и часто можно было услышать, что любая попытка отойти от них оправдана уже тем, что необходим новый строй художественного изображения.

Фрост, кажется, первым среди своих современников осознал, что это новое зрение, которого добивались они все, не должно враждовать с накопленным до них художественным опытом. Конструированию и изобретению, которыми вдохновлялись другие поэты, начинавшие с ним вместе, он противопоставил идею вдумчивого освоения классики, прочитанной так, как ее только и мог прочесть художник нашей эпохи. Уточнение очень существенное. Однако во внимание оно принято не было, и о Фросте говорили только как о традиционалисте, если не резче – как о подражателе.

Теперь вряд ли потребуется доказывать, насколько это было несправедливо. Классический белый ямб у Фроста приобрел настолько непривычное звучание, что, по сути, наметились контуры новой поэтики, сколько бы переключек – причем нескрываемых, даже подчеркнутых – с предшественниками здесь ни просматривалось. Фрост знал, что «возможности обогащения мелодии драматическими тонами смысла» бесконечны, и это был его ответ на требования новизны: он предпочел «старый способ быть новым» – не разрушая, а наследуя и преображая сделанное до него.

Попытки определения истоков фростовского стиха приведут к Шекспиру и «метафизическим поэтам», они, разумеется, не минуя опыта романтиков и Робинсона. Но никакими литературными реминисценциями невозможно будет исчерпать эту поэтическую систему. Останется что-то свойственное ей одной. Останется диалогичность, этот вновь и вновь развертывающийся в стихах Фроста спор лирических протагонистов, ни один из которых до конца не совпадает с автором. Останется то более, то менее явственная ироническая интонация, и внимание к живой речи, а не к книжному, эмблематичному словарю, и сложная мелодия, становящаяся внутренней драматургией стихотворения.

И останется тот «праздник ассоциаций», который Фрост считал началом начал всякого творчества, – незримый, но решающий переход от переживания к постижению, совершающийся в поэтической метафоре. А когда он совершится, из хаоса впечатлений и эмоций возникнет упорядоченность, форма, и назначение поэта выполнено, и явившееся ему «мгновение истины» сохранится непре-

ходящим, если оно нашло для себя органичное слово.

Поисками этого слова заполнены все фростовские книги.

Один из самых устойчивых мотивов лирики Фроста – безлюдье. Он обозначился очень рано, уже в первом сборнике, и потом с редкостным упорством повторялся в стихотворениях самого разного содержания: в балладах, и в пейзажных миниатюрах, и в медитациях. Образы, которыми особенно дорожил Фрост, родственны один другому. Это снег, заметающий пустынные поля. И деревни, в которых не светится ни одно окно. И тишина болотистой чащи, где догнивают кем-то срубленные, но не вывезенные деревья. И сад в ноябрьскую вьюгу, когда слышен лишь голос воющего ветра, а свинцовые тучи придавили опустевшую, словно всеми заброшенную землю...

Леса, пастбища, ручьи, покосившиеся старые амбары, к которым давно заросла тропа, покинутые разваливающиеся фермы – весь этот ландшафт, такой обычный в стихах Фроста, создает элегическое настроение. Оно не было подавляющим и, оттененное иронией, не наводило уныния, не противоречило фростовскому оптимистическому мироощущению – просто его оптимизм никогда не был легковесным. И все же для понимания Фроста оно очень важно. Ведь у таких, как он, поэтов, страшась малейшего следа декламации и выспренности, тональность нередко значит гораздо больше, чем любые открытые признания, открытые заверения в приверженности или неприятии.

Для американского читателя картины, возникающие у Фроста, обладают четко выраженной локальной характерностью. Это Новая Англия, колыбель американской нации, самые обжитые края. Репутация Фроста как национального поэта во многом предопределена тем, что география его стихотворений так прочно привязана именно к этим штатам – Вермонту, Нью-Гемпширу. Тут как бы само собой проявляется чувство естественной связи поэта с большими духовными традициями, большими явлениями интеллектуальной и литературной жизни, имевшими тот же самый источник и локальный колорит. С пуританской этикой, проникнутой сознанием жестокого противо-

борства добра и зла в человеческой душе. С философией органичного бытия, проповедовавшей мыслителями-трансценденталистами и оставившей столь заметный след в американской культуре прошлого...

Эта связь несомненна, но она сложна, и, может быть, как раз эмоциональная гамма, преобладающая в стихах Фроста, при всей своей сдержанности лучше всего свидетельствует о том, насколько непростым было отношение поэта к духовному наследию, которое он получил. Элегичность Фроста в контексте реальности, которая его окружала, приобретает смысл, каким она бы не наполнилась в иную историческую эпоху, и только закономерно, что и «К северу от Бостона», и «Нью-Гемпшир» прочитываются сегодня как художественные документы, запечатлевшие распад былых форм жизни – и более прочных, и более человеческих. Социальные темы в их непосредственном выражении вовсе не были чужеродны природе дарования Фроста, иначе он не создал бы «Починку стены», «Смерть батрака» и другие повествовательные стихотворения, насыщенные отзвуками типично американских общественных и моральных конфликтов.

Но не одними этими стихотворениями откликнулся он на тревоги своего времени. Была и философская лирика, словно бы лишенная опознаваемых примет актуальности, но выразившая с ходом лет лишь углублявшееся у Фроста чувство поколебленной духовной преемственности, ослабших контактов человека и природы и какой-то нежеланной, но неизбежной однобокости, ущербности всего человеческого существования посреди современной американской цивилизации. И весь этот комплекс переплетающихся настроений в итоге определил ту специфическую природу самосознания личности, то особое ее самоощущение, которое, наверное, всего примечательнее в стихах Фроста и всего убедительнее говорит о том, насколько органично входит в искусство нашего столетия поэзия этого закоренелого традиционалиста, многим казавшаяся явлением, как бы принципиально обособленным от злобы дня.

Здесь все решает не тематика, а тот угол зрения, под которым восприняты коллизии, сами по себе и впрямь вечные, вневременные. Фрост фактически не открывал совершенно новых лирических сюжетов, он преобразовывал старые. Его мысль билась над теми же противоречиями

жизни, которые всегда волновали поэзию. Она все так же искала прочности нравственных оснований бытия, разрушаемых неостановимым движением времени. И стремилась понять, где разумный предел индивидуальной свободы, а где свобода становится произволом. И мучилась невозможностью найти согласованность начал — шла ли речь о человеческой душе, о социуме или даже о самой природе, для Фроста, как и для большинства поэтов XX века, уже не заключавшей в себе идеала гармонии.

Проще всего было бы лишь отметить, что такие же духовные проблемы приковывали к себе творческое воображение романтиков, а задолго до романтизма уже были по своему постигнуты и истолкованы пуританским сознанием. Но констатировать сходство и удовлетвориться этим значило бы вовсе не почувствовать пафос и сущность фростовской поэзии. Проблематика не исчезала, но она была совершенно новой для каждого нового поколения, потому что ее корректировало время. И там, где пуританская мысль находила примирение противоречий в религиозном аскетическом самообуздании личности, Фрост обнаруживал лишь иллюзорную победу, да еще оплаченную непомерной, жестокой ценой. А там, где романтикам виделась возможность идеального слияния одинокой души и космоса естественной жизни, Фрост видел реальность, какой в его время стало отчуждение человека и от природы, и от собственной гуманной сущности.

Завязывался узел духовной драмы, которую воссоздала его поэзия, устремленная к «мгновенью истины» и вдохновляющаяся идеей гармоничной личности, но слишком хорошо сознающая, насколько затруднены подобные обретения реальным порядком вещей в окружающем мире. Эта драма могла бы, как у многих литературных сверстников Фроста, быть разыграна на фоне великих и грозных исторических событий, происходивших в ту эпоху. Но ее содержание не сделалось беднее и мельче оттого, что в «Нью-Гемпшире» и «Западной реке» такого фона нет и действие происходит в скромных декорациях сельской Америки.

Фросту хотелось оставить человека наедине с собой, дав ему возможность пристальнее взглянуться в собственные переживания, собственные неосуществленные надежды. И тогда сам пейзаж переставал быть просто фо-

ном. Лесная опушка снежным зимним вечером, океанские волны, накатывающие на песчаный берег, октябрьский прозрачный полдень, когда переливаются сотнями оттенков еще не сорванные ветром листья,—эти картины природы, непременно присутствующие в самых замечательных и глубоких по мысли фростовских стихотворениях, разумеется, служат отнюдь не украшением, не просто обрамляют центральный образ. Природа молчаливо участвует в каждом душевном побуждении лирического героя, точно бы ведет с ним диалог, не обозначенный словами.

И намечаются, а порой непосредственно дают о себе знать сложные отношения между участниками этого непрерывного диалога, каким была вся поэзия Фроста. Природа являет образ мира как красоты, и рядом с нею неизбежно суетными, даже ничтожными оказываются людские заботы, измеряемые иной, и куда более прозаичной мерой. Однако это, по сути, романтическое противопоставление затрагивает лишь самый верхний слой содержания философской лирики Фроста. Потому что природа у него — это и образ мира как хаоса, остающегося неукротенным и отталкивающим личность какой-то скрытой в нем угрозой. Она влечет к себе, и она же останавливает каждого, кто простодушно откликнется на ее зов,—Фрост знал, что есть черта, дальше которой человеку не дано проникнуть в тайну мироздания, и знал, что любые попытки переступить эту границу, разрушить эту стену пагубны для самого человека. Природу он — как в русской поэзии Заболоцкий — наделил способностью распознавать добро и зло, истину и ложь в этическом значении этих понятий, и его идеалом, конечно, было не соперничество человека и природы, а их живое единство, помогающее преодолеть разобщенность.

Однако разобщенность оставалась реальным фактом, и она откликнется в стихотворениях Фроста не только напрямую, но подчас очень усложненными метафорами, возникающими в подчеркнуто обыденном контексте. Есть у него стихи о мальчишках, которые раскачиваются на гибких ветвях березы, способных подбросить напружинившееся тело высоко в небо, словно бы земное притяжение на миг перестает существовать. Иллюзия, впрочем, длится одну секунду, и земля тут же требует своего пленника обратно —

отринуть реальные законы нельзя даже в смелом полете воображения.

Образ может показаться простым и ясным, но он таит в себе мысль, в поэтическом отношении поистине неисчерпаемую. Ведь и вся прихотливая, бесконечно изменчивая картина «встречного движения» личности и природы, которая возникнет перед читателями фростовского тома, окрашена таким вот конфликтом разнородных импульсов, непрерывно сталкивающихся в сознании протагониста, доверчивого к голосам лесов и полей, но и страшщегося раствориться в загадочном этом мире, подчиненном особому ритму, манящем и не подпускающему к себе. И всякое устремление ввысь, всякая попытка оторваться от круга жизни, определенного человеку, обязательно увенчается у Фроста возвратом к первоистоку, признанием невозможности преодолеть невидимый барьер.

Оно, это признание, конечно, несет в себе отблеск той духовной атмосферы американской жизни, в которой процессы отчуждения принимали характер всеобщности. Фросту не раз доводилось выслушивать упреки в метафизичности, но точнее было бы сказать не о его слабостях, а о честности его свидетельства, о его реализме. А кроме того, и о масштабах, которые приобрело в его время это ощущение человеческого одиночества, если им оказался затронут даже такой светлый и жизнелюбивый талант.

Именно затронут – и не больше: ощущение катастрофы осталось Фросту глубоко чуждым. Один из студентов семинара, который поэт многие годы вел в колледже Амхерста, как-то задал ему вопрос, считает ли он наше время особенно дисгармоничным и антигуманным. Шел 1935 год, в Европе поднимал голову фашизм, а на родине Фроста еще давала о себе знать «великая депрессия», и число безработных, бездомных, отчаявшихся измерялось миллионами. Но ответ Фроста был последовательно отрицательным. «Всегда найдутся люди, готовые утверждать, что им выпало жить в самый скверный век. Я не могу слушать таких разговоров... Не знаю, что такое прогресс, но, во всяком случае, он никогда не облегчит нам главной задачи – сделать так, чтобы не погибла в этом мире наша душа или, если кому-то не нравится это слово, чтобы в нем сохранились наше достоинство, наша цельность».

Тогда же он написал стихи, в которых определяет свою позицию как любовную размолвку с бытием.

Это на редкость точная автохарактеристика. Идилличность, которую – то восторгаясь, то хуля – так долго приписывали Фросту, оказалась лишь еще одной легендой из тех, что ему сопутствовали всю жизнь. На поверку его поэзия была не идиллией и не пасторалью, а попыткой осознать и донести напряженность антагонизмов, проходящих через само человеческое сердце, осмыслить духовные коллизии, в которых различим четкий отзвук времени. И эта значительность, эта серьезность проблем, к которым он упорно возвращался, храня верность раз и навсегда им для себя определенным творческим установкам, как раз и побуждала Фроста с такой язвительностью говорить о тех, кто не стремится заглянуть ни в глубь вещей, ни за горизонт будничности, воспринимая свой жизненный опыт безропотно и бездумно. В поэзии он двигался против течения, не признав доминировавших тогда принципов и ориентиров. Против течения, если иметь в виду инерцию существования по общепринятым шаблонам, он двигался и в своих нравственных исканиях, в самом своем толковании обязанностей поэта.

Поэтому разлад, размолвка с бытием были закономерны. Но открытого конфликта не произошло. И не могло произойти – ведь сохранялась непоколебимой фростовская вера: не в миражи прогресса, а в способность человека защитить собственное достоинство, даже сталкиваясь с объективными и неподвластными его воле противоречиями, созданными характером американской действительности XX века. Гуманизм Фроста лишен всякой высокопарности и всякого прекраснодушия, кому-то он может казаться сухим и бескрылым, но зато он не был подвержен никаким шатаниям в атмосфере резких исторических встрясок, надломивших не одного пламенного мечтателя о безоблачном будущем, которое уже не за горами.

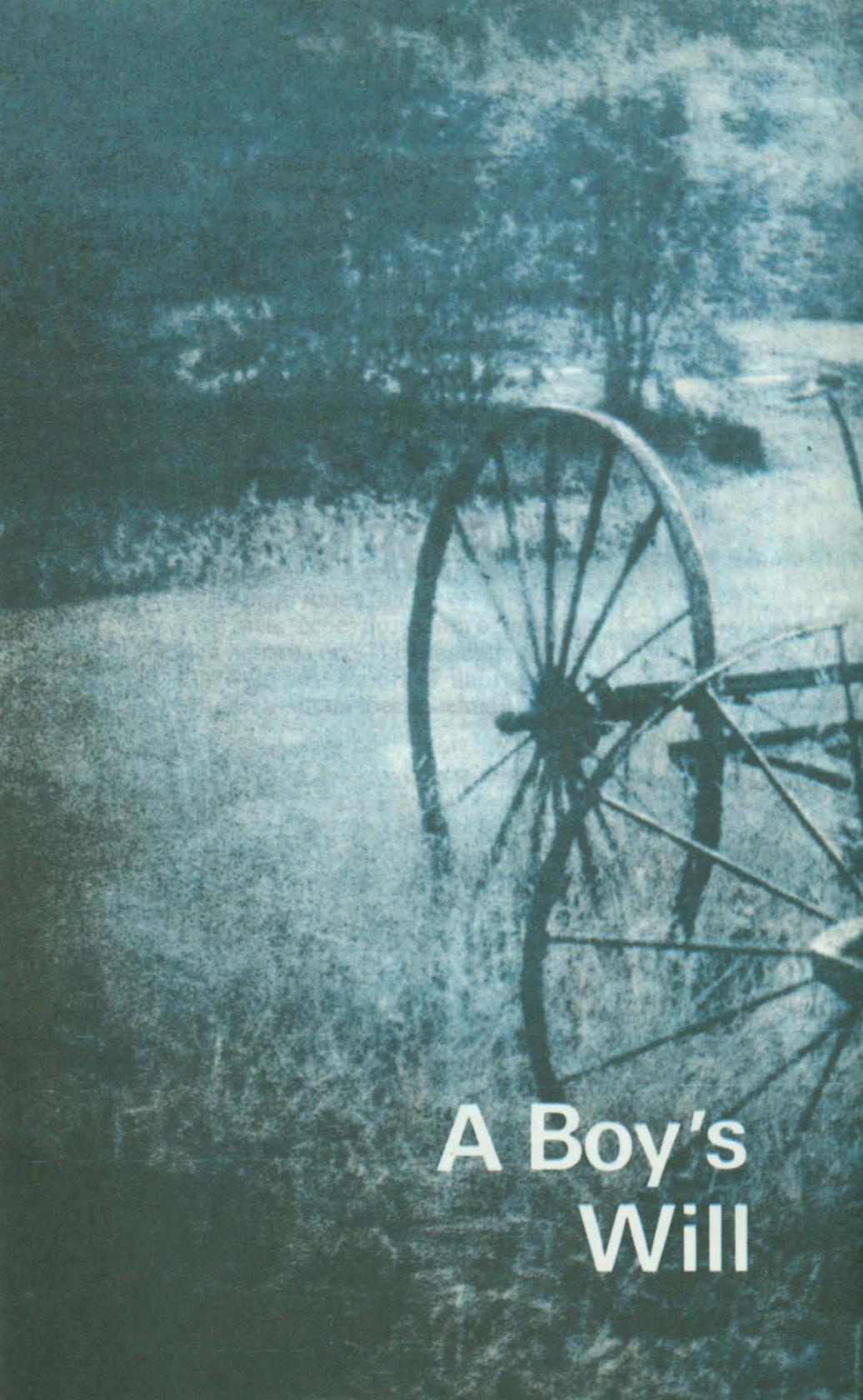
Фрост видел глубже и мыслил ответственнее, он ощущал мир во всей его драматической сложности, твердо и ясно отмежевавшись как от провозвестников облегченного оптимизма, так и от певцов отчаяния, считавших такое умонастроение естественным для людей нашего времени. Для него реальность никогда не сводилась к столь однозначным формулам, для него это была живая жизнь, не-

исчерпаемо многоликая и опровергающая любое насильственное упрощение своих законов. Она требовала от художника правды и нравственного мужества. Фрост был среди тех очень немногих американских поэтов, которые приняли эти требования не голословно, а по сути дела. И как ни рискованно отождествлять с поэтом его героя, все же трудно не отнести к самому Фросту стихотворение из последней его книги, переведенное Михаилом Зенкевичем, когда-то открывшим русскому читателю этого замечательного мастера:

Он не беглец уклончивый, пугливый.
С оглядкой он не шел, не спотыкался.
Не позади опасность, а с ним рядом,
По обе стороны, и потому
Порой извилист путь его прямой.
Он устремлен вперед. Ведь он искатель.
Такого же искателя он ищет,
Который ищет вдалеке другого
И в нем себе подобного находит.
Вся жизнь его – искание исканий.
Он будущее видит в настоящем.
Он весь – цепь бесконечная стремлений.

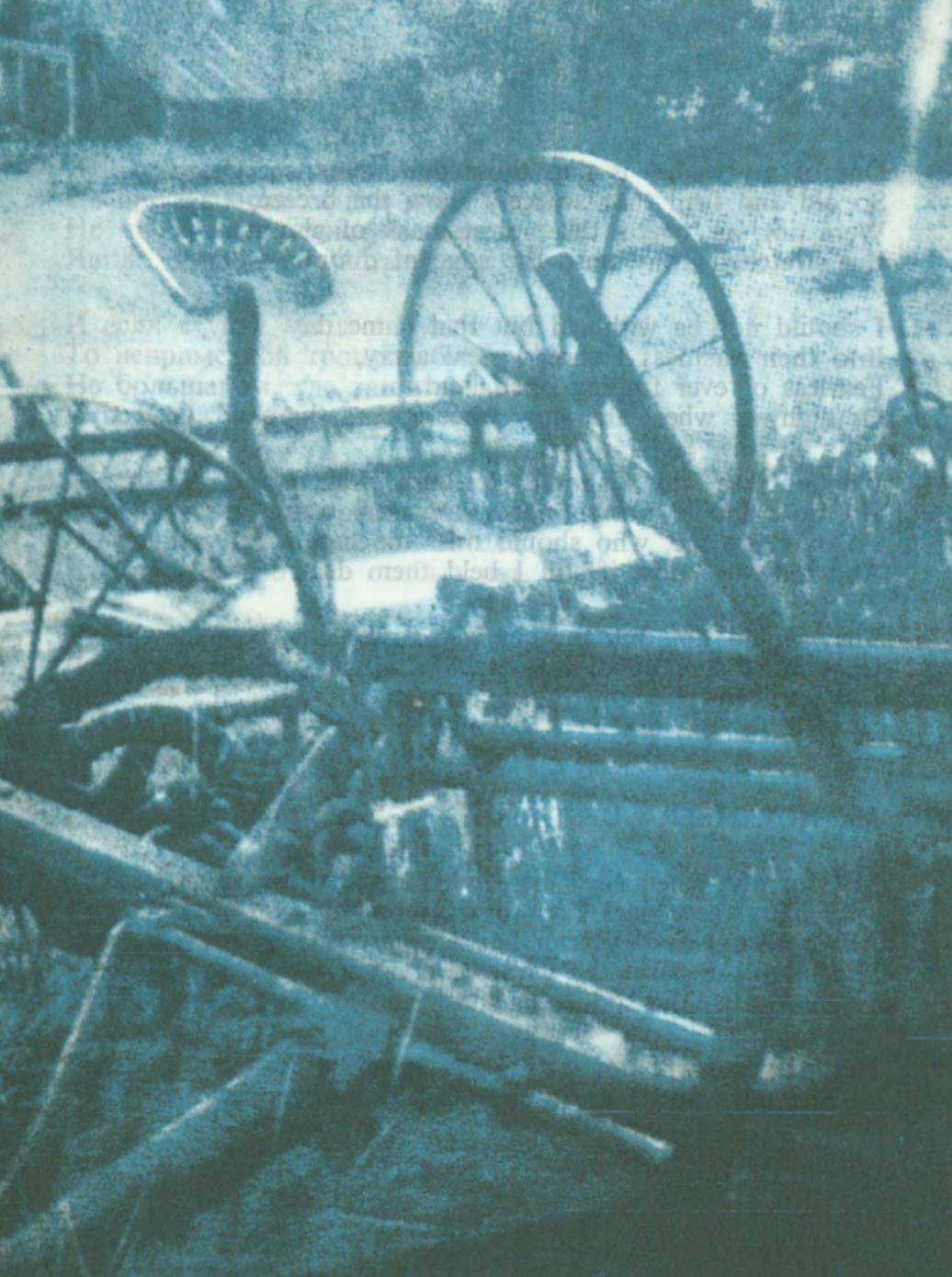
А. Зверев

СТИХИ
POEMS

A vintage, sepia-toned photograph of a wooden wagon wheel. The wheel is the central focus, showing its spokes and the curved rim. It is positioned in a field with a line of trees in the background. The overall tone is nostalgic and historical.

**A Boy's
Will**

Прощание с ЮНОСТЬЮ

INTO MY OWN

One of my wishes is that those dark trees,
So old and firm they scarcely show the breeze,
Were not, as 'twere, the merest mask of gloom,
But stretched away unto the edge of doom.

I should not be withheld but that some day
Into their vastness I should steal away,
Fearless of ever finding open land,
Or highway where the slow wheel pours the sand.

I do not see why I should e'er turn back,
Or those should not set forth upon my track
To overtake me, who should miss me here
And long to know if still I held them dear.

They would not find me changed from him they knew—
Only more sure of all I thought was true.

MY NOVEMBER GUEST

My Sorrow, when she's here with me,
Thinks these dark days of autumn rain
Are beautiful as days can be;
She loves the bare, the withered tree;
She walks the sodden pasture lane.

Her pleasure will not let me stay.
She talks and I am fain to list:

ПУТЬ К СЕБЕ

Я бы хотел, чтоб лиственная мгла
Не просто мраком для меня была,
Но чтобы мне лесное бытие
Явило в чащах таинство свое.

И если я уйду когда-нибудь,
То неприметной тропкой будет путь –
Не большаком, где тащится возок,
Пересыпая спицами песок.

А если бы пойти за мной решил
Однажды тот, кто дорог мне и мил,
Он увидал бы, отыскав мой след,
Что перемен во мне особых нет.

Лишь веровать еще сильнее стал
В то, что и раньше правдою считал.

Перевод Б. Хлебникова

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Печаль моя, осенних дней
Со мною пасмурность деля,
Твердит, что ей всего милей
Унылый вид нагих ветвей
И тропка в мокрые поля.

Она мне говорит всерьез
О том, как радуется,

She's glad the birds are gone away,
She's glad her simple worsted gray
Is silver now with clinging mist.

The desolate, deserted trees,
The faded earth, the heavy sky,
The beauties she so truly sees,
She thinks I have no eye for these,
And vexes me for reason why.

Not yesterday I learned to know
The love of bare November days
Before the coming of the snow,
But it were vain to tell her so,
And they are better for her praise.

A LATE WALK

When I go up through the mowing field,
The headless aftermath,
Smooth-laid like thatch with the heavy dew,
Half closes the garden path.

And when I come to the garden ground,
The whir of sober birds
Up from the tangle of withered weeds
Is sadder than any words.

A tree beside the wall stands bare,
But a leaf that lingered brown,
Disturbed, I doubt not, by my thought,
Comes softly rattling down.

I end not far from my going forth
By picking the faded blue
Of the last remaining aster flower
To carry again to you.

Что шумных птиц спугнул мороз,
Что серебрит туманный ворс
Ее неброское шитье,

Что роща серая пуста,
Что небо клонится к стерне,
Что ей одной понятна та
Таинственная красота,
Которой-де не видно мне.

Давно я знаю наизусть
Упреки эти, что с того?
До первых снегопадов пусть
Мне их нашептывает грусть,
Усугубляя колдовство.

Перевод Б. Хлебникова

ПРОГУЛКА ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Простерлась по стерне роса
Белесой пеленой,
Из-под нее едва видна
Тропинка предо мной.

Я в сад войду и содрогнусь,
Настолько шелест крыл
Взлетевших надо мною птиц
В нем гулок и уныл.

И кажется – нельзя вздохнуть
В наставшей тишине,
Чтоб с ветки одинокий лист
Не пал под ноги мне.

Вновь для тебя в осенний сад
Зашел я по пути,
Чтобы букет последних астр
Отсюда принести.

Перевод Б. Хлебникова

THE VANTAGE POINT

If tired of trees I seek again mankind,
Well I know where to hie me—in the dawn,
To a slope where the cattle keep the lawn.
There amid lolling juniper reclined,
Myself unseen, I see in white defined
Far off the homes of men, and farther still,
The graves of men on an opposing hill,
Living or dead, whichever are to mind.

And if by noon I have too much of these,
I have but to turn on my arm, and lo,
The sun-burned hillside sets my face aglow,
My breathing shakes the bluet like a breeze,
I smell the earth, I smell the bruised plant,
I look into the crater of the ant.

A DREAM PANG

I had withdrawn in forest, and my song
Was swallowed up in leaves that blew away;
And to the forest edge you came one day
(This was my dream) and looked and pondered long,
But did not enter, though the wish was strong:
You shook your pensive head as who should say,
'I dare not—too far in his footsteps stray—
He must seek me would he undo the wrong.'

Not far, but near, I stood and saw it all
Behind low boughs the trees let down outside;
And the sweet pang it cost me not to call
And tell you that I saw does still abide.
But 'tis not true that thus I dwelt aloof,
For the wood wakes, and you are here for proof.

С УДОБНОЙ ТОЧКИ

Уставший от деревьев и лесов,
Уйду к стадам в предгорье луговое,
Где свежий запах можжевельной хвои
Витают в дымке утренних часов.
Смотрю с крутого склона на дома,
Невидимый, лежу в траве пахучей,
А взгляд скользит по молчаливой круче
Кладбищенского дальнего холма.

В конце концов наскучат мне живые
И мертвые,—я отвернусь, и зной
Обдаст меня душливой волной,
Дыханьем жгу соцветья полевые,
Приглядываюсь тихо к муравью
И запахи земные узнаю.

Перевод Р. Дубровкина

БОЛЬ ВО СНЕ

Я удалился к темным деревьям,
Чтобы молчать и петь, как их листы.
Однажды к лесу подошла и ты
(Таков был сон), но задержалась там,
У края, не решаясь по следам
Моим за мною в эту глушь войти,
Подумав про себя: «Меня найти
Он должен сам, как и оставил сам».

Я рядом был и пристально глядел
Из-за ветвей, что разделяли нас,
И тосковал, а все ж не захотел
Позвать тебя с собой и в этот раз,
Хоть вечно буду мучиться разлукой.
А твой приход стал вновь тому порукой.

Перевод Б. Хлебникова

WIND AND WINDOW FLOWER

Lovers, forget your love,
And list to the love of these.
She a window flower,
And he a winter breeze.

When the frosty window veil
Was melted down at noon,
And the caged yellow bird
Hung over her in tune,

He marked her through the pane
He could not help but mark,
And only passed her by,
To come again at dark.

He was a winter wind,
Concerned with ice and snow,
Dead weeds and unmated birds,
And little of love could know.

But he sighed upon the sill,
He gave the sash a shake,
As witness all within
Who lay that night awake.

Perchance he half prevailed
To win her for the flight
From the firelit looking-glass
And warm stove-window light.

But the flower leaned aside
And thought of naught to say,
And morning found the breeze
A hundred miles away.

БАЛЛАДА О ГЕРАНИ И БУРАНЕ

Счастливой будет пусть любовь,
Но о любви иной
Моя баллада про герань
И вихрь ледяной.

Он в полдень увидел ее
В оттаявшем окне,
Где весело ручной щегол
Насвистывал над ней.

Однако, увидав герань,
Буран метнулся прочь
И снова прилетел к окну,
Когда настала ночь.

Он ведал все про снег и лед,
Студеный день и тьму,
А вот любовь была совсем
Неведома ему.

Буран кружил перед окном
И тяжело вздыхал,
Что дружно подтверждают все,
Кто в эту ночь не спал.

Он так томился, что герань
Почти уже была
Готова с ветром улететь
От света и тепла.

Но так и не смогла ему
Сказать ни «да», ни «нет»...
За сотни миль от тех окон
Буран встречал рассвет.

Перевод Б. Хлебникова

GHOST HOUSE

I dwell in a lonely house I know
That vanished many a summer ago,
 And left no trace but the cellar walls,
 And a cellar in which the daylight falls,
And the purple-stemmed wild raspberries grow.

O'er ruined fences the grapevines shield
The woods come back to the mowing field;
 The orchard tree has grown one copse
 Of new wood and old where the woodpecker chops;
The footpath down to the well is healed.

I dwell with a strangely aching heart
In that vanished abode there far apart
 On that disused and forgotten road
 That has no dust-bath now for the toad.
Night comes; the black bats tumble and dart;

The whippoorwill is coming to shout
And hush and cluck and flutter about:
 I hear him begin far enough away
 Full many a time to say his say
Before he arrives to say it out.

It is under the small, dim, summer star.
I know not who these mute folk are .
 Who share the unlit place with me—
 Those stones out under the low-limbed tree
Doubtless bear names that the mosses mar.

They are tireless folk, but slow and sad,
Though two, close-keeping, are lass and lad,—
 With none among them that ever sings,
 And yet, in view of how many things,
As sweet companions as might be had.

ПРИЗРАЧНЫЙ ДОМ

Этот дом простоял много лет.
Только дома давно уже нет.

А когда-нибудь даже руины
Зарастут одичавшей малиной,
И последний забудется след.

Через бреши прогнивших оград
Лес вернулся в запущенный сад,
Где тропинка к воде заросла.
А у груши теперь два ствола,
И по старому – дятлы стучат.

Как печально, что умер наш дом,
Что не выбежать вновь босиком
На дорожную теплую пыль.
И взлетает во тьму нетопырь
Над невидимым чердаком.

Под-над гулкой речною водой
Начинает кричать козодой,
Но опять умолкает тотчас,
Не решаясь унылый рассказ
Продолжать пред ночной немотой.

Мало света у летних светил.
Всех, кто кров наш со мною делил,
Я забыл. Может, помнит о том
Камень, если еще подо мхом
Чьи-нибудь имена сохранил.

Среди призраков пара одна
Мне особенно ясно видна.
Меж безмолвной родни
Вечно рядом они,
Тени тихие, – он и она.

Перевод Б. Хлебникова

TO THE THAWING WIND

Come with rain, O loud Southwester!
Bring the singer, bring the nester;
Give the buried flower a dream;
Make the settled snowbank steam;
Find the brown beneath the white;
But whate'er you do tonight,
Bathe my window, make it flow,
Melt it as the ice will go;
Melt the glass and leave the sticks
Like a hermit's crucifix;
Burst into my narrow stall;
Swing the picture on the wall;
Run the rattling pages o'er;
Scatter poems on the floor;
Turn the poet out of door.

IN A VALE

When I was young, we dwelt in a vale
By a misty fen that rang all night,
And thus it was the maidens pale
I knew so well, whose garments trail
Across the reeds to a window light. .

The fen had every kind of bloom,
And for every kind there was a face,
And a voice that has sounded in my room
Across the sill from the outer gloom.
Each came singly unto her place,

But all came every night with the mist;
And often they brought so much to say
Of things of moment to which, they wist,
One so lonely was fain to list,
That the stars were almost faded away

ТЕПЛОМУ ВЕТРУ

Теплый ветер, прилетай
Вместе с гамом птичьих стай,
Вместе с вешним ливнем, чтобы
На дворе сошли сугробы,
Заблестела бы земля
Из-под них черней угля,
Чтоб оконное стекло,
Как ледышка, потекло,
И осталась только рама,
Как распятие из храма.
Теплый вихрь, ворвись в мое
Одинокое жилье,
Подхвати стихи, и вслед
Им отправится поэт
Поглядеть на белый свет.

Перевод Б. Хлебникова

НА БОЛОТЕ

В ту пору я был совсем молодым,
Наш дом обветшалый стоял у болота,
И бледной фатой вечеряющий дым
Стелился во тьме по кочкам седым,
А топи все звали кого-то.

Какие растут на болотах цветы! –
У разных соцветий – разные лица,
И легко голоса различаешь ты,
Когда в твою комнату из темноты
Белесый туман струится.

Они проникают сквозь камыши,
Голоса туманные эти,
И шепчут в полночной гулкой тиши
О тысячах тайн одинокой души,
Пока наконец, на рассвете,

Before the last went, heavy with dew,
Back to the place from which she came—
Where the bird was before it flew,
Where the flower was before it grew,
Where bird and flower were one and the same.

And thus it is I know so well
Why the flower has odor, the bird has song.
You have only to ask me, and I can tell.
No, not vainly there did I dwell,
Nor vainly listen all the night long.

STORM FEAR

When the wind works against us in the dark,
And pelts with snow
The lower chamber window on the east,
And whispers with a sort of stifled bark,
The beast,
'Come out! Come out!'—
It costs no inward struggle not to go,
Ah, no!
I count our strength,
Two and a child,
Those of us not asleep subdued to mark
How the cold creeps as the fire dies at length,—
How drifts are piled,
Dooryard and road ungraded,
Till even the comforting barn grows far away,
And my heart owns a doubt
Whether 'tis in us to arise with day
And save ourselves unaided.

STARS

How countlessly they congregate
O'er our tumultuous snow,
Which flows in shapes as tall as trees
When wintry winds do blow!—

Последний цветок не остудит роса,
И они ускользают в тот мир непохожий,
Где птички рождаются голоса,
Где цветок нерожденный скрывают леса,
Где цветы и птицы – одно и то же.

С тех пор догадался я, почему
У цветка есть запах, у птицы – трели,
Нет, не зря в сыром, туманном дыму
Я подолгу вглядывался во тьму,
Где на певчем болоте огни горели.

Перевод Р. Дубровкина

В БУРЮ

Ночью вьюга стучится в дверь,
Белизной застилая
Сумрак сводчатого окна,
Задыхаясь от лая,
Распялась, точно зверь:
«Выходи, выходи!»
Я привычного зова почти не слышу,
Ночь за окнами слишком темна,
Сколько нас?
Двое взрослых, спящий ребенок,
И огонь в очаге почти угас,
И ты зябнешь спросонок,
Хлопья снега кружат на ветру,
И сарай засыпан по крышу,
А в груди
От немолчного дикого гуда
Притаился страх, что к утру
Нам не выйти отсюда.

Перевод Р. Дубровкина

ЗВЕЗДЫ

Неисчислимы огни,
Вы свет струите странный,
Когда во весь огромный рост
Идут на нас бураны.

As if with keenness for our fate,
Our faltering few steps on
To white rest, and a place of rest
Invisible at dawn,—

And yet with neither love nor hate,
Those stars like some snow-white
Minerva's snow-white marble eyes
Without the gift of sight.

GOING FOR WATER

The well was dry beside the door,
And so we went with pail and can
Across the fields behind the house
To seek the brook if still it ran;

Not loth to have excuse to go,
Because the autumn eve was fair
(Though chill), because the fields were ours,
And by the brook our woods were there.

We ran as if to meet the moon
That slowly dawned behind the trees,
The barren boughs without the leaves,
Without the birds, without the breeze.

But once within the wood, we paused
Like gnomes that hid us from the moon,
Ready to run to hiding new
With laughter when she found us soon.

Each laid on other a staying hand
To listen ere we dared to look,
And in the hush we joined to make
We heard, we knew we heard the brook.

Столетиями следите вы
За чередой людскою,
Что в снежной белизне бредет
К безбрежному покою.

Ни ненависти, ни любви
В пустых глазницах ночи,
Минервы мраморной укор:
Невидящие очи.

Перевод Р. Дубровкина

ЗА ВОДОЙ

Колодец во дворе иссяк,
И мы с ведром и котелком
Через поля пошли к ручью
Давно не хоженным путем.

Ноябрьский вечер был погож,
И скучным не казался путь –
Пройтись знакомою тропой
И в нашу рощу заглянуть.

Луна вставала впереди,
И мы помчались прямо к ней,
Туда, где осень нас ждала
Меж оголившихся ветвей.

Но, в лес вбежав, притихли вдруг
И спрятались в тени резной,
Как двое гномов озорных,
Затеявших игру с луной.

И руку задержав в руке,
Дыханье разом затая,
Мы замерли – и в тишине
Услышали напев ручья.

A note as from a single place,
A slender tinkling fall that made
Now drops that floated on the pool
Like pearls, and now a silver blade.

REVELATION

We make ourselves a place apart
Behind light words that tease and flout,
But oh, the agitated heart
Till someone really find us out.

'Tis pity if the case require
(Or so we say) that in the end
We speak the literal to inspire
The understanding of a friend.

But so with all, from babes that play
At hide-and-seek to God afar,
So all who hide too well away
Must speak and tell us where they are.

THE TUFT OF FLOWERS

I went to turn the grass once after one
Who mowed it in the dew before the sun.

The dew was gone that made his blade so keen
Before I came to view the leveled scene.

I looked for him behind an isle of trees;
I listened for his whetstone on the breeze.

But he had gone his way, the grass all mown,
And I must be, as he had been,—alone,

Прерывистый прозрачный звук:
Там, у лесного бочажка –
То плеск рассыпавшихся бус,
То серебристый звон клинка.

Перевод Г. Кружкова

ОТКРОВЕНИЕ

Мы любим скрытничать, хотя
Душе и боязно скрываться.
Так неотысканным дитя
Боится, спрятавшись, остаться.

Уж не от этого ль подчас
Почти что детского испуга
Неудержима тяга в нас
Секреты поверять друг другу?

И что-то грустное есть в том,
Что человек ли, бог ли, демон,
Укрывшись ото всех, потом
Сам и открыться должен – где он.

Перевод Б. Хлебникова

ЦВЕТЫ

Июльский полдень плавил синеву.
Я скошенную ворошил траву.

И вдруг подумал я о косаре,
Который здесь работал на заре.

Мне чудилось – за купами раки
Еще коса проворная звенит.

Но нет, косарь труды закончил в срок –
Один. И я был тоже одинок.

'As all must be,' I said within my heart,
'Whether they work together or apart.'

But as I said it, swift there passed me by
On noiseless wing a bewildered butterfly,

Seeking with memories grown dim o'er night
Some resting flower of yesterday's delight.

And once I marked his flight go round and round,
As where some flower lay withering on the ground.

And then he flew as far as eye could see,
And then on tremulous wing came back to me.

I thought of questions that have no reply,
And would have turned to toss the grass to dry;

But he turned first, and led my eye to look
At a tall tuft of flowers beside a brook,

A leaping tongue of bloom the scythe had spared
Beside a reedy brook the scythe had bared.

The mower in the dew had loved them thus,
By leaving them to flourish, not for us,

Nor yet to draw one thought of ours to him,
But from sheer morning gladness at the brim.

The butterfly and I had lit upon,
Nevertheless, a message from the dawn,

That made me hear the wakening birds around,
And hear his long scythe whispering to the ground,

And feel a spirit kindred to my own;
So that henceforth I worked no more alone;

But glad with him, I worked as with his aid,
And weary, sought at noon with him the shade;

И знал – дорога каждому дана
Своя. С чужой не встретится она.

Но в это время прямо из-под ног
Вспорхнул бесшумно яркий мотылек.

И начал облетать затихший луг,
Растерянно чертя за кругом круг.

Казалось, он до темноты готов
Кружить над этим кладбищем цветов.

Увидел что-то, полетел к реке,
Но появился вновь невдалеке

И тут же к берегу спешит опять,
Как будто хочет за собой позвать.

Я вслед ему взглянул – и у реки
Увидел голубые васильки.

Я подошел. Их островок живой
Поднялся над безжизненной травой.

Он красотой, должно быть, поразил
Того, кто на рассвете здесь косил.

И не для нас косарь сберег цветы,
А только ради этой красоты.

Его рассвет, наверно, опьянил,
И потому он жизнь им сохранил.

Казалось мне, что зноя больше нет,
Что я и сам встречаю тот рассвет,

Что вновь проснулись птичьи голоса,
Что где-то за рекой поет коса

И что косарь стал спутником моим.
В тот полдень я трудился вместе с ним.

С ним вместе был работой утомлен,
Когда же я прилег, прилег и он.

And dreaming, as it were, held brotherly speech
With one whose thought I had not hoped to reach.

'Men work together,' I told him from the heart,
'Whether they work together or apart.'

PAN WITH US

Pan came out of the woods one day,—
His skin and his hair and his eyes were gray,
The gray of the moss of walls were they,—
 And stood in the sun and looked his fill
 At wooded valley and wooded hill.

He stood in the zephyr, pipes in hand,
On a height of naked pasture land;
In all the country he did command
 He saw no smoke and he saw no roof.
 That was well! and he stamped a hoof.

His heart knew peace, for none came here
To this lean feeding save once a year
Someone to salt the half-wild steer,
 Or homespun children with clicking pails
 Who see so little they tell no tales.

He tossed his pipes, too hard to teach
A new-world song, far out of reach,
For a sylvan sign that the blue jay's screech
 And the whimper of hawks beside the sun
 Were music enough for him, for one.

Times were changed from what they were:
Such pipes kept less of power to stir
The fruited bough of the juniper
 And the fragile bluets clustered there
 Than the merest aimless breath of air.

И, пробудившись, я сказал ему,
Неведомому брату моему:

«Теперь я знаю – нет чужих дорог.
Пусть ты – один, но ты не одинок».

Перевод А. Казарновского

С НАМИ ПАН

Вышел Пан из глухих лесов,
Сединою одетый мхов,
Страхолюден, космат, суров, –
 Вышел старый полюбоваться
 Миром, где лишь леса теснятся.

Вышел в вольную высоту.
Вышел, флейту поднес ко рту,
Края жалкую наготу,
 Где нигде ни огня, ни крова,
 Озирая во мгле багровой.

Мир по нраву ему – пустой,
Где лишь вепря свирепый вой
Кратким летом в траве густой,
 Да мальчишки играют в прятки,
 Знать не зная лесной загадки.

Всюду в мире – другой уклад.
Флейта пела на старый лад,
Ибо шуток младых дриад,
 Плача сойки, тоски шакала,
 Чтобы песню вести, – хватало.

Но меняются времена.
Отступает старина.
Вот и флейта – теперь она
 С ветром яростью не поспорит,
 Ветерка теперь не оборет.

They were pipes of pagan mirth,
And the world had found new terms of worth.
He laid him down on the sun-burned earth
 And raveled a flower and looked away—
 Play? Play?—What should he play?

THE DEMIURGE'S LAUGH

It was far in the sameness of the wood;
 I was running with joy on the Demon's trail,
Though I knew what I hunted was no true god.
 It was just as the light was beginning to fail
That I suddenly heard—all I needed to hear:
It has lasted me many and many a year.

The sound was behind me instead of before,
 A sleepy sound, but mocking half,
As of one who utterly couldn't care.
 The Demon arose from his wallow to laugh,
Brushing the dirt from his eye as he went;
And well I knew what the Demon meant.

I shall not forget how his laugh rang out.
 I felt as a fool to have been so caught,
And checked my steps to make pretense
 It was something among the leaves I sought
(Though doubtful whether he stayed to see).
Thereafter I sat me against a tree.

A LINE-STORM SONG

The line-storm clouds fly tattered and swift.
 The road is forlorn all day,
Where a myriad snowy quartz stones lift,
 And the hoof-prints vanish away.

Ведь языческий сгинул дух.
Новый мир к старым песням глух.
Пан пал наземь, и взор потух;
Смял последний цветок рукою...
Петь? О чем же? Здесь все чужое!

Перевод В. Топорова

СМЕХ ДЕМИУРГА

Однотонно темнел вечеряющий лес,
Я по следу бежал за неведомым духом,
Не был подлинным богом лесной этот бес,
Только вдруг уловил я внимательным слухом
То, чего так искал в вековой тишине:
Странный звук, он надолго запомнился мне.

Он раздался в кустах у меня за спиной,
Этот клекот глухой, этот хохот свистящий,
Равнодушный, ленивый, как будто сквозь сон,—
Злобный призрак, смеясь, показался из чащи,
Комья грязи отряхивая на ходу,
И я понял, что демон имеет в виду.

Так попасться! Каким же я был дураком!
Он запутал меня в этих тропках паучьих!
И тогда я нарочно замедлил шаги,
Словно что-то высматривал в сумрачных сучьях,
Но он скрылся в лесу, не взглянув на меня...
До утра просидел я у старого пня.

Перевод Р. Дубровкина

ПЕСНЯ ОСЕННЕГО ЛИВНЯ

Эта буря веселая в солнцеворот
Гонит клочья сырых облаков,
На дорогах беснуется дождь-сумасброд
И стирает следы от подков,

The roadside flowers, too wet for the bee,
Expend their bloom in vain.
Come over the hills and far with me,
And be my love in the rain.

The birds have less to say for themselves
In the wood-world's torn despair
Than now these numberless years the elves,
Although they are no less there:
All song of the woods is crushed like some
Wild, easily shattered rose.
Come, be my love in the wet woods, come,
Where the boughs rain when it blows.

There is the gale to urge behind
And bruit our singing down,
And the shallow waters aflutter with wind
From which to gather your gown.
What matter if we go clear to the west,
And come not through dry-shod?
For wilding brooch shall wet your breast
The rain-fresh goldenrod.

Oh, never this whelming east wind swells
But it seems like the sea's return
To the ancient lands where it left the shells
Before the age of the fern;
And it seems like the time when after doubt
Our love came back amain.
Oh, come forth into the storm and rout
And be my love in the rain.

OCTOBER

O hushed October morning mild,
Thy leaves have ripened to the fall;
Tomorrow's wind, if it be wild,
Should waste them all.

Понапрасну цветов промокших семья
Ждет заботливых пчел под дождем,—
Выходи скорее, любовь моя,
Мы в простор осенний уйдем!

Даже птички как будто молчат голоса,
Нам расскажут не больше они,
Чем эльфы, что в буйные эти леса
Пришли в стародавние дни
И ветру сегодня шепнули: «Развей
Шум листьев и птичий писк!»
Пойдем туда, где хлещет с ветвей
Сверкающий ливень брызг.

Ветер в спину толкает, грозя и ярься,
На пустынной дороге темно,
Под ногами привычно хлюпает грязь,
Мы до нитки промокли давно,
Только что нам за дело, когда впереди
Разверзается новый поток!
Медальюном горит у тебя на груди
Золотой ольховый листок.

Нет, это не ветер гудит во мгле,
Это шум довременной волны,
Это море вернулось к древней земле,
Где оставило валуны.
И кажется, заново ожила
Наша любовь под дождем,
Уйдем туда, где буря и мгла,
В осенний простор уйдем!

Перевод Р. Дубровкина

ОКТАБРЬ

Денек октябрьский золотой,
Уже созрел твой листопад.
Подует завтра ветер злой,
И листья облетят.

The crows above the forest call;
Tomorrow they may form and go.
O hushed October morning mild,
Begin the hours of this day slow.
Make the day seem to us less brief.
Hearts not averse to being beguiled,
Beguile us in the way you know.
Release one leaf at break of day;
At noon release another leaf;
One from our trees, one far away.
Retard the sun with gentle mist;
Enchant the land with amethyst.
Slow, slow!
For the grapes' sake, if they were all,
Whose leaves already are burnt with frost,
Whose clustered fruit must else be lost—
For the grapes' sake along the wall.

RELUCTANCE

Out through the fields and the woods
 And over the walls I have wended;
I have climbed the hills of view
 And looked at the world, and descended;
I have come by the highway home,
 And lo, it is ended.

The leaves are all dead on the ground,
 Save those that the oak is keeping
To ravel them one by one
 And let them go scraping and creeping
Out over the crusted snow,
 When others are sleeping.

And the dead leaves lie huddled and still,
 No longer blown hither and thither;

Вороны каркают не в лад,
Но завтра разлетится стая.
Денек октябрьский золотой,
Продли часы, неслышно тая.
Пусть кажутся длинней они.
Плени обманчивой мечтой,
Как ты умеешь, увлекая.
Один листочек утром нам,
Другой же в полдень оброни,
Один вот здесь, другой вон там.
Да будет твой закат лучист,
Земля светлей, чем аметист.
Тишь какая!
Пусть дозревает виноград:
Хотя листву спалил мороз,
Плодам вреда он не принес—
И гроздь в доль стены висят.

Перевод М. Зенкевича

РОПОТ

По топкому бездорожью
Я пробирался с трудом,
Я лез на холмы, чьи вершины
Тонули в тумане седом,
Я к дому пришел у дороги:
Был пуст и печален дом.

На ветках продрогшего дуба
Почти не осталось листвы,
Последние желтые листья
И те безвозвратно мертвы,
А вскоре по мерзлому снегу
Во тьме зашуршите и вы.

Сырой, полусгнившей листвою
Усыпан берег пруда,

The last lone aster is gone;
The flowers of the witch-hazel wither;
The heart is still aching to seek,
But the feet question 'Whither?'

Ah, when to the heart of man
Was it ever less than a treason
To go with the drift of things,
To yield with a grace to reason,
And bow and accept the end
Of a love or a season?

Орешник в саду увядает,
И астры умрут в холода,
А сердце на поиски рвется,
Да только не знает куда.

Но разве плыть по течению
Отважится человек?
Расчет отступивших без боя
Для нас малодушный побег,—
С любовью и солнцем последним
Кто смеет проститься навек?

Перевод Р. Дубровкина

North of Boston

К северу от Бостона

THE PASTURE

I'm going out to clean the pasture spring;
I'll only stop to rake the leaves away
(And wait to watch the water clear, I may):
I sha'n't be gone long.—You come too.

I'm going out to fetch the little calf
That's standing by the mother. It's so young
It totters when she licks it with her tongue.
I sha'n't be gone long.—You come too.

MENDING WALL

Something there is that doesn't love a wall,
That sends the frozen-ground-swell under it,
And spills the upper boulders in the sun;
And makes gaps even two can pass abreast.
The work of hunters is another thing:
I have come after them and made repair
Where they have left not one stone on a stone,
But they would have the rabbit out of hiding,
To please the yelping dogs. The gaps I mean,
No one has seen them made or heard them made,
But at spring mending-time we find them there.
I let my neighbor know beyond the hill;
And on a day we meet to walk the line
And set the wall between us once again.
We keep the wall between us as we go.

ПАСТБИЩЕ

Пойду на луг прочистить наш родник.
Я разгребу над ним опавший лист,
Любуясь тем, как он прозрачен, чист.
Я там не задержусь.—Пойдем со мной.

Пойду на луг теленка принести.
Не может он на ножках устоять,
Когда его вылизывает мать.
Я там не задержусь.—Пойдем со мной.

Перевод И. Кашкина

ПОЧИНКА СТЕНЫ

На свете есть неведомая сила,
Которая со стенами враждует—
То в них вгрызается промерзлым грунтом,
То рассыпает верхний ряд камней,
То вдруг такие пробивает бреши,
Что через них на лошади проедешь.
Здесь, правда, и охотники бывали,
Но с ними—ясно. Кролика они
Достать пытались из его укрытья
И кое-где порушили мне стену.
Проломы те давно я залатал.
Но это что за дыры? Вновь весна
Приходит, и опять они зияют.
Зову соседа, чтоб восстановить
Границу. Мы идем и чиним стену.
С чьей стороны лежит валун упавший,
Тот и поднимет. Каждому—свое.

To each the boulders that have fallen to each.
And some are loaves and some so nearly balls
We have to use a spell to make them balance:
'Stay where you are until our backs are turned!'
We wear our fingers rough with handling them.
Oh, just another kind of outdoor game,
One on a side. It comes to little more:
There where it is we do not need the wall:
He is all pine and I am apple orchard.
My apple trees will never get across
And eat the cones under his pines, I tell him
He only says, 'Good fences make good neighbors.'
Spring is the mischief in me, and I wonder
If I could put a notion in his head:
'*Why* do they make good neighbors? Isn't it
Where there are cows? But here there are no cows.
Before I built a wall I'd ask to know
What I was walling in or walling out,
And to whom I was like to give offense.
Something there is that doesn't love a wall,
That wants it down.' I could say 'Elves' to him,
But it's not elves exactly, and I'd rather
He said it for himself. I see him there
Bringing a stone grasped firmly by the top
In each hand, like an old-stone savage armed.
He moves in darkness as it seems to me,
Not of woods only and the shade of trees.
He will not go behind his father's saying,
And he likes having thought of it so well
He says again, 'Good fences make good neighbors.'

THE MOUNTAIN

The mountain held the town as in a shadow.
I saw so much before I slept there once:
I noticed that I missed stars in the west,
Where its black body cut into the sky.
Near me it seemed; I felt it like a wall
Behind which I was sheltered from a wind.
And yet between the town and it I found,

Взглянуть со стороны—игра такая.
Игра... Вот только пальцы от нее
Все в ссадинах. А эти кругляши
Никак лежать на месте не желают.
Приходится над ними заклинанье
Произносить: «Пока мы не уйдем,
Лежите здесь, не падайте на землю!»
Но вот мы вышли на такое место,
Где никакие стены не нужны.
Растут лишь сосны на его участке,
А на моем—лишь яблони. Не слышал,
Чтоб яблони у сосен шишки крали.
Я это говорю, а он—в ответ:
«Чем выше стены, тем дружнее соседи».
Весна во мне играет. Я над ним
Слегка подтруниваю: «А без стен
Никак нельзя? Скажите, для чего
Стеной мне заслоняться от кого-то
И от меня кому-то заслоняться?»
На свете есть неведомая сила,
Которая со стенами враждует.
Я мог ему сказать, что это—эльфы.
Нет, сам пускай подумает... Но в каждой
Руке он по булыжнику сжимает.
И, чудится, передо мной стоит
Пещерный человек. И, точно шерстью,
Порос он тенью каменной стены
И тенью каменных отцовских истин.
Он взвесил все и твердо говорит:
«Чем выше стены, тем дружнее соседи».

Перевод А. Казарновского

ГОРА

Гора как туча накрывала город.
Я долго вглядывался перед сном,
Но запад был без звезд—там, где гора
Громадой черной врезывалась в небо.
Она стеной мерещилась глухой,
Которой был я защищен от ветра,
Хотя меж ней и городом нашел,

When I walked forth at dawn to see new things,
Were fields, a river, and beyond, more fields.
The river at the time was fallen away,
And made a widespread brawl on cobblestones;
But the signs showed what it had done in spring:
Good grassland gullied out, and in the grass
Ridges of sand, and driftwood stripped of bark.
I crossed the river and swung round the mountain.
And there I met a man who moved so slow
With white-faced oxen in a heavy cart,
It seemed no harm to stop him altogether.

‘What town is this?’ I asked.

‘This? Lunenburg.’

Then I was wrong: the town of my sojourn,
Beyond the bridge, was not that of the mountain,
But only felt at night its shadowy presence.
‘Where is your village? Very far from here?’

‘There is no village—only scattered farms.
We were but sixty voters last election.
We can’t in nature grow to many more:
That thing takes all the room!’ He moved his goad.
The mountain stood there to be pointed at.
Pasture ran up the side a little way,
And then there was a wall of trees with trunks;
After that only tops of trees, and cliffs
Imperfectly concealed among the leaves.
A dry ravine emerged from under boughs
Into the pasture.

‘That looks like a path.

Is that the way to reach the top from here?—
Not for this morning, but some other time:
I must be getting back to breakfast now.’

‘I don’t advise your trying from this side.
There is no proper path, but those that *have*
Been up, I understand, have climbed from Ladd’s.

Когда я утром вышел на прогулку,
Поля и реку и опять поля.
Река уже успела обмелеть
И в валунах лениво клочкотала,
Но виделись следы ее безумств:
Овраги и песчаные наносы,
Кой-где топляк с ободранной корой.
Мост перейдя, я двинулся по склону
И встретил человека на телеге,
Волами запряженной, он тащился
Так тихо, что не грех остановить.

«Что тут за город?»

«Это? Луненбург».

Так я ошибся: тот, где снял я номер,
За речкой, не был городом горы,
А лишь дышал ее ночью мглою.

«А где деревня ваша, далеко?»

«Здесь ни одной деревни, только фермы.
От силы шесть десятков голосов
На прошлых выборах. Да и теперь нас
Не многим более: все заняла
Вот эта штука!» – ткнул он кнутовищем.
Гора стояла там, куда он ткнул:
По склону пастбище взбиралось в гору,
Потом вздымался частокол стволов,
Потом взмывали кроны, а потом
Безлистые утесы громоздились.
Кривой овраг, покрытый сушняком,
Вел к пастбищу.

«Похоже на тропинку.

Могу я здесь забраться? Не теперь,
А как-нибудь при случае, попозже,
Я должен к завтраку еще успеть».

«Я не советую вам подниматься
По этой стороне. Здесь нет тропы.
А те, кто поднимались, шли от Лэддов.

That's five miles back. You can't mistake the place:
They logged it there last winter some way up.
I'd take you, but I'm bound the other way.'

'You've never climbed it?'

'I've been on the sides,
Deer-hunting and trout-fishing. There's a brook
That starts up on it somewhere—I've heard say
Right on the top, tip-top—a curious thing.
But what would interest you about the brook,
It's always cold in summer, warm in winter.
One of the great sights going is to see
It steam in winter like an ox's breath,
Until the bushes all along its banks
Are inch-deep with the frosty spines and bristles—
You know the kind. Then let the sun shine on it!'

'There ought to be a view around the world
From such a mountain—if it isn't wooded
Clear to the top.' I saw through leafy screens
Great granite terraces in sun and shadow,
Shelves one could rest a knee on getting up—
With depths behind him sheer a hundred feet
Or turn and sit on and look out and down,
With little ferns in crevices at his elbow.

'As to that I can't say. But there's the spring,
Right on the summit, almost like a fountain.
That ought to be worth seeing.'

'If it's there

You never saw it?'

'I guess there's no doubt
About its being there. I never saw it.
It may not be right on the very top:
It wouldn't have to be a long way down
To have some head of water from above,
And a *good distance* down might not be noticed
By anyone who'd come a long way up.

Миль пять назад. Да вы найдете сразу,
Зимою там раскорчевали склон.
Мне не туда, а то б я проводил вас».

«А вы взбирались?»

«Я бывал на склонах,
Ловил форель. Там есть один ручей,
Так он берет начало, как я слышал,
На гребне, удивительное дело.
Но удивительней всего, что он
Холодный летом, а зимою теплый.
Вы поглядели бы в морозный день:
Он весь дымится, как воловье стадо,
Пока кусты по берегам его
Морозные колючки не усеют
На целый дюйм. И солнце выйдет вдруг!»

«Весь мир, наверно, можно увидеть
С такой горы, не будь она лесиста
До верхних скал». Я видел сквозь листву
Гранитные террасы и уступы,
Где можно стать коленом и стопой,
Когда в сто футов пропасть за спиной,
И повернуться, и присесть на край,
И вдаль взглянуть, а под рукой щитовник.

«Я знаю только то, что там есть ключ
И бьет он, как фонтан, на самом гребне.
На это стоит глянуть».

«Раз он там,
Так вы его не видели?»

«Не видел.
Но он на самом гребне, это факт.
Ну, может быть, не на самом, а рядом:
Чтоб был напор воды, он должен быть
Немного ниже, а тому, кто снизу
Взбирается по склону на скалу,
В листве он долго может быть не виден.

One time I asked a fellow climbing it
To look and tell me later how it was.'

'What did he say?'

'He said there was a lake
Somewhere in Ireland on a mountain top.'

'But a lake's different. What about the spring?'

'He never got up high enough to see.
That's why I don't advise your trying this side.
He tried this side. I've always meant to go
And look myself, but you know how it is:
It doesn't seem so much to climb a mountain
You've worked around the foot of all your life.
What would I do? Go in my overalls,
With a big stick, the same as when the cows
Haven't come down to the bars at milking time?
Or with a shotgun for a stray black bear?
'Twouldn't seem real to climb for climbing it.'

'I shouldn't climb it if I didn't want to—
Not for the sake of climbing. What's its name?'

'We call it Hor: I don't know if that's right.'

'Can one walk around it? Would it be too far?'

'You can drive round and keep in Lunenburg,
But it's as much as ever you can do,
The boundary lines keep in so close to it.
Hor is the township, and the township's Hor—
And a few houses sprinkled round the foot,
Like boulders broken off the upper cliff,
Rolled out a little farther than the rest.'

'Warm in December, cold in June, you say?'

'I don't suppose the water's changed at all.
You and I know enough to know it's warm
Compared with cold, and cold compared with warm
But all the fun's in how you say a thing.'

Я как-то парня попросил взглянуть
И рассказать, какой он в самом деле». «И что сказал он?»

«Высоко в горах,
В Ирландии, есть озеро, сказал он».

«Ну, озеро – другое. Что с ключом?»

«Он влез, но не настолько, чтоб увидеть.
И вам не стоит подниматься здесь.
Он шел отсюда. Мне всегда хотелось
И самому взглянуть на этот ключ:
Не трудно вроде на гору подняться,
Вблизи которой протрубил всю жизнь.
Да как пойду? В комбинезоне с палкой,
Как за коровами привык ходить,
Когда они спускаются для дойки?
С ружьем, как на медведя-шатуна?
Нет, просто так – едва ли заберешься».

«Я не полез бы, если б не хотел.
Что просто лезть? А как она зовется?»

«Мы называем Ор. Не знаю, так ли».

«А долго обходить ее кругом?»

«Вы будете идти вокруг горы,
Все время оставаясь в Луненбурге.
Вот все, что можете. Граница стерта.
Ор – это местность: город и гора
И несколько домишек у подножья,
Как валуны, скатившиеся вниз
Чуть дальше остальных».

«Вы говорите,
Студеный в мае, теплый в декабре?»

«Не думаю, чтобы вода менялась.
Мы с вами знаем, что она тепла
В сравнении с холодом, как и прохладна
В сравнении с теплом. Как посмотреть».

«И вы всю жизнь живете здесь?»

«С тех пор,
Как Ор не больше был...» – Я не расслышал
Последних слов. Он стеганул волов
Кнутом своим, прикрикнул и поехал.

Перевод О. Чухонцева

СЕМЕЙНОЕ КЛАДБИЩЕ

Он снизу лестницы ее увидел
И раньше, чем она его. Она
Спуститься собиралась, с беспокойством
Косясь в окно, уже шагнула вниз,
Но обернулась, чтоб взглянуть еще раз.
«И что ты все высматриваешь там?» –
Спросил он, поднимаясь ей навстречу.
Она вдруг обернулась и осела,
И взгляд ее испуганный погас.
«На что ты смотришь все, – он поднимался,
Пока не оказался рядом с ней. –
Я все равно узнаю, дорогая,
Не лучше ли сказать мне?» Но в ответ
Ни мускул на лице ее не дрогнул.
Слепое существо, что может он
Увидеть? И сначала он не видел.
«О, – наконец пробормотал он. – О».

«Что? что ты там увидел?»

«То, что вижу».

«Нет, – вспыхнула она. – Скажи, что там».

«И как я только сразу не заметил.
А впрочем, я откуда не глядел.
Наверно, примелькалось, в этом дело.
Ряд холмиков, где близкие лежат,
Не больше спальни все захороненье,

Not so much larger than a bedroom, is it?
There are three stones of slate and one of marble,
Broad-shouldered little slabs there in the sunlight
On the sidehill. We haven't to mind *those*.
But I understand: it is not the stones,
But the child's mound—'

'Don't, don't, don't, don't' she cried.

She withdrew shrinking from beneath his arm
That rested on the banister, and slid downstairs;
And turned on him with such a daunting look,
He said twice over before he knew himself:
'Can't a man speak of his own child he's lost?'

'Not you! Oh, where's my hat? Oh, I don't need it!
I must get out of here. I must get air.
I don't know rightly whether any man can.'

'Amy! Don't go to someone else this time.
Listen to me. I won't come down the stairs.'
He sat and fixed his chin between his fists.
'There's something I should like to ask you, dear.'

'You don't know how to ask it.'

'Help me, then.'

Her fingers moved the latch for all reply.

'My words are nearly always an offense.
I don't know how to speak of anything
So as to please you. But I might be taught
I should suppose. I can't say I see how.
A man must partly give up being a man
With women-folk. We could have some arrangement
By which I'd bind myself to keep hands off
Anything special you're a-mind to name.
Though I don't like such things 'twixt those that love.
Two that don't love can't live together without them.
But two that do can't live together with them.'
She moved the latch a little. 'Don't—don't go.'

Не правда ли, едва и разглядишь.
Там три плиты гранитных и одна
Из мрамора, там, на открытом склоне.
Не надо беспокоиться о них.
Но я-то вижу: не об этих плитах,
А о ребенке ты...»

«Не смей! Не смей!»

Она нырнула под руку, вскочила
И одним духом соскользнула вниз
И так ошеломленно поглядела,
Что он опешил: «Разве мне нельзя
И говорить о собственном ребенке?»

«Тебе – нельзя! Где шляпа, нет нигде?
Да не нужна! Мне надо выйти, выйти.
Как можно говорить об этом вслух!»

«Не уходи из дому, дорогая.
Послушай, Эми. Я не подойду.–
Он сел, сжав подбородок кулаками.–
Мне хочется давно тебя спросить».

«Да ты и слов не знаешь».

«Подскажи мне».

В ответ она лишь тронула засов.

«Ты обижаешься на все. Не знаю,
Как надо разговаривать с тобой,
Чтоб угодить тебе. Мужчина должен
Забывать, что он мужчина иногда,
Имея дело с женщиной. Мы можем
Договориться, чтобы наперед
Кое-каких вещей я не касался.
Хотя такие вещи не по мне,
Нелюбящие жить без них не могут,
А те, кто любят, так не могут жить.–
Она засов подвинула.– Не надо
Ходить к кому-то с этим. Не ходи.

Don't carry it to someone else this time.
 Tell me about it if it's something human.
 Let me into your grief. I'm not so much
 Unlike other folks as your standing there
 Apart would make me out. Give me my chance.
 I do think, though, you overdo it a little.
 What was it brought you up to think it the thing
 To take your mother-loss of a first child
 So inconsolably—in the face of love.
 You'd think his memory might be satisfied—'

'There you go sneering now!'

'I'm not, I'm not!
 You make me angry. I'll come down to you.
 God, what a woman! And it's come to this,
 A man can't speak of his own child that's dead.'

'You can't because you don't know how to speak.
 If you had any feelings, you that dug
 With your own hand—how could you?—his little grave;
 I saw you from that very window there,
 Making the gravel leap and leap in air,
 Leap up, like that, like that, and land so lightly
 And roll back down the mound beside the hole.
 I thought, Who is that man? I didn't know you.
 And I crept down the stairs and up the stairs
 To look again, and still your spade kept lifting.
 Then you came in. I heard your rumbling voice
 Out in the kitchen, and I don't know why,
 But I went near to see with my own eyes.
 You could sit there with the stains on your shoes
 Of the fresh earth from your own baby's grave
 And talk about your everyday concerns.
 You had stood the spade up against the wall
 Outside there in the entry, for I saw it.'

'I shall laugh the worst laugh I ever laughed.
 I'm cursed. God, if I don't believe I'm cursed.'

'I can repeat the very words you were saying.
 "Three foggy mornings and one rainy day.
 Will rot the best birch fence a man can build."

Мне расскажи об этом, если можно
Об этом говорить. Я не чурбан,
Чтоб, понимая, как ты отдалилась,
Твоею болью перестать болеть.
Хотя ты все, по-моему, сгущаешь.
Ну стоит ли так изводить себя,
Ведь и с потерей первого ребенка
Должны мы примириться, чтобы жить.
А ешь себя не ешь – он не воскреснет».

«Опять кощунствуешь!»

«Да нет же, нет!

Зачем меня ты бесишь? Я спускаюсь.
Ну что за женщина: я не могу
И говорить о собственном ребенке».

«Не можешь, потому что не умеешь.
Да чувствовал ли ты, когда копал –
Ты, как ты только мог? – его могилу;
Я наблюдала из того окна,
Как гравий у тебя взлетал и падал,
Взлетал и падал, так легко, легко,
И осыпался там же, рядом с ямой.
Я думала: кто этот человек?
Сползала по ступенькам и вползала
Опять наверх, а он копал, копал.
А после ты вошел. Твой голос бухал
Из кухни, и не знаю, почему
Я к двери подошла, чтоб убедиться.
Ты мог сидеть, не отряхнув с сапог
Земли с могилы нашего ребенка,
И говорить спокойно о делах.
Ты, как нарочно, прислонил лопату
К стене, чтоб я наткнулась на нее».

«С ума сойти! Мне что, расхохотаться?
Да будь я проклят! Боже мой, за что?»

«Я помню, что сказал ты, слово в слово:
«Два-три тумана и хороший дождь
Довольно для березовой ограды».

Think of it, talk like that at such a time!
 What had how long it takes a birch to rot
 To do with what was in the darkened parlor.
 You *couldn't* care! The nearest friends can go
 With anyone to death, comes so far short
 They might as well not try to go at all.
 No, from the time when one is sick to death,
 One is alone, and he dies more alone.
 Friends make pretense of following to the grave,
 But before one is in it, their minds are turned
 And making the best of their way back to life
 And living people, and things they understand.
 But the world's evil. I won't have grief so
 If I can change it. Oh, I won't. I won't!

'There, you have said it all and you feel better.
 You won't go now. You're crying. Close the door.
 The heart's gone out of it: why keep it up.
 Amy! There's someone coming down the road!'

'*You*—oh, you think the talk is all. I must go—
 Somewhere out of this house. How can I make you—'

'If—you—do!' She was opening the door wider.
 'Where do you mean to go? First tell me that.
 I'll follow and bring you back by force. I *will!*—'

THE CODE

There were three in the meadow by the brook
 Gathering up windrows, piling cocks of hay,
 With an eye always lifted toward the west
 Where an irregular sun-bordered cloud
 Darkly advanced with a perpetual dagger
 Flickering across its bosom. Suddenly
 One helper, thrusting pitchfork in the ground,
 Marched himself off the field and home. One stayed.
 The town-bred farmer failed to understand.

Кошмар. Так говорить, и в тот момент.
Не все ль равно, когда сгниет береза,
В сравненьи с тем, что было за стеной.
Но что тебе! Друзья и к смерти могут
Идти бок о бок, а явись она,
Они отстанут или станут вовсе.
Нет, если человек приговорен,
Он одинок чем дальше, тем больше.
Друзья лишь на словах с ним до конца,
Но раньше, чем опустят гроб в могилу,
Спешат вернуться к жизни и к живым,
К своим делам, к вещам, к чему привыкли.
Но мир ужасен. Будь он не таким,
Все было б по-другому! по-другому!»

«Ты все сказала, вот и хорошо.
Ты не пойдешь. Прикрой-ка дверь. Ты плачешь.
Но сердцу легче. Что казнить зря.
Взгляни-ка, Эми,—кто-то на дороге».

«Ты... ты не понял. Я должна уйти.
Куда-нибудь. Из дому. Понимаешь?..»

«Попробуй лишь!—(Она открыла дверь.)—
Куда ты собралась? Скажи, куда ты,
И я силком верну тебя. Силком!»

Перевод О. Чухонцева

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Бесформенная туча надвигалась.
Ее края светились позолотой.
Но черное раздувшееся брюхо
Распарывали молнии. А снизу
С тревогой на нее глядели трое—
Хозяин и работники. Они
Сгребали в копны сено у ручья.
И вдруг один работник вилы в землю
Всадил—и прочь угрюмо зашагал.
Хозяин вслед глядел оторопело.
Он был из городских.

'What is there wrong?'

'Something you just now said.'

'What did I say?'

'About our taking pains.'

'To cock the hay?—because it's going to shower?'

I said that more than half an hour ago.

I said it to myself as much as you.'

'You didn't know. But James is one big fool. He thought you meant to find fault with his work. Taht's what the average farmer would have meant. James would take time, of course, to chew it over Before he acted: he's just got round to act.'

'He is a fool if that's the way he takes me.'

'Don't let it bother you. You've found out something.

The hand that knows his business won't be told

To do work better or faster—those two things.

I'm as particular as anyone:

Most likely I'd have served you just the same.

But I know you don't understand our ways.

You were just talking what was in your mind,

What was in all our minds, and you weren't hinting.

Tell you a story of what happened once:

I was up here in Salem at a man's

Named Sanders with a gang of four or five

Doing the haying. No one liked the boss.

He was one of the kind sports call a spider,

All wiry arms and legs that spread out wavy

From a humped body high as big's a biscuit.

But work! that man could work, especially

If by so doing he could get more work

Out of his hired help. I'm not denying

He was hard on himself. I couldn't find

That he kept any hours—not for himself.

Daylight and lantern-light were one to him:

I've heard him pounding in the barn all night.

«В чем дело?»

«Джеймс

На вас в обиде».

«На меня? За что?»

«Да вы тут говорили – не мешает,
Мол, поднапрячься...»

«Ну так что с того?»

Ведь это было полчаса назад,
И я хотел сказать, что скоро ливень,
Что всем троим придется поднажать».

«Да, но скажи нам так другой хозяин,
И я бы принял это за упрек –
Мол, дрянь работники. Джеймс так и понял.
Конечно, до него дошло не сразу,
Но как дошло, послал он ваши копны
Ко всем чертям».

«Ну и дурак».

«Зато

Теперь вы поняли – когда рука
Сама работу знает, ни к чему
Ни подгонять ее, ни подправлять.
Я тоже понуканий не терплю,
Но тут я видел – говорили вы
Без всяких там намеков; так чего же
Мне обижаться, коли мы и сами
Управиться спешили? Но для вас,
Видать, еще загадка – наши нравы.
Вот случай был – хотите, расскажу?
В те времена я в Сейлеме работал.
Нас было пятеро на сенокосе.
Хозяина, как помню, звали Сэндерс.
Собой с виду – в точности паук:
Горбат, коряв и мне едва по пояс,
А лапы – волосатые, кривые...
И он у всех у нас сидел в печенках.
Но как работал, черт его дер!

But what he liked was someone to encourage.
Them that he couldn't lead he'd get behind
And drive, the way you can, you know, in mowing—
Keep at their heels and threaten to mow their legs off.
I'd seen about enough of his bulling tricks
(We call that bulling). I'd been watching him.
So when he paired off with me in the hayfield
To load the load, thinks I, Look out for trouble.
I built the load and topped it off; old Sanders
Combed it down with a rake and says, "O.K."
Everything went well till we reached the barn
With a big jag to empty in a bay.
You understand that meant the easy job
For the man up on top of throwing *down*
The hay and rolling it off wholesale,
Where on a mow it would have been slow lifting.
You wouldn't think a fellow'd need much urging
Under those circumstances, would you now?
But the old fool seizes his fork in both hands,
And looking up bewhiskered out of the pit,
Shouts like an army captain, "Let her come!"
Thinks I, D'ye mean it? "What was that you said?"
I asked out loud, so's there'd be no mistake,
"Did you say, Let her come?" "Yes, let her come."
He said it over, but he said it softer.
Never you say a thing like that to a man,
Not if he values what he is. God, I'd as soon
Murdered him as left out his middle name.
I'd built the load and knew right where to find it.
Two or three forkfuls I picked lightly round for
Like meditating, and then I just dug in
And dumped the rackful on him in ten lots.
I looked over the side once in the dust
And caught sight of him treading-water-like,
Keeping his head above. "Damn ye," I says,
"That gets ye!" He squeaked like a squeezed rat.
That was the last I saw or heard of him.
I cleaned the rack and drove out to cool off.

Особенно когда он этим мог
Побольше из других работы выжать.
Ну и себе поблажек не давал;
При свете солнца или фонаря—
Знай возится, подлец, в своем амбаре.
А до чего любил нас подгонять!
Бывало, выберет на сенокосе
Кто послабее и—за ним с косой.
Замедлишь шаг—останешься без пяток.
Вот так ребят он доводил частенько...
И как-то раз берет меня с собою
Работать в паре. Надо было сено
Перевезти в сарай. Я как услышал,
Так понял—плохо дело. Но сперва
Все тихо шло. Мы нагрузили воз.
Я утоптал. Он очесал граблями.
«Хорош!» И мы поехали к сараю.
А там моя работа—сено сбросить.
Чего тут трудного? Само идет.
Вниз—не вверх! Сгружать—не нагружать.
И надо же такую быть скотиной,
Чтоб и в сарае подгонять меня!
Сигает в яму, бородой трясет,
И, как сержант, орет, разинув пасть:
«Эй, ты! А ну-ка, шевелись, давай!»
«Ах вот как?—думаю.—«Эй ты?» Ну ладно!
Пусть повторит, чтоб не было ошибки».
«Что?—говорю.—Не понял. Шевелиться?»
А он—опять. Потихе, но сказал.
Черт подери, да если человек
Себя хоть малость уважает—разве
Такое стерпит он? Да я за это
Убью и глазом не моргну! Две-три
Охапки вниз кидаю для почину
И разом все, что было на возу,
Как на него обрушу! Вижу только—
Барахтается в сене, как в трясине.
«Что, сволочь?—говорю.—Сам напросился!..»
Он пискнул, точно крыса в крысоловке,
И—тишина. Я смёл остатки сена

As I sat mopping hayseed from my neck,
And sort of waiting to be asked about it,
One of the boys sings out, "Where's the old man?"
"I left him in the barn under the hay.
If ye want him, ye can go and dig him out."
They realized from the way I swabbed my neck
More than was needed something must be up.
They headed for the barn; I stayed where I was.
They told me afterward. First they forked hay,
A lot of it, out into the barn floor.
Nothing! They listened for him. Not a rustle.
I guess they thought I'd spiked him in the temple
Before I buried him, or I couldn't have managed.
They excavated more. "Go keep his wife
Out of the barn." Someone looked in a window,
And curse me if he wasn't in the kitchen
Slumped way down in a chair, with both his feet
Against the stove, the hottest day that summer.
He looked so clean disgusted from behind
There was no one that dared to stir him up,
Or let him know that he was being looked at.
Apparently I hadn't buried him
(I may have knocked him down); but my just trying
To bury him had hurt his dignity.
He had gone to the house so's not to meet me.
He kept away from us all afternoon.
We tended to his hay. We saw him out
After a while picking peas in his garden:
He couldn't keep away from doing something.'
'Weren't you relieved to find he wasn't dead?'
'No! and yet I don't know—it's hard to say.
I went about to kill him fair enough.'
'You took an awkward way. Did he discharge you?'
'Discharge me? No! He knew I did just right.'

И выехал наружу. Надо было
Немного успокоиться. Сижу.
Налипшую труху счищаю с шеи.
Все смотрят на меня. Один подходит.
«Где этот?» – «В яме. Нужен – откопай».
И по тому, как тер себе я шею,
Они, конечно, сразу догадались –
Случилось что-то. И – бегом в сарай.
А я один остался во дворе.
Они уже потом мне рассказали:
Сперва пол-ямы выгребли наружу.
Все без толку. Прислушались – ни звука.
Видать, подумали, я саданул
В висок его. «Пойди-ка посмотри,
Чтоб не зашла сюда его жена».
Один из них выходит из сарая,
В окошко заглянул – и видит: Сэндерс
Сидит на кухне цел и невредим,
Согнувшись, перед раскаленной печкой.
И это летом, в страшную жару!
Но так его трясло, и так противно
Ему, наверно, было все на свете,
Что стало ясно – лучше не соваться.
Он дешево отделался, конечно,
Да видно, очень уж его задело,
Что так все вышло. Заперся он в доме
И не показывался целый день.
А мы уж сами с сеном управлялись.
Лишь вечером глядим – он в огороде
С горохом возится. Не мог без дела».

«Послушайте, но вы хоть были рады,
Что он остался жив?»

«Да нет, пожалуй,
В тот день я был готов его убить».

«М-да, странным способом... Ну, а потом
Он вас, конечно, выгнал?»

«Выгнал? Что вы!
Конечно, нет. Он знал, что я был прав».

Перевод А. Казарновского

THE FEAR

A lantern light from deeper in the barn
Shone on a man and woman in the door
And threw their lurching shadows on a house
Nearby, all dark in every glossy window.
A horse's hoof pawed once the hollow floor,
And the back of the gig they stood beside
Moved in a little. The man grasped a wheel,
The woman spoke out sharply, 'Whoa, stand still!
I saw it just as plain as a white plate,'
She said, 'as the light on the dashboard ran
Along the bushes at the roadside—a man's face,
You *must* have seen it too.'

'I didn't see it.

Are you sure—'

'Yes, I'm sure!'

'—it was a face?'

'Joel, I'll have to look. I can't go in,
I can't, and leave a thing like that unsettled.
Doors locked and curtains drawn will make no difference.
I always have felt strange when we came home
To the dark house after so long an absence,
And the key rattled loudly into place
Seemed to warn someone to be getting out
At one door as we entered at another.
What if I'm right, and someone all the time—
Don't hold my arm!'

'I say it's someone passing.'

'You speak as if this were a traveled road.
You forget where we are. What is beyond
That he'd be going to or coming from
At such an hour of night, and on foot too?
What was he standing still for in the bushes?'

'It's not so very late—it's only dark.

СТРАХ

Свет фонаря из глубины сарая
В проеме двери выхватил двоих
И разметал их тени по фасаду
Усадьбы с темных окон чередой.
Копыто резко стукнуло о доску,
Двуколка, за которою они
Стояли, шевельнулась. Он схватился
За колесо, она сказала: «Стой!
Я видела... Как белая лепешка,
Оно белело там, в кустах у въезда,
Когда двуколка сдвинулась,—лицо!
Ты тоже видел?»

«Я не видел. Это—
Лицо?»

«Лицо!»

«Почудилось тебе!»

«Джоэль, пойду взгляну. Как в дом войти,
Когда такое чудится за дверью?
Закроем дверь и ставни—ну и что?
Мне каждый раз, когда нас долго нету,
Тревожно возвращаться в темноту.
Все кажется, что скрип ключа спугнул
Кого-то, затаившегося в доме,
И он шмыгнул через другую дверь.
А если я права и кто-нибудь...
Пусти меня!»

«Какой-нибудь прохожий».

«Какие здесь прохожие, Джоэль!
Забыл, где мы живем. И непонятно,
Отсюда он идет или сюда.
Один, пешком, во тьме, глубокой ночью,
А главное, зачем он там, в кустах?»

«Еще не ночь, хотя уже стемнело.

There's more in it than you're inclined to say.
Did he look like—?’

‘He looked like anyone.
I'll never rest tonight unless I know.
Give me the lantern.’

‘You don't want the lantern.’

She pushed past him and got it for herself.

‘You're not to come,’ she said. ‘This is my business
If the time's come to face it, I'm the one
To put it the right way. He'd never dare—
Listen! He kicked a stone. Hear that, hear that!
He's coming towards us. Joel, go in—please.
Hark!—I don't hear him now. But please go in.’

‘In the first place you can't make me believe it's—’

‘It is—or someone else he's sent to watch.
And now's the time to have it out with him
While we know definitely where he is.
Let him get off and he'll be everywhere
Around us, looking out of trees and bushes
Till I sha'n't dare to set a foot outdoors.
And I can't stand it. Joel, let me go!’

‘But it's nonsense to think he'd care enough.’

‘You mean you couldn't understand his caring.
Oh, but you see he hadn't had enough—
Joel, I won't—I won't—I promise you.
We mustn't say hard things. You mustn't either.’

‘I'll be the one, if anybody goes!
But you give him the advantage with this light.
What couldn't he do to us standing here!
And if to see was what he wanted, why,
He has seen all there was to see and gone.’

He appeared to forget to keep his hold,
But advanced with her as she crossed the grass.

Но ты сказала, думаю, не все.
А он похож...»

«Похож иль не похож,
А только, не узнав, не успокоюсь.
Дай мне фонарь...»

«Зачем тебе фонарь?»

Толкнув его плечом, фонарь схватила.

«Тебе идти не надо. Я сама.
Раз так у нас пошло, то я в ответе,
Мне и решать... Да он бы не посмел...
Молчи! Он остутился. Слушай, слушай!
Он к нам идет. Пожалуйста, уйди.
Теперь шаги пропали... Уходи же!»

«Да быть не может, чтобы это он...»

«Нет, это он! Или кого-то нанял,
И надо окончательно решить,
Пока ему от нас не отвертеться.
Промедлим – а потом ищи-свищи,
И затаится, и начнет шпионить,
Пока с ума от страха не сойду.
А я сойду. Пусти меня, Джоэль!»

«Он о тебе давно забыл и думать».

«Ну да, забыл! Ох, как он не забыл...
Хотя, конечно, с самого начала...
Но все равно, Джоэль, я ни за что...
Я обещаю! Главное, спокойней...»

«Пойти-то лучше не тебе, а мне.
Вот только с фонарем неладно вышло:
Мы на виду, он в полной темноте.
А если ему надо убедиться,
То что же – убедился и уйдет».

Он отпустил ее, она шагнула,
И он, за нею вслед, шагнул в траву.

'What do you want?' she cried to all the dark.
She stretched up tall to overlook the light
That hung in both hands hot against her skirt.

'There's no one; so you're wrong,' he said.

'There is.—
What do you want?' she cried, and then herself
Was startled when an answer really came.

'Nothing.' It came from well along the road.

She reached a hand to Joel for support:
The smell of scorching woolen made her faint.

'What are you doing round this house at night?'

'Nothing.' A pause: there seemed no more to say.

And then the voice again: 'You seem afraid.
I saw by the way you whipped up the horse.
I'll just come forward in the lantern light
And let you see.'

'Yes, do.—Joel, go back!'

She stood her ground against the noisy steps
That came on, but her body rocked a little.

'You see,' the voice said.

'Oh.' She looked and looked.

'You don't see—I've a child here by the hand.
A robber wouldn't have his family with him.'

'What's a child doing at this time of night—?'

'Out walking. Every child should have the memory
Of at least one long-after-bedtime walk.
What, son?'

«Чего тебе?» – окликнула потемки.
Она глядела по-над фонарем,
Его руками прижимая к юбке.

«Ты убедилась – никого».

«Он здесь! –
Чего тебе?» – Но дрожи не сдержала,
Когда из тьмы послышался ответ.

«Да ничего», – издалека, негромко.

Она схватила за руку Джоэля.
Фонарь чадил, кружилась голова.

«Что ты затеял здесь глубокой ночью?»

«Да ничего»; молчанье; что тут скажешь.

И голос вновь: «Ты, кажется, дрожишь.
Я видел: ты в сердцах хлестнула лошадь.
Я подойду и встану на свету,
А ты посмотришь».

«Да. – Джоэль, уйди!»

Шаги все ближе, а она стояла,
Но тело в темноту рвалось само.

«Ну, погляди».

Глядела и глядела...

«Ты приглядишься – со мною здесь малыш.
Разбойник бы не взял дитя с собою».

«Малыш? В такое время? Но зачем?»

«А что?.. Прогулка в неурочный час –
Такая, чтоб запомнилась надолго.
Верно, сынок?»

'Then I should think you'd try to find
Somewhere to walk—'

'The highway, as it happens—
We're stopping for the fortnight down at Dean's.'

'But if that's all—Joel—you realize—
You won't think anything. You understand?
You understand that we have to be careful.
This is a very, very lonely place.
Joel!' She spoke as if she couldn't turn.
The swinging lantern lengthened to the ground,
It touched, it struck, it clattered and went out.

THE DEATH OF THE HIRED MAN

Mary sat musing on the lamp-flame at the table
Waiting for Warren. When she heard his step,
She ran on tip-toe down the darkened passage
To meet him in the doorway with the news
And put him on his guard. 'Silas is back.'
She pushed him outward with her through the door
And shut it after her. 'Be kind,' she said.
She took the market things from Warren's arms
And set them on the porch, then drew him down
To sit beside her on the wooden steps.

'When was I ever anything but kind to him?
But I'll not have the fellow back,' he said.
'I told him so last haying, didn't I?
If he left then, I said, that ended it.
What good is he? Who else will harbor him
At his age for the little he can do?
What help he is there's no depending on.
Off he goes always when I need him most.
He thinks he ought to earn a little pay,
Enough at least to buy tobacco with,
So he won't have to beg and be beholden.

«Как будто больше негде погулять.
А здесь гулять...»

«Дорога как дорога.
Да мы неподалеку и живем».

«Но если так, Джозель, ты не подумай—
И ты не думай тоже...—Понимаешь,
Нам надо жить с оглядкой. Осторожно.—
Здесь богом позабытые места.—
А ты, Джозель...» Но в темноту глядела.
Враскачку все длинней светил фонарь,
Земли коснулся, дрогнул и погаснул.

Перевод В. Топорова

СМЕРТЬ БАТРАКА

При свете лампы Мэри у стола
Ждала Уоррена. Шаги услыша,
Она на цыпочках сбежала вниз,
Чтоб в темноте его у двери встретить
И новость сообщить: «Вернулся Сайлас».
Потом, его наружу потянув,
Закрыла дверь. «Будь добр»,—она сказала,
Взяла покупки у него из рук
И, на крыльцо сложив их, усадила
Его с собою рядом на ступеньки.

«А разве добрым не был я к нему?
Но не хочу, чтоб к нам он возвращался.
Иль не сказал ему я в сенокос,
Что, если он уйдет, пусть не приходит?
На что он годен? Кто его возьмет?
Ведь он немолод и плохой работник.
К тому ж он ненадежен и всегда
Как раз в страду горячую уходит.
Он думает, что если заработал
Немножечко, хотя бы на табак,
То больше нам ничем и не обязан.

“All right,” I say, “I can’t afford to pay
Any fixed wages, though I wish I could.”
“Someone else can.” “Then someone else will have to.”
I shouldn’t mind his bettering himself
If that was what it was. You can be certain,
When he begins like that, there’s someone at him
Trying to coax him off with pocket-money,—
In haying time, when any help is scarce.
In winter he comes back to us. I’m done.’

‘Sh! not so loud: he’ll hear you,’ Mary said.

‘I want him to: he’ll have to soon or late.’

‘He’s worn out. He’s asleep beside the stove.
When I came up from Rowe’s I found him here,
Huddled against the barn-door fast asleep,
A miserable sight, and frightening, too—
You needn’t smile—I didn’t recognize him—
I wasn’t looking for him—and he’s changed.
Wait till you see.’

‘Where did you say he’d been?’

‘He didn’t say. I dragged him to the house,
And gave him tea and tried to make him smoke.
I tried to make him talk about his travels.
Nothing would do: he just kept nodding off.’

‘What did he say? Did he say anything?’

‘But little.’

‘Anything? Mary, confess
He said he’d come to ditch the meadow for me.’

‘Warren!’

‘But did he? I just want to know.’

‘Of course he did. What would you have him say?
Surely you wouldn’t grudge the poor old man
Some humble way to save his self-respect.’

«Отлично,—я сказал,—мне не по средствам
Помесячно работнику платить».
«Другие ж платят».—«И пускай их платят».
Не верю, чтоб исправиться он мог.
Начнет вот так, и что-то подмывает
Его уйти с карманными деньгами
В страду, когда рабочих рук нехватка.
Зимой же он приходит. Нет, довольно».

«Шш!—перебила Мэри.—Он услышит».

«Ну и пускай. Он должен это слышать».

«Он так измучен и заснул у печки.
Придя от Роу, я его нашла
Почти уснувшим у дверей сарая.
Вид у него такой ужасный, жалкий.
Не смейся. Я его едва узнала:
Так изменился он, уйдя от нас.
Сам посмотри».

«Откуда он пришел?»

«Он не сказал. Я в дом его втащила
И угощала чаем, табаком.
Расспрашивала о его скитаньях.
Но он в ответ лишь головой кивал».

«Что ж он сказал? Сказал он что-нибудь?»

«Немного».

«Ну а что? Признайся, Мэри,
Он говорил, что окопает луг?»

«Уоррен!»

«Да? Хотел я лишь узнать».

«Конечно, говорил. Ну что ж такого?
В вину ты не поставишь старику,
Что он свое достоинство спасает.

He added, if you really care to know,
He meant to clear the upper pasture, too.
That sounds like something you have heard before?
Warren, I wish you could have heard the way
He jumbled everything. I stopped to look
Two or three times—he made me feel so queer—
To see if he was talking in his sleep.
He ran on Harold Wilson—you remember—
The boy you had in haying four years since.
He's finished school, and teaching in his college.
Silas declares you'll have to get him back.
He says they two will make a team for work:
Between them they will lay this farm as smooth!
The way he mixed that in with other things.
He thinks young Wilson a likely lad, though daft
On education—you know how they fought
All through July under the blazing sun,
Silas up on the cart to build the load,
Harold along beside to pitch it on.'

'Yes, I took care to keep well out of earshot.'

'Well, those days trouble Silas like a dream.
You wouldn't think they would. How some things linger!
Harold's young college boy's assurance piqued him.
After so many years he still keeps finding
Good arguments he sees he might have used.
I sympathize. I know just how it feels
To think of the right thing to say too late.
Harold's associated in his mind with Latin.
He asked me what I thought of Harold's saying
He studied Latin like the violin
Because he liked it—that an argument!
He said he couldn't make the boy believe
He could find water with a hazel prong—
Which showed how much good school had ever done him.
He wanted to go over that. But most of all
He thinks if he could have another chance
To teach him how to build a load of hay—'

'I know, that's Silas' one accomplishment.
He bundles every forkful in its place,

И если хочешь знать, он говорил,
Что пастбище расчистит наверху.
И это, кажется, ты слышал раньше?
Уоррен, если бы ты только знал,
Как он все путал. У меня в глазах
Вдруг потемнело, и мне показалось,
Что разговаривает он в бреду
О Вилсоне Гарольде, что работал
У нас тому назад четыре года, –
Теперь он в колледже своем учитель,
А Сайлас к нам хотел его вернуть,
Чтоб вместе с ним приняться за работу.
Вдвоем они наладят все на ферме.
Он говорил, все спутав и смешав,
Что Вилсон славный малый, но смешон
Своей ученостью. Ты помнишь, как
Они в июле в сильный зной трудились.
Как Сайлас сено складывал вверху,
Гарольд же снизу подавал на вилах».

«Да, подгонять их мне не приходилось».

«То время мучит Сайласа, как сон.
Не странно ли, как мелочи мы помним.
Гарольд его задел высокомерьем,
И Сайлас до сих пор для спора с ним
Упущенные доводы находит.
Я знаю по себе, как тяжело
Несказанный ответ потом придумать.
Запомнился ему Гарольд с латынью,
Он насмеялся над его словами,
Что будто бы латынь ему мила
Не меньше скрипки – вот какая дичь!
Гарольд не верил, что он может воду
В земле найти с орешниковой веткой.
Так, значит, и не впрок пошло ученье.
Об этом Сайлас говорил. И очень
Жалел о том, что он не может снова
Учить его, как нужно сено класть».

«Да, Сайлас этим может похвалиться.
Он каждую копну кладет особо

And tags and numbers it for future reference,
 So he can find and easily dislodge it
 In the unloading. Silas does that well.
 He takes it out in bunches like big birds' nests.
 You never see him standing on the hay
 He's trying to lift, straining to lift himself.'

'He thinks if he could teach him that, he'd be
 Some good perhaps to someone in the world.
 He hates to see a boy the fool of books.
 Poor Silas, so concerned for other folk,
 And nothing to look backward to with pride,
 And nothing to look forward to with hope,
 So now and never any different.'

Part of a moon was falling down the west,
 Dragging the whole sky with it to the hills.
 Its light poured softly in her lap. She saw it
 And spread her apron to it. She put out her hand
 Among the harp-like morning-glory strings,
 Taut with the dew from garden bed to eaves,
 As if she played unheard some tenderness
 That wrought on him beside her in the night.
 'Warren,' she said, 'he has come home to die:
 You needn't be afraid he'll leave you this time.'

'Home,' he mocked gently.

'Yes, what else but home?
 It all depends on what you mean by home.
 Of course he's nothing to us, any more
 Than was the hound that came a stranger to us
 Out of the woods, worn out upon the trail.'

'Home is the place where, when you have to go there,
 They have to take you in.'

'I should have called it
 Something you somehow haven't to deserve.'

Warren leaned out and took a step or two,
 Picked up a little stick, and brought it back
 And broke it in his hand and tossed it by.

И примечает, чтобы после взять,
А при разгрузке их легко находит
И сбрасывает. В этом он мастак.
Он их берет, как гнезда птиц больших,
И сам как будто не стоит на сене,
А вместе с вилами взмывает вверх».

«Он и Гарольда хочет обучить,
Чтоб тот на что-нибудь да пригодился,
А то мальчишка одурел от книг.
Бедняга Сайлас о других печется,
А сам—чем в прошлом может он гордиться,
А в будущем надеяться на что?
Как и сейчас, всегда одно и то же».

Осколок месяца скользнул на запад,
Стянув все небо за собой к холмам.
Свет пролился к ней нежно на колени.
Она простерла фартук и рукой
Коснулась, словно арфы, струн расцветных,
Сверкающих росой от гряд до крыши,
Как будто бы играя всю ту нежность,
Что вокруг него сгущалась рядом с ней.
«Он умирать пришел домой, Уоррен.
Не беспокойся, он не загостится».

«Домой?»—он усмехнулся.

«Да, домой.

Смотря как это слово понимать.
Конечно, он для нас не больше значит,
Чем гончая, которая пристала б
К нам из лесу, измучившись в гоньбе».

«Дом—значит место, где нас принимают,
Когда приходим мы».

«Я применила

Не так, как ты хотел бы, это слово».

Уоррен встал и, сделав два шага,
Поднял зачем-то прут и, возвратившись,
Переломил его в руках и бросил.

'Silas has better claim on us you think
Than on his brother? Thirteen little miles
As the road winds would bring him to his door.
Silas has walked that far no doubt today.
Why doesn't he go there? His brother's rich,
A somebody-director in the bank.'

'He never told us that.'

'We know it though.'

'I think his brother ought to help, of course.
I'll see to that if there is need. He ought of right
To take him in, and might be willing to—
He may be better than appearances.
But have some pity on Silas. Do you think
If he had any pride in claiming kin
Or anything he looked for from his brother,
He'd keep so still about him all this time?'

'I wonder what's between them.'

'I can tell you.
Silas is what he is—we wouldn't mind him—
But just the kind that kinsfolk can't abide.
He never did a thing so very bad.
He don't know why he isn't quite as good
As anybody. Worthless though he is,
He won't be made ashamed to please his brother.'

'I can't think Si ever hurt anyone.'

'No, but he hurt my heart the way he lay
And rolled his old head on that sharp-edged chair-back.
He wouldn't let me put him on the lounge.
You must go in and see what you can do.
I made the bed up for him there tonight.
You'll be surprised at him—how much he's broken.
His working days are done; I'm sure of it.'

'I'd not be in a hurry to say that.'

«Ты думаешь, что Сайласу мы ближе
Родного брата? Ведь тринадцать миль
От поворота до его дверей.
Сегодня Сайлас прошагал не меньше.
Что ж не к нему? Ведь брат его богач
И птица важная – директор банка».

«Он нам не говорил».

«Но мы ведь знаем».

«Я думаю, что брат ему поможет,
А если будет нужно, то возьмет
Его к себе и, может быть, охотно.
Возможно, он добрей, чем нам казался.
Так пожалей же Сайласа. Подумай:
Ведь если б он родней своей кичился
Иль помощи себе искал у брата,
То разве б он умалчивал о нем?»

«Не знаю, что меж ними».

«А я знаю.

Таков уж Сайлас – нам-то все равно,
Родные же таких, как он, не любят.
Дурного он не сделал ничего
И думает, что он ничем не хуже
Всех остальных. Хотя он и бедняк,
Не хочет перед братом унижаться».

«Не думаю, чтоб он кого обидел».

«Меня обидел он: мне больно видеть,
Как старой головой о стул он бьется.
На кресло перейти он не хотел.
Ступай же в дом скорей и помоги.
Постель ему я постелила на ночь.
Ты удивишься, как он надломился.
Ему уж не работать – это верно».

«Я не сказал бы так наверняка».

'I haven't been. Go, look, see for yourself.
But, Warren, please remember how it is:
He's come to help you ditch the meadow.
He has a plan. You mustn't laugh at him.
He may not speak of it, and then he may.
I'll sit and see if that small sailing cloud
Will hit or miss the moon.'

It hit the moon.

Then there were three there, making a dim row,
The moon, the little silver cloud, and she.

Warren returned—too soon, it seemed to her,
Slipped to her side, caught up her hand and waited.

'Warren?' she questioned.

'Dead,' was all he answered.

AFTER APPLE-PICKING

My long two-pointed ladder's sticking through a tree
Toward heaven still,
And there's a barrel that I didn't fill
Beside it, and there may be two or three
Apples I didn't pick upon some bough.
But I am done with apple-picking now.
Essence of winter sleep is on the night,
The scent of apples: I am drowsing off.
I cannot rub the strangeness from my sight
I got from looking through a pane of glass
I skimmed this morning from the drinking trough
And held against the world of hoary grass.
It melted, and I let it fall and break.
But I was well
Upon my way to sleep before it fell,
And I could tell
What form my dreaming was about to take.
Magnified apples appear and disappear,

«Я не ошиблась. Ты увидишь сам.
Пожалуйста, не забывай, Уоррен,
Что он вернулся окопать наш луг.
Он все обдумал, ты над ним не смейся.
Возможно, он заговорит об этом.
А я на облачке том загадаю,
Коснется ль месяца иль нет».

Коснулось.

Их стало трое в тусклом хороводе:
Она, сквозное облачко и месяц.

Уоррен возвратился очень быстро.
Склонился молча и пожал ей руку.

«Что с ним, Уоррен?»

«Мертв»,—ответил он.

Перевод М. Зенкевича

ПОСЛЕ СБОРА ЯБЛОК

Всё с лесенки на небо вверх смотри—
Я выбился из сил,
Еще до верху бочку не набил,
Еще там яблока два или три
Сидят на ветке, как щегол иль зяблик,
Но я уже устал от сбора яблок.
Настоян этой ночью зимний сон,
То запах яблок: им я усыплен.
Я не могу забыть тот миг загадки,
Увиденный сквозь льдистое стекло,—
С воды его я утром взял из кадки,
В нем все лучилось, искрилось, цвело.
Оно растаяло и разломилось,
Но все ж на миг
Передо мною сон возник,
И я постиг,
Каким видением душа томилась.
Все яблоки, огромны и круглы,

Stem end and blossom end,
And every fleck of russet showing clear.
My instep arch not only keeps the ache,
It keeps the pressure of a ladder-round.
I feel the ladder sway as the boughs bend.
And I keep hearing from the cellar bin
The rumbling sound
Of load on load of apples coming in.
For I have had too much
Of apple-picking: I am overtired
Of the great harvest I myself desired.
There were ten thousand thousand fruit to touch,
Cherish in hand, lift down, and not let fall.
For all
That struck the earth,
No matter if not bruised or spiked with stubble,
Went surely to the cider-apple heap
As of no worth.
One can see what will trouble
This sleep of mine, whatever sleep it is.
Were he not gone,
The woodchuck could say whether it's like his
Long sleep, as I describe its coming on,
Or just some human sleep.

THE SELF-SEEKER

'Willis, I didn't want you here today:
The lawyer's coming for the company.
I'm going to sell my soul, or, rather, feet.
Five hundred dollars for the pair, you know.'

'With you the feet have nearly been the soul;
And if you're going to sell them to the devil,
I want to see you do it. When's he coming?'

'I half suspect you knew, and came on purpose
To try to help me drive a better bargain.'

Мерцали вокруг меня
Румянцем розовым из мглы,
И ныла голень и ступня
От лестничных ступенек, перекладин.
Вдруг лестницу я резко пошатнул
И услышал из погреба глубоко
Подземный гул,
Шум яблочного яркого потока.
Да, был я слишком жаден,
И оказался свыше сил
Тот урожай, что сам же я просил.
Пришлось, наверно, яблок тысяч десять,
Как драгоценные, потрогать, взвесить,
А те,
Что осыпáлись щедро,
С пятном, с уколами от жнива,
Забродят в бочках в темноте,
Как сусло сидра.
И я томлюсь лениво
Какою-то истомою дремотной.
Один сурок,
Коль не уснул, узнать бы мне помог,
То спячка зимняя и сон животный,
Иль человеческий то сон.

Перевод М. Зенкевича

СДЕЛКА

«Сегодня, Билл, ты здесь едва ли кстати:
Компания должна прислать юриста.
Я душу продаю, точнее, ноги.
Полтысячи за пару, так сказать».

«Твоей душой и были ноги, сделку
Между тобой и чертом посмотрю.
Когда он приезжает, твой юрист?»

«Подозреваю, ты пришел, дружище,
Считая, что могу продешевить».

'Well, if it's true! Yours are no common feet.
The lawyer don't know what it is he's buying:
So many miles you might have walked you won't walk.
You haven't run your forty orchids down.
What does he think?—How *are* the blessed feet?
The doctor's sure you're going to walk again?'

'He thinks I'll hobble. It's both legs and feet.'

'They must be terrible—I mean to look at.'

'I haven't dared to look at them uncovered.
Through the bed blankets I remind myself
Of a starfish laid out with rigid points.'

'The wonder is it hadn't been your head.'

'It's hard to tell you how I managed it.
When I saw the shaft had me by the coat,
I didn't try too long to pull away,
Or fumble for my knife to cut away,
I just embraced the shaft and rode it out—
Till Weiss shut off the water in the wheel-pit.
That's how I think I didn't lose my head.
But my legs got their knocks against the ceiling.'

'Awful. Why didn't they throw off the belt
Instead of going clear down in the wheel-pit?'

'They say some time was wasted on the belt—
Old streak of leather—doesn't love me much
Because I make him spit fire at my knuckles,
The way Ben Franklin used to make the kite-string.
That must be it. Some days he won't stay on.
That day a woman couldn't coax him off.
He's on his rounds now with his tail in his mouth
Snatched right and left across the silver pulleys.
Everything goes the same without me there.
You can hear the small buzz saws whine, the big saw
Caterwaul to the hills around the village
As they both bite the wood. It's all our music.
One ought as a good villager to like it.'

«Но речь и впрямь идет о необычных
Ногах – откуда это знать юристу?
Ведь сколько миль теперь ты не пройдешь
И орхидей не същешь сорок видов,
Как ты мечтал. Ему-то что! А доктор
Что обещает? Сможешь ли ходить?»

«Лишь ковылять. От бедер до ступней».

«Смотреть на них, должно быть, страшновато».

«Смотреть на них мне духу не хватает.
Под одеялом я себе кажусь
Морской звездой, распятой для просушки».

«Скажи спасибо, голову сберег».

«Не знаю сам, как удалось мне это.
Когда пола наматываться стала
На ось, я куртку сбросить не пытался,
Нож не искал, чтобы отрезать полы,
А просто, вал обняв, на нем катался,
Покуда воду Вайс не перекрыл.
Вот так я, видно, голову сберег.
Зато о потолок побило ноги».

«Ужасно. Чем к задвижке долго лезть,
Не проще ль было снять ременный привод?»

«Да говорят, пытались, только зря.
Ремень – старье, лоскут дубленой кожи.
Я, как Бен Франклин в опытах со змеем,
Ему плевать искрами велел –
И он мне мстит. Когда-нибудь он лопнет –
Тогда его и женщина не сможет
Расшевелить. За хвост себя кусая,
Он вертится на шкивах день за днем.
Там без меня все то же: слышишь визг
Большой пилы и малой? Задают
На всю округу свой концерт кошачий,
Вгрызаясь в бук. Вот музыка, с которой
Приходится нам жить в любви, – что делать –

No doubt it has a sort of prosperous sound,
And it's our life.'

'Yes, when it's not our death.'

'You make that sound as if it wasn't so
With everything. What we live by we die by.
I wonder where my lawyer is. His train's in.
I want this over with; I'm hot and tired.'

'You're getting ready to do something foolish.'

'Watch for him, will you, Will? You let him in.
I'd rather Mrs. Corbin didn't know;
I've boarded here so long, she thinks she owns me.
You're bad enough to manage without her.'

'I'm going to be worse instead of better.
You've got to tell me how far this is gone:
Have you agreed to any price?'

'Five hundred.

Five hundred—five—five! One, two, three, four, five.
You needn't look at me.'

'I don't believe you.'

'I told you, Willis, when you first came in.
Don't you be hard on me. I have to take
What I can get. You see they have the feet,
Which gives them the advantage in the trade.
I can't get back the feet in any case.'

'But your flowers, man, you're selling out your flowers.'

'Yes, that's one way to put it—all the flowers
Of every kind everywhere in this region
For the next forty summers—call it forty.
But I'm not selling those, I'm giving them,
They never earned me so much as one cent:
Money can't pay me for the loss of them.
No, the five hundred was the sum they named
To pay the doctor's bill and tide me over.'

С ней связан деревенский наш достаток,
В ней – наша жизнь».

«Когда она не смерть».

«Вот удивил! Иначе не бывает:
Что жизнь питает, то и смерть несет.
Юрист запропастился, поезд прибыл.
Скорей бы дело кончить. Я устал».

«Наделаешь ты глупостей, боюсь».

«Билл, не идет ли он? Открой ему.
Я б не хотел, чтоб миссис Корбин знала;
Жилец, я вещью стал своей хозяйки.
Ты справишься и без нее, так страшен».

«И добреньким не буду, не проси.
Скажи-ка лучше, сколько обещали,
Какую сумму дать хотят?»

«Пятьсот.

Пять сотен... раз, два, три, четыре, пять.
И не смотри так...»

«Слышу плоховато».

«А я тебя предупреждал, не злись.
Что мне дают, то я и должен брать.
У них мои как бы остались ноги,
Поэтому они диктуют цену.
Я ног своих, увы, не получу».

«Но ты же продаешь свои цветы!»

«Ты прав в каком-то смысле – все цветы,
Во всех местах, всех видов, на грядущих
Сезонах сорок, так, допустим, сорок.
Но я не продаю, лишь отдаю их;
Не выручил ни за один ни цента:
Не возместить деньгами их потерю.
Пятьсот – они назвали эту сумму –
Уйдут на то, чтоб заплатить врачу».

It's that or fight, and I don't want to fight—
 I just want to get settled in my life,
 Such as it's going to be, and know the worst,
 Or best—it may not be so bad. The firm
 Promise me all the shooks I want to nail.'

'But what about your flora of the valley?'

'You have me there. But that—you didn't think
 That was worth money to me? Still I own
 It goes against me not to finish it
 For the friends it might bring me. By the way,
 I had a letter from Burroughs—did I tell you?—
 About my *Cypripedium reginæ*;
 He says it's not reported so far north.
 There! there's the bell. He's rung. But you go down
 And bring him up, and don't let Mrs. Corbin.—
 Oh, well, we'll soon be through with it. I'm tired.'

Willis brought up besides the Boston lawyer
 A little barefoot girl who in the noise
 Of heavy footsteps in the old frame house,
 And baritone importance of the lawyer,
 Stood for a while unnoticed with her hands
 Shyly behind her.

'Well, and how is Mister'—

The lawyer was already in his satchel
 As if for papers that might bear the name
 He hadn't at command. 'You must excuse me,
 I dropped in at the mill and was detained.'

'Looking round, I suppose,' said Willis.

'Yes,

Well, yes.'

'Hear anything that might prove useful?'

Бери или судись, судиться с ними
Я не хочу, но жизнь свою устроить
По-своему и худшее узнать,
А может быть, и лучшее. К тому же
Мне бондаря обещана работа».

«А как твой труд о флоре наших мест?»

«Опять ты за свое. Не ради денег
Я взялся за него, хотя закончить
Его хотел бы, ибо, не закончив,
Утрачу тех друзей, что обрести
Я мог бы. Сам Барроуз написал,
Хваля за *Cypripedium reginae*:
Считалось, что она здесь не растет.
Звонят! Спустись к юристу, приведи
Его сюда, но, чур, без миссис Корбин.—
Закончить бы скорей, я так устал».

Приехавший из Бостона юрист
Прошел за Биллом в дверь, потом — девчонка,
Сперва ее никто не замечал,
Уж больно гость был важен и басист;
Она держала руки за спиной.

«Ну как дела у мистера...»

Законник
Зарылся носом в папку, чтобы всем
Продемонстрировать, что ищет имя,
Которое забыл. «Прошу простить,
Сначала я зашел на лесопилку».

«Осматривались», — Билл сказал.

«Да, да,
Вот именно».

«Чего-нибудь нашли?»

The Broken One saw Anne. 'Why, here is Anne.
What do you want, dear? Come, stand by the bed;
Tell me what is it?' Anne just wagged her dress
With both hands held behind her. 'Guess,' she said.

'Oh, guess which hand? My, my! Once on a time
I knew a lovely way to tell for certain
By looking in the ears. But I forget it.
Er, let me see. I think I'll take the right.
That's sure to be right even if it's wrong.
Come, hold it out. Don't change.—A Ram's Horn orchid!
A Ram's Horn! What would I have got, I wonder,
If I had chosen left. Hold out the left.
Another Ram's Horn! Where did you find those,
Under what beech tree, on what woodchuck's knoll?'

Anne looked at the large lawyer at her side,
And thought she wouldn't venture on so much.

'Were there no others?'

'There were four or five.
I knew you wouldn't let me pick them all.'

'I wouldn't—so wouldn't. You're the girl!
You see Anne has her lesson learned by heart.'

'I wanted there should be some there next year.'

'Of course you did. You left the rest for seed,
And for the backwoods woodchuck. You're the girl!
A Ram's Horn orchid seedpod for a woodchuck
Sounds something like. Better than farmer's beans
To a discriminating appetite,
Though the Ram's Horn is seldom to be had
In bushel lots—doesn't come on the market.
But, Anne, I'm troubled; have you told me all?
You're hiding something. That's as bad as lying.
You ask this lawyer man. And it's not safe
With a lawyer at hand to find you out.
Nothing is hidden from some people, Anne.

«К нам Энн пришла,— заметив Энн, калека
Сказал.— Случилось что-нибудь? Поближе
К нам подойди».

Но, руки за спиной
Держа, сказала: «Сами угадайте».

«В какой руке? Ну, ну! Когда-то я
Отгадывать секреты по глазам
Умел. Боюсь, забыл и не сумею.
Так, дай подумать. В правой. Угадал?
Пусть будет правой правая рука.
Показывай.— Ремнелепестник козий!
Ремнелепестник! Что бы я узрел,
Назвав другую руку? Не томи же.
Еще один ремнелепестник! Где их
Нашла ты? У какой сурковой норки?»

Скосив глаза на толстого юриста,
Энн засмушалась.

«Кроме этих, были
Еще цветы?»

«Четыре или пять.
Вы мне сорвать бы их не разрешили».

«Не разрешил бы, точно. Молодчина!
Как видите, усвоила науку».

«Чтоб выросли и в будущем году».

«Оставила цветы на семена
И для сурка лесного. Молодчина!
Ремнелепестник— это для сурка
Находка. Лучше фермерских бобов
Для вкуса утонченного, хотя
Его, увы, не продают мешками
У нас на рынке. Все ли ты сказала,
Энн, или что-то скрыла от меня?
Скрыть, между прочим, то же, что солгать.
Спроси хоть у юриста. Неудобно
Быть пойманной в присутствии юриста
На лжи. Меня тебе не провести.

You don't tell me that where you found a Ram's Horn
 You didn't find a Yellow Lady's Slipper.
 What did I tell you? What? I'd blush, I would.
 Don't you defend yourself. If it was there,
 Where is it now, the Yellow Lady's Slipper?'

'Well, wait—it's common—it's too *common*.'

'Common?'

The Purple Lady's Slipper's commoner.'

'I didn't bring a Purple Lady's Slipper.
 To *You*—to you I mean—they're both too common.'

The lawyer gave a laugh among his papers
 As if with some idea that she had scored.

'I've broken Anne of gathering bouquets.
 It's not fair to the child. It can't be helped though:
 Pressed into service means pressed out of shape.
 Somehow I'll make it right with her—she'll see.
 She's going to do my scouting in the field,
 Over stone walls and all along a wood
 And by a river bank for water flowers,
 The floating Heart, with small leaf like a heart,
 And at the *sinus* under water a fist
 Of little fingers all kept down but one,
 And that thrust up to blossom in the sun
 As if to say, "You! You're the Heart's desire."
 Anne has a way with flowers to take the place
 Of what she's lost: she goes down on one knee
 And lifts their faces by the chin to hers
 And says their names, and leaves them where they are.'

The lawyer wore a watch the case of which
 Was cunningly devised to make a noise
 Like a small pistol when he snapped it shut
 At such a time as this. He snapped it now.

Сознайся, там, где цвел ремнелепестник,
Был и Венерин желтый башмачок.
Тебе не стыдно? Я – и то краснею.
Не отпирайся. Он там был, конечно.
Где он, Венерин желтый башмачок?»

«Но он такой *обычный*».

«Он *обычный*?

Куда *обычной* башмачок *пурпурный*».

«Пурпурный башмачок срывать не стала.
Для *вас*... для вас они *обычны* оба».

Юрист, в бумагах роясь, усмехнулся,
Как если бы подсказку получил.

«Я девочку отвадил от букетов,
Что, может быть, не очень справедливо.
(Изменишь вкусы, коли взят на службу.)
В конце концов она меня поймет.
Моим гонцом поля она обыщет,
Садовые ограды и опушки
И мелководных речек берега.
Плавучий есть цветочек сердцевидный,
Он под водой сжимает в кулачок
Четыре пальца в пазухе листа,
А пятый к солнцу тянет, уверяя
Прохожего: «Тебя люблю, тебя!»
Энн, на колени встав перед цветами,
Их мордочки теперь за подбородок
Приподнимает, каждую отдельно,
И окликает всех по именам».

В часах юриста крышечка была,
Что щелкала, как пистолетный выстрел,
И в некоторых случаях, нечасто,
Он пользовался ею, иногда.

'Well, Anne, go, dearie. Our affair will wait.
The lawyer man is thinking of his train.
He wants to give me lots and lots of money
Before he goes, because I hurt myself,
And it may take him I don't know how long,
But put our flowers in water first. Will, help her:
The pitcher's too full for her. There's no cup?
Just hook them on the inside of the pitcher.
Now run.—Get out your documents! You see
I have to keep on the good side of Anne.
I'm a great boy to think of number one.
And you can't blame me in the place I'm in.
Who will take care of my necessities
Unless I do?'

'A pretty interlude,'

The lawyer said. 'I'm sorry, but my train—
Luckily terms are all agreed upon.
You only have to sign your name. Right—there.'

'You, Will, stop making faces. Come round here
Where you can't make them. What is it you want?
I'll put you out with Anne. Be good or go.'

'You don't mean you will sign that thing unread?'

'Make yourself useful then, and read it for me.
Isn't it something I have seen before?'

'You'll find it is. Let your friend look at it.'

'Yes, but all that takes time, and I'm as much
In haste to get it over with as you.
But read it, read it. That's right, draw the curtain:
Half the time I don't know what's troubling me.—
What do you say, Will? Don't you be a fool,
You, crumpling folks's legal documents.
Out with it if you've any real objection.'

«Ну что же, Энн, ступай себе. Пора.
Не то наш гость на поезд опоздает.
Я пострадал—и он мне кучу денег
Стремится дать до своего отъезда.
На это много времени уйдет.
Поставь цветочки в воду. Билл поможет:
Кувшин, боюсь, тяжел, а чашки нет.
Пускай лежат на горлышке кувшина.
Теперь беги.—Давайте документы.
Я должен в Энн стремление к добру
Воспитывать. Сейчас важней задачи
Нет для меня. Войдите в положенье:
Ведь я о нуждах думаю своих,
Не правда ли?»

«Прекрасное вступление,—
Сказал юрист.—Прошу простить, но поезд...
А впрочем, все уже давно готово.
Осталось только подписать... Вот здесь».

«Что рожи строишь, Билл? Кончай, приятель,
Гримасничать. Не то уйдешь, как Энн.
Будь человеком или уходи».

«Надеюсь, не подпишешь, не читая?»

«Ну что ж, тогда прочти мне вслух бумаги.
Неужто я их раньше не читал?»

«Читали. Но пусть друг ваш убедится».

«На это тоже требуется время.
А мне, как вам, не терпится закончить.—
Читай, читай.—Ну, всё, пора кончать:
Что так меня тревожит, сам не знаю.—
Что скажешь, Билл? Без глупостей. Не мни
Бумаги честных тружеников. Если
Предъявишь веский довод, соглашусь».

'Five hundred dollars!'

'What would you think right?'

'A thousand wouldn't be a cent too much;
You know it, Mr. Lawyer. The sin is
Accepting anything before he knows
Whether he's ever going to walk again.
It smells to me like a dishonest trick.'

'I think—I think—from what I heard today—
And saw myself—he would be ill-advised—'

'What did you hear, for instance?' Willis said.

'Now the place where the accident occurred—'

The Broken One was twisted in his bed.
'This is between you two apparently.
Where I come in is what I want to know.
You stand up to it like a pair of cocks.
Go outdoors if you want to fight. Spare me.
When you come back, I'll have the papers signed.
Will pencil do? Then, please, your fountain pen.
One of you hold my head up from the pillow.'

Willis flung off the bed. 'I wash my hands—
I'm no match—no, and don't pretend to be—'

The lawyer gravely capped his fountain pen.
'You're doing the wise thing: you won't regret it.
We're very sorry for you.'

Willis sneered:

'Who's *we*?—some stockholders in Boston?
I'll go outdoors, by gad, and won't come back.'

«Всего пятьсот!»

«А сколько б вы хотели?»

«Да тысяча – и то совсем немного.
Вы сами это знаете. Грешно
Давать ему согласие до тех пор,
Пока неясно, будет ли он снова
Ходить. Бесчестно это, говорю».

«Мне кажется... все то, что я услышал...
Что я увидел... вы плохой советчик...»

«Что ж вы могли такое здесь увидеть?»

«Во-первых, место, где несчастный случай...»

Меж тем калека корчился в постели.
«Вы так ужасно спорите, кричите,
Ей-богу, обо мне совсем забыли,
Как петухи, сцепились. Шли бы лучше
На улицу и там уж подрались!
Я подпишу, покуда вы деретесь.
Карандашом нельзя? Прошу вас ручку
Мне дать и приподнять меня чуть-чуть».

Билл отшатнулся: «Умываю руки...
Не понимаю... не могу понять...»

Юрист надел на ручку колпачок.
«Вы поступили мудро. Мы, поверьте,
Все сожалеем».

«Мы? – воскликнул Билл, –
Акционеры бостонские, что ли?
Я ухожу и больше не вернусь».

'Willis, bring Anne back with you when you come.
Yes. Thanks for caring. Don't mind Will: he's savage.
He thinks you ought to pay me for my flowers.
You don't know what I mean about the flowers.
Don't stop to try to now. You'll miss your train.
Good-by.' He flung his arms around his face.

THE WOOD-PILE

Out walking in the frozen swamp one gray day,
I paused and said, 'I will turn back from here.
No, I will go on farther—and we shall see.'
The hard snow held me, save where now and then
One foot went through. The view was all in lines
Straight up and down of tall slim trees
Too much alike to mark or name a place by
So as to say for certain I was here
Or somewhere else: I was just far from home.
A small bird flew before me. He was careful
To put a tree between us when he lighted,
And say no word to tell me who he was
Who was so foolish as to think what *he* thought.
He thought that I was after him for a feather—
The white one in his tail; like one who takes
Everything said as personal to himself.
One flight out sideways would have undeceived him.
And then there was a pile of wood for which
I forgot him and let his little fear
Carry him off the way I might have gone,
Without so much as wishing him good-night.
He went behind it to make his last stand.
It was a cord of maple, cut and split
And piled—and measured, four by four by eight.
And not another like it could I see.
No runner tracks in this year's snow looped near it.

«Когда вернешься, Билл, с собой малютку
Энн прихвати.— Не надо обижаться
На Билла. Он, бедняга, полагает,
Что вы должны цветы мне оплатить,
Мои цветы. Прощайте, вам на поезд
Пора». И он закрыл лицо руками.

Перевод А. Кушнера

ПОЛЕННИЦА

Шагая по замерзшему болоту,
Сказал себе: «Ну что ж, пора домой.
Нет, похоже еще—а там увидим».
Был твердым наст, лишь изредка нога
Проваливалась в снег. Прямолинеен
Был вид: стволы тянулись строго вверх,
Похожие настолько друг на друга,
Что вновь я не нашел бы это место.
Скажу лишь: был от дома далеко.
Передо мной, дистанцию храня,
Взлетала и опять садилась птичка,
Ни звука не произнося, чтоб я
Вдруг не узнал, чего она боится.
Она боялась, что могу польститься
Я на перо в ее хвосте; меж тем
Достаточно ей было б только раз
Свернуть с пути—и все бы прояснилось.
Но тут, забыв о птичке,—страх погнал
Ее туда, куда бы, может быть,
И я за ней последовал,—забыв
Проститься с ней, поленицу увидел.
А птичка залетела за нее.
Стандартная поленица кленовых
Готовых дров чернела предо мной.
Другой такой нигде не видно было.
Следов вокруг нее не обнаружив,

And it was older sure than this year's cutting,
Or even last year's or the year's before.
The wood was gray and the bark warping off it
And the pile somewhat sunken. Clematis
Had wound strings round and round it like a bundle.
What held it though on one side was a tree
Still growing, and on one a stake and prop,
These latter about to fall. I thought that only
Someone who lived in turning to fresh tasks
Could so forget his handiwork on which
He spent himself, the labor of his ax,
And leave it there far from a useful fireplace
To warm the frozen swamp as best it could
With the slow smokeless burning of decay.

Я понял, что не в нынешнем сложили
Ее году, ни даже в позапрошлом.
Отваливалась, почернев, кора,
Поленница осела, и вьюнок
Обвил ее со всех сторон, как сверток.
На самом деле, ствол, еще живой,
Поддерживал поленницу, и два
Кола, упасть готовые. Лишь тот,
Кто к новым обращен заботам, может,
Подумал я, забыть свою работу –
Так много сил потратив на нее, –
Оставить согреть ее вдали
От очага замерзшее болото
Бездымным долгим тлением распада.

Перевод А. Кушнера

Mountain Interval

**Между
горами**

THE ROAD NOT TAKEN

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim,
Because it was grassy and wanted wear;
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I—
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

THE OVEN BIRD

There is a singer everyone has heard,
Loud, a mid-summer and a mid-wood bird,
Who makes the solid tree trunks sound again.

НЕИЗБРАННАЯ ДОРОГА

Опушка – и развилка двух дорог.
Я выбирал с великой неохотой,
Но выбрать сразу две никак не мог
И просеку, которой пренебрег,
Глазами пробежал до поворота.

Вторая – та, которую избрал, –
Нетоптаной травой привлекала:
Примять ее – цель выше всех похвал,
Хоть тех, кто здесь когда-то путь пытал,
Она сама изрядно потоптала.

И обе выстилали шаг листвою –
И выбор, всю печаль его, смягчали.
Неизбранная, час пробьет и твой!
Но, помня, как извилист путь любой,
Я на развилку, знал, вернусь едва ли.

И если станет жить невольно,
Я вспомню давний выбор поневоле:
Развилка двух дорог – я выбрал ту,
Где путников обходишь за версту.
Все остальное не играет роли.

Перевод В. Топорова

ЖЕЛТОГОЛОВАЯ СЛАВКА

Ее, наверное, слышал любой
В лесу, примолкшем к середине лета;
Она поет о том, что песня спета,

He says that leaves are old and that for flowers
Mid-summer is to spring as one to ten.
He says the early petal-fall is past
When pear and cherry bloom went down in showers
On sunny days a moment overcast;
And comes that other fall we name the fall.
He says the highway dust is over all.
The bird would cease and be as other birds
But that he knows in singing not to sing.
The question that he frames in all but words
Is what to make of a diminished thing.

RANGE-FINDING

The battle rent a cobweb diamond-strung
And cut a flower beside a ground bird's nest
Before it stained a single human breast.
The stricken flower bent double and so hung.
And still the bird revisited her young.
A butterfly its fall had dispossessed
A moment sought in air his flower of rest,
Then lightly stooped to it and fluttering clung.
On the bare upland pasture there had spread
O'ernight 'twixt mullein stalks a wheel of thread
And straining cables wet with silver dew.
A sudden passing bullet shook it dry.
The indwelling spider ran to greet the fly,
But finding nothing, sullenly withdrew.

BOND AND FREE

Love has earth to which she clings
With hills and circling arms about—
Wall within wall to shut fear out.
But Thought has need of no such things,
For Thought has a pair of dauntless wings.

Что лето по сравнению с весной
Куда скучней, что листья постарели,
Что прежних красок на лужайках нет
И что давно на землю облетели
Цвет грушевый и яблоневый цвет;
Она твердит, что осень на пороге,
Что все запорошила пыль с дороги;
Примкнуть к терпенью смолкших голосов
То ли не может, то ли не желает
И спрашивает, даром что без слов:
Как быть, когда все в мире убывает?

Перевод Г. Кружкова

В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ПРИЦЕЛА

В разгаре боя, метя в чью-то грудь,
Шальная пуля низом просвистела
Вблизи гнезда – и сбить цветок успела,
И с паутины жемчуг отряхнуть.
Но перепелка, подождав чуть-чуть,
Опять к птенцам писклявым прилетела,
И бабочка, помедля, вновь присела
На сломанный цветок передохнуть.
С утра, когда в траве зажглась роса,
Повис в бурьяне, вроде колеса,
Сверкающий каркас полупрозрачный.
От выстрела его качнуло вдруг.
Схватить добычу выскочил паук,
Но, не найдя, ретировался мрачно.

Перевод Г. Кружкова

ПЛЕННАЯ И СВОБОДНАЯ

Любовь Земле принадлежит,
Привычен ей объятий плен,
Уютно под защитой стен.
А Мысль оград и уз бежит,
На крыльях дерзостных парит.

On snow and sand and turf, I see
Where Love has left a printed trace
With straining in the world's embrace.
And such is Love and glad to be.
But Thought has shaken his ankles free.

Thought cleaves the interstellar gloom
And sits in Sirius' disc all night,
Till day makes him retrace his flight,
With smell of burning on every plume,
Back past the sun to an earthly room.

His gains in heaven are what they are.
Yet some say Love by being thrall
And simply staying possesses all
In several beauty that Thought fares far
To find fused in another star.

THE TELEPHONE

'When I was just as far as I could walk
From here today,
There was an hour
All still
When leaning with my head against a flower
I heard you talk.
Don't say I didn't, for I heard you say—
You spoke from that flower on the window sill—
Do you remember what it was you said?'

'First tell me what it was you thought you heard.'

'Having found the flower and driven a bee away,
I leaned my head,
And holding by the stalk,
I listened and I thought I caught the word—
What was it? Did you call me by my name?'

В снегу, в песках, в глуши лесной
Проложены Любви следы,
Ей не в обузу все труды.
Но Мысль, избрав удел иной,
С ног отряхает прах земной.

На Сириусе золотом
Она, умчав, проводит ночь;
А на заре стремится прочь –
Сквозь пламень звездный напролом,
Дымя обугленным крылом.

Но, говорят, раба Земли –
Любовь – таит в себе самой
Все то, чего, враждуя с тьмой,
Взыскует Мысль, бродя вдали
В межгалактической пыли.

Перевод Г. Кружкова

ТЕЛЕФОН

«Я очень далеко забрел, гуляя,
Сегодня днем,
Вокруг
Стояла тишина такая...
Я наклонился над цветком,
И вдруг
Услышал голос твой, и ты сказала –
Нет, я ослышаться не мог,
Ты говорила с этого цветка
На подоконнике, ты прошептала...
Ты помнишь ли свои слова?»

«Нет, это ты их повтори сперва».

«Найдя цветок,
Страхнув с него жука
И осторожно взяв за стебелек,
Я уловил какой-то тихий звук,

Or did you say—
Someone said “Come”—I heard it as I bowed.’

‘I may have thought as much, but not aloud.’

‘Well, so I came.’

MEETING AND PASSING

As I went down the hill along the wall
There was a gate I had leaned at for the view
And had just turned from when I first saw you
As you came up the hill. We met. But all
We did that day was mingle great and small
Footprints in summer dust as if we drew
The figure of our being less than two
But more than one as yet. Your parasol
Pointed the decimal off with one deep thrust.
And all the time we talked you seemed to see
Something down there to smile at in the dust.
(Oh, it was without prejudice to me!)

Afterward I went past what you had passed
Before we met and you what I had passed.

A TIME TO TALK

When a friend calls to me from the road
And slows his horse to a meaning walk,
I don't stand still and look around
On all the hills I haven't hoed,
And shout from where I am, 'What is it?'
No, not as there is a time to talk.
I thrust my hoe in the mellow ground,
Blade-end up and five feet tall,
And plod: I go up to the stone wall
For a friendly visit.

Как будто шепот «приходи» –
Нет, погоди,
Не спорь, – ведь я расслышал хорошо!»

«Я так могла подумать, но не вслух».

«Я и пришел».

Перевод Г. Кружкова

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мы и не знали, что навстречу шли
Вдоль изгороди луга: я спускался
С холма и, как обычно, замечтался,
Когда заметил вдруг тебя. В пыли,
Пересеченной нашими следами
(Мой след огромен против твоего!),
Изобразилась, как на диаграмме,
Дробь – меньше двух, но больше одного.
И точкой отделил твой зонтик строгий
Десятые от целого. В итоге
Ты, кажется, забавное нашла...
Минута разговора протекла.
И ты пошла вперед по той дороге,
Где я прошел, а я – где ты прошла.

Перевод Г. Кружкова

ПОБЕСЕДОВАТЬ С ДРУГОМ

Если друг, проезжая, окликнет меня,
У ограды придерживая коня, –
Я не стану стоять как вкопанный,
Озираясь на свой участок невоскопанный,
И кричать «В чем дело?» издалека,
Вроде как оправдываясь недосугом.
Нет, воткну я мотыгу в землю торчком –
Ничего, пускай отдохнет пока! –
И пойду через борозды прямиком
Побеседовать с другом.

Перевод Г. Кружкова

HYLA BROOK

By June our brook's run out of song and speed
Sought for much after that, it will be found
Either to have gone groping underground
(And taken with it all the Hyla breed
That shouted in the mist a month ago,
Like ghost of sleigh-bells in a ghost of snow)—
Or flourished and come up in jewel-weed,
Weak foliage that is blown upon and bent
Even against the way its waters went.
Its bed is left a faded paper sheet
Of dead leaves stuck together by the heat—
A brook to none but who remember long.
This as it will be seen is other far
Than with brooks taken elsewhere in song.
We love the things we love for what they are.

BIRCHES

When I see birches bend to left and right
Across the lines of straighter darker trees,
I like to think some boy's been swinging them.
But swinging doesn't bend them down to stay
As ice-storms do. Often you must have seen them
Loaded with ice a sunny winter morning
After a rain. They click upon themselves
As the breeze rises, and turn many-colored
As the stir cracks and crazes their enamel.
Soon the sun's warmth makes them shed crystal shells
Shattering and avalanching on the snow-crust—
Such heaps of broken glass to sweep away
You'd think the inner dome of heaven had fallen.
They are dragged to the withered bracken by the load,
And they seem not to break; though once they are bowed
So low for long, they never right themselves:
You may see their trunks arching in the woods
Years afterwards, trailing their leaves on the ground
Like girls on hands and knees that throw their hair

ЛЯГУШАЧИЙ РУЧЕЙ

В июне умолкает наш ручей.
Он то ли исчезает под землю
(И в темноту уводит за собою
Весь неумный гомон майских дней,
Все, что звенело тут на всю округу,
Как призрачные бубенцы сквозь вьюгу)–
То ли уходит в пышный рост хвощей
И в кружевные кущи бальзаминов,
Что никнут, свой убор отцветший скинув.
Лишь русло остается, в летний зной
Покрытое слежавшейся листвою,
Случайный взгляд его найдет едва ли
В траве. И пусть он не похож сейчас
На те ручьи, что барды воспевали:
Любимое прекрасно без прикрас.

Перевод Г. Кружкова

БЕРЕЗЫ

Когда березы клонятся то влево,
То вправо среди прямых стволов, приятно
Мне думать, что раскачивает их
Мальчишка. Но еще сильнее сгибают
Их ливни ледяные. Вы не раз
Их видели, должно быть, коркой льда
Покрытых. Перезвоном говорят
Они друг с другом на ветру, эмаль
При этом разноцветную теряя.
Затем, кристальный кокон уронив
На снежный пласт под теплыми лучами,
Они стоят среди битого стекла,
Как будто свод обрушился небесный.
Под грузом ледяным к траве увядшей
Склоняясь, не ломаются, хотя
И распрямиться им не удастся:
Так и стоят их гнутые стволы,
Листву перед собою волоча,
Как на коленях девушки, откинув,

Before them over their heads to dry in the sun.
But I was going to say when Truth broke in
With all her matter-of-fact about the ice-storm
I should prefer to have some boy bend them
As he went out and in to fetch the cows—
Some boy too far from town to learn baseball,
Whose only play was what he found himself,
Summer or winter, and could play alone.
One by one he subdued his father's trees
By riding them down over and over again
Until he took the stiffness out of them,
And not one but hung limp, not one was left
For him to conquer. He learned all there was
To learn about not launching out too soon
And so not carrying the tree away
Clear to the ground. He always kept his poise
To the top branches, climbing carefully
With the same pains you use to fill a cup
Up to the brim, and even above the brim.
Then he flung outward, feet first, with a swish,
Kicking his way down through the air to the ground.
So was I once myself a swinger of birches.
And so I dream of going back to be.
It's when I'm weary of considerations,
And life is too much like a pathless wood
Where your face burns and tickles with the cobwebs
Broken across it, and one eye is weeping
From a twig's having lashed across it open.
I'd like to get away from earth awhile
And then come back to it and begin over.
May no fate willfully misunderstand me
And half grant what I wish and snatch me away
Not to return. Earth's the right place for love:
I don't know where it's likely to go better.
I'd like to go by climbing a birch tree,
And climb black branches up a snow-white trunk
Toward heaven, till the tree could bear no more,
But dipped its top and set me down again.
That would be good both going and coming back.
One could do worse than be a swinger of birches.

Чтоб высохли, волос густые пряди.
Но я хотел сказать, когда вмешалось
Вдруг уточнение о ледовой корке,
Что я бы предпочел, чтоб их мальчишка
Согнул, идя на поиски коров,—
Мальчишка деревенский, что бейсбола
Не знает и придумывает игры
Такие, чтоб играть в них одному.
Он приручил отцовские деревья,
Их объезжая до тех пор, куда
Строптивости привычной не лишил
И не осталось в стаде деревянном
Ни одного не согнутого. Долго
Он научился над землей пружинить
И не тянуть к земле упругий ствол.
И равновесия он добивался,
К верхушке подбираясь осторожно,
Как наполняют чашу до краев,
А то и выше, с тщанием таким же.
Затем, расставив ноги, неся он
К земле, со свистом воздух рассекая.
И я когда-то ездил на березах.
Хотел бы я то время воротить.
Когда я устаю от размышлений
И кажется мне жизнь дремучим лесом,
В котором лоб саднит от паутины,
Налипшей на него, лицо горит,
И плачет глаз от острого сучка,
Хотел бы я тогда покинуть землю,
А воротившись, все начать сначала.
Но пусть судьбою верно буду понят:
Да не исполнит лишь наполовину
Мое желанье: места для любви
Нет во вселенной лучше, чем земля.
Хочу я вновь взобраться по березе,
По ветвям снежно-белого ствола,
По направлению к небу до тех пор,
Пока не соскользну опять на землю.
То вверх, то вниз. Катанье на березах—
Не самое плохое из занятий.

Перевод А. Кушнера

THE EXPOSED NEST

You were forever finding some new play.
So when I saw you down on hands and knees
In the meadow, busy with the new-cut hay,
Trying, I thought, to set it up on end,
I went to show you how to make it stay,
If that was your idea, against the breeze,
And, if you asked me, even help pretend
To make it root again and grow afresh.
But 'twas no make-believe with you today,
Nor was the grass itself your real concern,
Though I found your hand full of wilted fern,
Steel-bright June-grass, and blackening heads of clover.
'Twas a nest full of young birds on the ground
The cutter-bar had just gone champing over
(Miraculously without tasting flesh)
And left defenseless to the heat and light.
You wanted to restore them to their right
Of something interposed between their sight
And too much world at once—could means be found.
The way the nest-full every time we stirred
Stood up to us as to a mother-bird
Whose coming home has been too long deferred,
Made me ask would the mother-bird return
And care for them in such a change of scene
And might our meddling make her more afraid.
That was a thing we could not wait to learn.
We saw the risk we took in doing good,
But dared not spare to do the best we could
Though harm should come of it; so built the screen
You had begun, and gave them back their shade.
All this to prove we cared. Why is there then
No more to tell? We turned to other things.
I haven't any memory—have you?—
Of ever coming to the place again
To see if the birds lived the first night through,
And so at last to learn to use their wings.

ГНЕЗДО НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Ты был горазд на всякие забавы.
Поэтому, увидя на лугу,
Где сохли свежескошенные травы,
Как ты, присев на корточки, играл
Былинками и в землю их втыкал,—
Я сразу раскусил твою затею
И подбежал, решив, что помогу
Тебе сажать, что так и я сумею.
Но оказалось — все наоборот
И не в самих былинках было дело,
Хотя ты и держал в руке пучки
Метлицы и увядшей кашки белой.
Гнездо с птенцами — вот что было там!
Оно каким-то чудом уцелело
Под взмахами стальной косы — и вот
Лежало так беспомощно открыто
Чужим глазам и солнечным лучам.
Птенцы, пища, тянули шеи к нам,
А ты, чтоб окружить их дом защитой,
Прилаживал травинки, стебельки,
Сооружал заслон для маскировки.
И я спросил: что, если птица-мать
Совсем не станет к детям прилетать,
Пугаясь непривычной обстановки?
Быть может, чем маячить над гнездом,
Вообще не стоило совать к ним носа?
Но мы не стали времени терять
На разрешение этого вопроса.
Риск был, но мы от риска не ушли,
Хотя и знали: может выйти хуже.
Мы гнездышко укрыли, как смогли,
Решив: потом проверим! Почему же
Я не припомню этого «потом»? —
А ты? — Увлечшись новыми делами,
Мы, верно, так и не пришли узнать,
Что стало после с этими птенцами
И научились ли они летать.

Перевод Г. Кружкова

LOCKED OUT

As told to a child

When we locked up the house at night,
We always locked the flowers outside
And cut them off from window light.
The time I dreamed the door was tried
And brushed with buttons upon sleeves,
The flowers were out there with the thieves.
Yet nobody molested them!
We did find one nasturtium
Upon the steps with bitten stem.
I may have been to blame for that:
I always thought it must have been
Some flower I played with as I sat
At dusk to watch the moon down early.

THE LAST WORD OF A BLUEBIRD

As told to a child

As I went out a Crow
In a low voice said, 'Oh,
I was looking for you.
How do you do?
I just came to tell you
To tell Lesley (will you?)
That her little Bluebird
Wanted me to bring word
That the north wind last night
That made the stars bright
And made ice on the trough
Almost made him cough
His tail feathers off.
He just had to fly!
But he sent her Good-by,

ЦВЕТЫ ЗА ОКНОМ

Из разговоров с детьми

Когда мы на ночь дверь запрем
И наглухо закроем шторы,
Цветы мы не пускаем в дом:
Они – снаружи, за окном,
Где в темноте скребутся воры
И ветер свищет за углом.
Но нет, никто их не обидит
Средь ночи: мир не так жесток!
И если сломанный цветок
Нашли мы утром за порогом, –
Наверное, не кто иной,
Как я, в потемках поздних сидя
Под восходящею луной,
С ним заигрался ненароком...

Перевод Г. Кружкова

ПРИВЕТ ОТ ЗЯБЛИКА

Из разговоров с детьми

Нынче, выйдя из дома,
От вороны знакомой
Я услышал: «Урра!
Я ищу вас с утра.
Как дела? Вы не в лес ли?
А здорова ли Лесли?
Зяблик-друг,
Улетая на юг,
Ей просил передать,
Что не мог больше ждать.
Ночью звездной
Дунул ветер морозный,
Зяблик так расчихался –
Даже хвост растрепался!
И когда улетал,
Лесли он передал,
Чтоб она не скучала,

And said to be good,
And wear her red hood,
And look for skunk tracks
In the snow with an ax—
And do everything!
And perhaps in the spring
He would come back and sing.'

A GIRL'S GARDEN

A neighbor of mine in the village
Likes to tell how one spring
When she was a girl on the farm, she did
A childlike thing.

One day she asked her father
To give her a garden plot
To plant and tend and reap herself,
And he said, 'Why not?'

In casting about for a corner
He thought of an idle bit
Of walled-off ground where a shop had stood,
And he said, 'Just it.'

And he said, 'That ought to make you
An ideal one-girl farm,
And give you a chance to put some strength
On your slim-jim arm.'

It was not enough of a garden,
Her father said, to plow;
So she had to work it all by hand,
But she don't mind now.

She wheeled the dung in the wheelbarrow
Along a stretch of road;
But she always ran away and left
Her not-nice load,

Теплый шарф надевала
И каталась с горы
У барсучьей норы.
И добавил, что, если
Будет умницей Лесли,
Он опять через год
Прилетит и споет».

Перевод Г. Кружкова

ДЕВОЧКИН ОГОРОД

У нашей соседки в деревне
Есть любимый рассказ:
Про то, как она девчонкой жила
На ферме – и как-то раз

Решила сама посадить огород
И сама собрать урожай.
Она об этом сказала отцу,
И тот ответил: «Сажай».

Прикинув, какой ей участок дать,
Он вспомнил про угол сада,
Где раньше стоял ремонтный сарай,
И заключил: «То, что надо».

«Вот тебе ферма. Места тут –
Как раз для одной девчонки.
Глядишь, и научишься кой-чему,
И поднакопишь силенки».

«Конечно, – предупредил отец, –
Для плуга здесь тесновато».
Поэтому весь свой огород
Она вскопала лопатой, –

О чем не жалеет и до сих пор;
Возила навоз (а что же!)
На землю свою, – но едва вдали
Показывался прохожий,

And hid from anyone passing.
And then she begged the seed.
She says she thinks she planted one
Of all things but weed.

A hill each of potatoes,
Radishes, lettuce, peas,
Tomatoes, beets, beans, pumpkins, corn
And even fruit trees.

And yes, she has long mistrusted
That a cider apple tree
In bearing there today is hers,
Or at least may be.

Her crop was a miscellany
When all was said and done,
A little bit of everything,
A great deal of none.

Now when she sees in the village
How village things go,
Just when it seems to come in right,
She says, 'I know!

'It's as when I was a farmer—'
Oh, never by way of advice!
And she never sins by telling the tale
To the same person twice.

THE COW IN APPLE TIME

Something inspires the only cow of late
To make no more of a wall than an open gate,
And think no more of wall-builders than fools.
Her face is flecked with pomace and she drools
A cider syrup. Having tasted fruit,
She scorns a pasture withering to the root.

Бросала тачку на полпути
И малодушно бежала...
Она выпрашивала семена
И чего только не сажала:

Грядку редиса, грядку бобов,
Свеклу, салат и картошку,
Горох, кукурузу, тыкву, морковь –
В общем, всего понемножку.

И даже плодовые деревья
Пыталась растить на грядке.
Пожалуй, что яблоня у стены –
Еще той самой посадки.

И пестрый же это был урожай –
Такого не видел свет:
Немножко того, немножко сего –
Ну в точности винегрет!

Зато теперь, лишь свернет разговор
На брюкву или овес,
Она оживляется и говорит:
«Ну, ясно – что за вопрос!

Вот когда у меня ферма была...»
Не то чтобы учит всех! –
Но лишний раз повторить рассказ
Не почитает за грех.

Перевод Г. Кружкова

КОРОВА В ЯБЛОЧНЫЙ СЕЗОН

Что за наитье на нее находит?
Весь день корова наша колобродит
И никаких оград не признает.
Единожды вкусив запретный плод,
Увядший луг она презрела гордо.
Пьянящим соком вымазана морда.

She runs from tree to tree where lie and sweeten
The windfalls spiked with stubble and worm-eaten.
She leaves them bitten when she has to fly.
She bellows on a knoll against the sky.
Her udder shrivels and the milk goes dry.

A PATCH OF OLD SNOW

There's a patch of old snow in a corner
That I should have guessed
Was a blow-away paper the rain
Had brought to rest.

It is speckled with grime as if
Small print overspread it,
The news of a day I've forgotten—
If I ever read it.

AN OLD MAN'S WINTER NIGHT

All out-of-doors looked darkly in at him
Through the thin frost, almost in separate stars,
That gathers on the pane in empty rooms.
What kept his eyes from giving back the gaze
Was the lamp tilted near them in his hand.
What kept him from remembering what it was
That brought him to that creaking room was age.
He stood with barrels round him—at a loss.
And having scared the cellar under him
In clomping here, he scared it once again
In clomping off;—and scared the outer night,
Which has its sounds, familiar, like the roar
Of trees and crack of branches, common things,
But nothing to like beating on a box.
A light he was to no one but himself
Where now he sat, concerned with he knew what,
A quiet light, and then not even that.

Лишь падалица сладкая одна
Ей в мире вожделенна и важна.
Ее из сада с бранью выгоняют;
Она мычаньем к небесам взывает,
И молоко в сосцах перегорает.

Перевод Г. Кружкова

ПОТЕМНЕВШЕГО СНЕГА ЛОСКУТ

Потемневшего снега лоскут
У стены, за углом,—
Как обрывок газеты, к земле
Пригвожденный дождем.

Серой копотью весь испещрен,
Словно шрифтом слепым...
Устаревшие новости дня,
Что развеялся в дым.

Перевод Г. Кружкова

СТАРИК,ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Тьма на него таращилась угрюмо
Сквозь звезды изморози на стекле—
Примета нежилых, холодных комнат.
Кто там стоял снаружи—разглядеть
Мешала лампа возле глаз. Припомнить,
Что привело его сюда, в потемки
Скрипучей комнаты,—мешала старость.
Он долго думал, стоя среди бочек.
Потом, нарочно тяжело ступая,
Чтоб напугать подвал на всякий случай,
Он вышел на крыльцо—и напугал
Глухую полночь: ей привычны были
И сучьев треск, и громкий скрип деревьев,
Но не полена стук по гулким доскам.
...Он светом был для одного себя,
Когда сидел, перебирая в мыслях
Бог знает что,—и меркнул тихий свет.

He consigned to the moon, such as she was,
So late-arising, to the broken moon
As better than the sun in any case
For such a charge, his snow upon the roof,
His icicles along the wall to keep;
And slept. The log that shifted with a jolt
Once in the stove, disturbed him and he shifted,
And eased his heavy breathing, but still slept.
One aged man—one man—can't keep a house,
A farm, a countryside, or if he can,
It's thus he does it of a winter night.

'OUT, OUT—'

The buzz saw snarled and rattled in the yard
And made dust and dropped stove-length sticks of wood,
Sweet-scented stuff when the breeze drew across it.
And from there those that lifted eyes could count
Five mountain ranges one behind the other
Under the sunset far into Vermont.
And the saw snarled and rattled, snarled and rattled,
As it ran light, or had to bear a load.
And nothing happened: day was all but done.
Call it a day, I wish they might have said
To please the boy by giving him the half hour
That a boy counts so much when saved from work.
His sister stood beside them in her apron
To tell them 'Supper.' At the word, the saw,
As if to prove saws knew what supper meant,
Leaped out at the boy's hand, or seemed to leap—
He must have given the hand. However it was,
Neither refused the meeting. But the hand!
The boy's first outcry was a rueful laugh,
As he swung toward them holding up the hand
Half in appeal, but half as if to keep
The life from spilling. Then the boy saw all—
Since he was old enough to know, big boy

Он поручил луне – усталой, дряхлой,
А все же подходящей, как никто,
Для этого задания – стеречь
Сосульки вдоль стены, сугроб на крыше;
И задремал. Полено, ворохнувшись
В печи, его встревожило: он вздрогнул
И тяжело вздохнул, но не проснулся.
Старик не может отвечать один
За все: и дом, и ферму, и округу.
Но если больше некому, – вот так
Он стережет их долгой зимней ночью.

Перевод Г. Кружкова

‘OUT, OUT...’

Гудела циркулярная пила
Среди двора, визгливо дребезжала,
Пахучие роняя чурбаки
И рассыпая вороха опилок.
А стоило глаза поднять – вдали
Виднелись горы, пять высоких гребней –
Там, где садилось солнце над Вермонтом.
Пила то дребезжала, напрягаясь,
То выла и гудела вхолостую.
Все было, как всегда. И день кончался.
Ну что бы им не пошабашить раньше,
Обрадовав мальчишку, – для него
Свободных полчаса немало значат!
Пришла его сестра позвать мужчин:
«Пора на ужин». В этот миг пила,
Как будто бы поняв, что значит «ужин»,
Рванулась и впилась мальчишке в руку –
Или он сам махнул рукой неловко –
Никто не видел толком. Но рука!
Он даже сгоряча не закричал,
Но повернулся, жалко улыбаясь
И руку вверх подняв – как бы в мольбе
Или чтоб жизнь не расплескать. И тут
Он понял (он ведь был не так уж мал,
Чтоб этого не осознать, подросток,

Doing a man's work, though a child at heart—
He saw all spoiled. 'Don't let him cut my hand off—
The doctor, when he comes. Don't let him, sister!'
So. But the hand was gone already.
The doctor put him in the dark of ether.
He lay and puffed his lips out with his breath.
And then—the watcher at his pulse took fright.
No one believed. They listened at his heart.
Little—less—nothing!—and that ended it.
No more to build on there. And they, since they
Were not the one dead, turned to their affairs.

THE BONFIRE

'Oh, let's go up the hill and scare ourselves,
As reckless as the best of them tonight,
By setting fire to all the brush we piled
With pitchy hands to wait for rain or snow.
Oh, let's not wait for rain to make it safe.
The pile is ours: we dragged it bough on bough
Down dark converging paths between the pines.
Let's not care what we do with it tonight.
Divide it? No! But burn it as one pile
The way we piled it. And let's be the talk
Of people brought to windows by a light
Thrown from somewhere against their wallpaper.
Rouse them all, both the free and not so free
With saying what they'd like to do to us
For what they'd better wait till we have done.
Let's all but bring to life this old volcano,
If that is what the mountain ever was—
And scare ourselves. Let wild fire loose we will...'

'And scare you too?' the children said together.

'Why wouldn't it scare me to have a fire
Begin in smudge with ropy smoke and know
That still, if I repent, I may recall it,

Работавший за взрослого) – он понял,
Что все пропало. «Ты скажи, сестра,
Скажи, чтоб руку мне не отрезали!»
Да там уже и не было руки.
Врач усыпил его эфирной маской.
Он булькнул как-то странно – и затих.
Считавший пульс внезапно испугался.
Не может быть. Но... стали слушать сердце.
Слабей – слабей – еще слабей! – и всё.
Что тут поделаешь? Кто умер – умер,
Живые снова занялись – кто чем.

Перевод Г. Кружкова

КОСТЕР

«Взойдем на холм и наберемся страху,
Как заговорщики, сегодня в ночь
Зажжем весь хворост, принесенный нами
На случай снегопада и дождя.
Не будем ждать дождя, когда нет риска,
Вся куча наша: мы сучок к сучку
Приволокли по муравьиным тропам
Не для того ее, чтоб отступить.

Разбить на кучки? Нет, поджечь всю разом,
Как мы сложили. Пусть пойдет молва
Среди людей, ошеломленных светом,
Который в окна упадет с небес.
Разбудим несвободных и свободных,
Всех-всех, и чем хотели нам воздать,
Пусть воздадут не раньше, чем увидят,
Разбудим к жизни дремлющий вулкан,
Огонь безумный выпустим на волю
И сами испугаемся огня».

«И вы боитесь?» – удивились дети.

«Еще бы не бояться, если жар
Лишь занялся и, вовремя опомнясь,
Я, может быть, смогу его унять,

But in a moment not: a little spurt
Of burning fatness, and then nothing but
The fire itself can put it out, and that
By burning out, and before it burns out
It will have roared first and mixed sparks with stars,
And sweeping round it with a flaming sword,
Made the dim trees stand back in wider circle—
Done so much and I know not how much more
I mean it shall not do if I can bind it.
Well if it doesn't with its draft bring on
A wind to blow in earnest from some quarter,
As once it did with me upon an April.
The breezes were so spent with winter blowing
They seemed to fail the bluebirds under them
Short of the perch their languid flight was toward;
And my flame made a pinnacle to heaven
As I walked once around it in possession.
But the wind out of doors—you know the saying.
There came a gust. You used to think the trees
Made wind by fanning since you never knew
It blow but that you saw the trees in motion.
Something or someone watching made that gust.
It put the flame tip-down and dabbed the grass
Of over-winter with the least tip-touch
Your tongue gives salt or sugar in your hand.
The place it reached to blackened instantly.
The black was almost all there was by daylight,
That and the merest curl of cigarette smoke—
And a flame slender as the hepaticas,
Blood-root, and violets so soon to be now.
But the black spread like black death on the ground,
And I think the sky darkened with a cloud
Like winter and evening coming on together.
There were enough things to be thought of then.
Where the field stretches toward the north
And setting sun to Hyla brook, I gave it
To flames without twice thinking, where it verges
Upon the road, to flames too, though in fear
They might find fuel there, in withered brake,
Grass its full length, old silver goldenrod,
And alder and grape vine entanglement,

Но миг – и языки огня взметнутся,
И, кроме самого огня, ничто
Не укротит его, и, выгорая
И прежде чем он выгорит дотла,
Он заревет, бросая искры к звездам,
И ну махать пылающим мечом,
Чтоб в темноту попятнулись деревья,
И не уйми его, таких он дел
Понатворит, покуда не заглохнет.
Конечно, если тягой ветровой
Не вызовет нешуточного ветра,
Как он весной проделал раз со мной.
Так за зиму повыхохлись ветра,
Что малых птиц, казалось, не держали,
Летящих низко по своим сукам,
И мой огонь стремглав метнулся в небо,
Пока топтался я вокруг костра.
Посеешь ветер – знаете, что будет.
И шквал пришел. (Вам кажется, листва
И вызывает ветер, так как ветер
Незрим, а листья ходят ходуном.)
Незримый кто-то этот шквал и вызвал.
Он придавил огонь, лизнув сперва
Траву, освобожденную от снега,
Как пробует язык наш соль с руки,
Но место, где лизнул он, почернело.
При свете дня все сделалось черно:
Луг почернел, и из цветов взошли
Лишь сигаретный завиток да пламя
От перелесковой голубизны
До густоты кровь-корня и фиалки.
И черная гибель поползла.
Казалось, туча темная зависла
И сумерки с ненастьем подошли.
Так много пронеслось в одно мгновенье.
Там, где на север тянутся поля
И где Ручей струится Лягушачий,
Я предал все огню, не зная сам,
Где он умрет, и, больше, опасаясь,
Что пламя может топливо себе
Найти в валежнике и сухостое,
В ольхе ли, в виноградной ли лозе,

To leap the dusty deadline. For my own
I took what front there was beside. I knelt
And thrust hands in and held my face away.
Fight such a fire by rubbing not by beating.
A board is the best weapon if you have it.
I had my coat. And oh, I knew, I knew,
And said out loud, I couldn't bide the smother
And heat so close it; but the thought of all
The woods and town on fire by me, and all
The town turned out to fight for me—that held me.
I trusted the brook barrier, but feared
The road would fail; and on that side the fire
Died not without a noise of crackling wood—
Of something more than tinder-grass and weed—
That brought me to my feet to hold it back
By leaning back myself, as if the reins
Were round my neck and I was at the plow.
I won! But I'm sure no one ever spread
Another color over a tenth the space
That I spread coal-black over in the time
It took me. Neighbors coming home from town
Couldn't believe that so much black had come there
While they had backs turned, that it hadn't been there
When they had passed an hour or so before
Going the other way and they not seen it.
They looked about for someone to have done it.
But there was no one. I was somewhere wondering
Where all my weariness had gone and why
I walked so light on air in heavy shoes
In spite of a scorched Fourth-of-July feeling.
Why wouldn't I be scared remembering that?

'If it scares you, what will it do to us?'

'Scare you. But if you shrink from being scared,
What would you say to war if it should come?
That's what for reasons I should like to know—
If you can comfort me by any answer.'

И через край перемахнуть. А сам я
С огнем боролся там, где вспыхнул он.
Встав на колени, бил, глаза сощутив.
Боритесь катаньем, а не битьем
С таким огнем. Доска была бы кстати,
А у меня пиджак был. Я кричал,
Что не могу с огнем и дымом сладить,
Когда они так злы. Но мысль о всех
Лесах в огне и городе горящем—
Из-за меня—меня держала здесь.
Я за ручей спокоен был, однако
Боялся, что дорога подведет.
Но пламя понемногу затихало,
Трутовником стреляя и травой,
Не говоря о дереве, и это
Позволило мне встать, чтоб удержать
В узде его, и я стоял, как пахарь,
Как на ремнях, откинувшись назад.
Я победил! Клянусь, и малой доли
Никто не мог бы перекрасить так,
Как сделал я, и за такое время.
Соседи, возвращаясь в этот день
Из города, глазам своим вначале
Поверить не могли от черноты,
Нагрянувшей туда, где проходили
Они примерно час тому назад.
Они гадали, кто бы это сделал,
Но пусто было в поле. Я бродил
Без усталости, ног под собой не чуя,
В тяжелых башмаках и несмотря
На пустоту внутри. И почему бы
Не испугаться мне из-за огня?»

«Но если страшно вам, что будет с нами?»

«Натерпитесь. Но страха не познав,
Случись война, что скажете войне вы?
Что ей ответите, хотел бы знать,
Конечно, если есть ответ на это».

'Oh, but war's not for children—it's for men.'

'Now we are digging almost down to China.
My dears, my dears, you thought that—we all thought it.
So your mistake was ours. Haven't you heard, though,
About the ships where war has found them out
At sea, about the towns where war has come
Through opening clouds at night with droning speed
Further o'erhead than all but stars and angels,—
And children in the ships and in the towns?
Haven't you heard what we have lived to learn?
Nothing so new—something we had forgotten:
War is for everyone, for children too.
I wasn't going to tell you and I mustn't.
The best way is to come up hill with me
And have our fire and laugh and be afraid.'

THE SOUND OF THE TREES

I wonder about the trees.
Why do we wish to bear
Forever the noise of these
More than another noise
So close to our dwelling place?
We suffer them by the day
Till we lose all measure of pace,
And fixity in our joys,
And acquire a listening air.
They are that that talks of going
But never gets away;
And that talks no less for knowing,
As it grows wiser and older,
That now it means to stay.

«Война не для детей, а для мужчин».

«Ну вот мы и копнули до Китая.
Вот что пришло вам в голову, друзья.
Мы все так думали. Но, дорогие,
Вы не слыхали разве о судах,
Застигнутых войною в океане,
О городах, куда пришла война,
Завыв с небес, из облачных разрывов,
Где выше только ангелы поют,
А в городах и в море были дети?
Позвольте же напомнить вам азы,
Немного из того, что вы забыли:
Война для всех война, и для детей.
Я не хотел пугать вас и не должен.
Не лучше ль нам, друзья, взойти на холм,
Зажечь костер и натерпеться страху».

Перевод О. Чухонцева

ШУМ ДЕРЕВЬЕВ

Непонятна любовь к деревьям,
К их листве, шелестящей угрюмо
Возле нашего дома, где нам
Так досаден бывает любой
Тишину нарушающий звук.
Мы им целые дни напролет
Безмятежно внимаем, но вдруг
Нас покоя лишает простой
Смысл бессвязного вроде бы шума.
Так до старости о несвободе
Причитает беспомощно тот,
Кто, мечтая всю жизнь об уходе,
Твердо знает, что это пустое
И что он никуда не уйдет.

My feet tug at the floor
And my head sways to my shoulder
Sometimes when I watch trees sway,
From the window or the door.
I shall set forth for somewhere,
I shall make the reckless choice
Some day when they are in voice
And tossing so as to scare
The white clouds over them on.
I shall have less to say,
But I shall be gone.

Потому среди белого дня
Дерева увидав, головою
Поникаю и я, ибо ждет
Вряд ли участь иная меня.
Но однажды, услышав их шум,
На высокие листья и хвою
Я взгляну, и придет мне на ум
Неожиданно что-то такое,
Что, пусть даже себе на беду,
Я не стану твердить про уход,
А уйду.

Перевод Б. Хлебникова

New Hampshire

Нью-Гемпшир

THE AIM WAS SONG

Before man came to blow it right
The wind once blew itself untaught,
And did its loudest day and night
In any rough place where it caught.

Man came to tell it what was wrong:
It hadn't found the place to blow;
It blew too hard—the aim was song.
And listen—how it ought to go!

He took a little in his mouth,
And held it long enough for north
To be converted into south,
And then by measure blew it forth.

By measure. It was word and note,
The wind the wind had meant to be—
A little through the lips and throat.
The aim was song—the wind could see.

THE ONSET

Always the same, when on a fated night
At last the gathered snow lets down as white
As may be in dark woods, and with a song
It shall not make again all winter long
Of hissing on the yet uncovered ground,
I almost stumble looking up the end
Gives up his errand, and lets death descend

ЧТОБ ВЫШЛА ПЕСНЯ

Был ветер не обучен пенью
И, необузданно горласт,
Ревел и выл, по настроенью,
И просто дул во что горазд.

Но человек сказал с досадой:
Ты дуешь грубо, наобум!
Послушай лучше – вот как надо,
Чтоб вышла песня, а не шум.

Он сделал вдох – но не глубокий,
И воздух задержал чуть-чуть,
Потом, не надувая щеки,
Стал тихо, понемногу дуть.

И вместо воя, вместо рева –
Не дуновение, а дух –
Возникли музыка и слово.
И ветер обратился в слух.

Перевод Г. Кружкова

ВРАСПЛОХ

И каждый раз, когда порой полночной,
В таинственный и тихий час урочный,
Снег шелестящий, белый снег с небес
Посыплется на голый, черный лес,
Я удивленно, робко озираюсь,
И возвожу глаза, и спотыкаюсь,
Застигнутый врасплох, – как человек,

Upon him where he is, with nothing done
To evil, no important triumph won,
More than if life had never been begun.

Yet all the precedent is on my side:
I know that winter death has never tried
The earth but it has failed: the snow may heap
In long storms an undrifted four feet deep
As measured against maple, birch, and oak,
It cannot check the peeper's silver croak;
And I shall see the snow all go down hill
In water of a slender April rill
That flashes tail through last year's withered brake
And dead weeds, like a disappearing snake.
Nothing will be left white but here a birch,
And there a clump of houses with a church.

NOTHING GOLD CAN STAY

Nature's first green is gold,
Her hardest hue to hold.
Her early leaf's a flower,
But only so an hour.
Then leaf subsides to leaf.
So Eden sank to grief,
So dawn goes down to day.
Nothing gold can stay.

BLUE-BUTTERFLY DAY

It is blue-butterfly day here in spring,
And with these sky-flakes down in flurry on flurry
There is more unmixed color on the wing
That flowers will show for days unless they hurry.

Который разлучается навек
И со стезей своей, и с белым светом,
Томимый неисполненным обетом
И не свершив начатого труда,—
Как будто бы и не жил никогда.

Но прежний опыт говорит мне смело,
Что царство этой оторопи белой
Пройдет. Пусть, пелена за пеленой,
Скрывая груды опали лесной,
По пояс снега наметут метели,—
Тем звонче квакши запоют в апреле.
И я увижу, как сугроб седой
В овраги схлынет талою водой
И, яркой змейкой по кустам петляя,
Исчезнет. И придет пора иная.
О снеге вспомнишь лишь в березняке,
Да церковку заметя вдалеке.

Перевод Г. Кружкова

ВСЕ ЗОЛОТОЕ ЗЫБКО

Новорожденный лист
Не зелен—золотист.
И первыми листьями,
Как райскими цветами,
Природа тешит нас;
Но тешит только час.
Ведь, как зари улыбка,
Все золотое зыбко.

Перевод Г. Кружкова

ДЕНЬ ГОЛУБЫХ МОТЫЛЬКОВ

День голубых весенних мотыльков!
Небесные цветы парят, мелькая.
Еще не скоро у земных цветов
Накопится голубизна такая.

But these are flowers that fly and all but sing:
And now from having ridden out desire
They lie closed over in the wind and cling
Where wheels have freshly sliced the April mire.

TO EARTHWARD

Love at the lips was touch
As sweet as I could bear;
And once that seemed too much,
I lived on air

That crossed me from sweet things
The flow of—was it musk
From hidden grapevine springs
Down hill at dusk?

I had the swirl and ache
From sprays of honeysuckle
That when they're gathered shake
Dew on the knuckle:

I craved strong sweets, but those
Seemed strong when I was young;
The petal of the rose
It was that stung.

Now no joy but lacks salt
That is not dashed with pain
And weariness and fault;
I crave the stain

Of tears, the aftermark
Of almost too much love,
The sweet of bitter bark
And burning clove.

When stiff and sore and scarred
I take away my hand

Они парят – и только не поют;
И, с каждым взмахом опускаясь ниже,
Опустошенные, к земле прильнут,
Где врезан след колес в апрельской жиже.

Перевод Г. Кружкова

К ЗЕМЛЕ

Любви коснуться ртом
Казалось выше сил;
Мне воздух был щитом,
Я с ветром пил

Далекий аромат
Листвы, пыльцы и смол...
Какой там вертоград
В овраге цвел?

Кружилась голова,
Когда жасмин лесной
Кропил мне рукава
Росой ночной.

Я нежностью болел,
Я молод был, пока
Ожог на коже тлел
От лепестка.

Но поостыла кровь,
И притупилась боль;
И я пирую вновь,
Впивая соль

Давно просохших слез;
И горький вкус коры
Мне сладостнее роз
Иной поры.

Когда горит щека,
Исколота травой,

From leaning on it hard
In grass and sand,

The hurt is not enough:
I long for weight and strength
To feel the earth as rough
To all my length.

ON A TREE FALLEN ACROSS THE ROAD

(to hear us talk)

The tree the tempest with a crash of wood
Throws down in front of us is not to bar
Our passage to our journey's end for good,
But just to ask us who we think we are

Insisting always on our own way so.
She likes to halt us in our runner tracks,
And make us get down in a foot of snow
Debating what to do without an ax.

And yet she knows obstruction is in vain:
We will not be put off the final goal
We have it hidden in us to attain,
Not though we have to seize earth by the pole

And, tired of aimless circling in one place,
Steer straight off after something into space.

TO E. T.

I slumbered with your poems on my breast
Spread open as I dropped them half-read through
Like dove wings on a figure on a tomb
To see, if in a dream they brought of you,

И затекла рука
Под головой,

Мне эта мука власть,
Хочу к земле корней
Еще плотней припасть,
Еще больней.

Перевод Г. Кружкова

О ДЕРЕВЕ, УПАВШЕМ ПОПЕРЕК ДОРОГИ

(Пусть оно слышит!)

Ствол, рухнувший под натиском метели
На просеку, не то чтобы всерьез
Хотел нам преградить дорогу к цели,
Но лишь по-своему задать вопрос:

Куда вы так спешите спозаранок?
Ему, должно быть, нравится игра:
Заставить нас в сугроб сойти из санок,
Гадая, как тут быть без топора.

А впрочем, знает он: помехи тщетны,
Мы не свернем – хотя бы нам пришлось,
Чтоб замысел осуществить заветный,
Руками ухватить земную ось

И, развернувшись, устремить планету
Вперед, к еще неведомому свету.

Перевод Г. Кружкова

Э. Т-У

Глаза смежив, я уронил на грудь
Твоих стихов раскрытый белый том:
Как голубь на кладбищенской плите,
Он трепетал распластанным крылом.

I might not have the chance I missed in life
Through some delay, and call you to your face
First soldier, and then poet, and then both,
Who died a soldier-poet of your race.

I meant, you meant, that nothing should remain
Unsaid between us, brother, and this remained—
And one thing more that was not then to say:
The Victory for what it lost and gained.

You went to meet the shell's embrace of fire
On Vimy Ridge; and when you fell that day
The war seemed over more for you than me,
But now for me than you—the other way.

How over, though, for even me who knew
The foe thrust back unsafe beyond the Rhine,
If I was not to speak of it to you
And see you pleased once more with words of mine?

STOPPING BY WOODS ON A SNOWY EVENING

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

Я отыскать тебя хотел во сне,
Хотел договорить с тобою, брат;
Ты был из тех, кто, не боясь судьбы,
Жил как поэт и умер как солдат.

Мы думали, что тайн меж нами нет
И друг у друга нам не быть в долгу;
А получилось так, что я с тобой
Победой поделиться не могу.

Когда ты под Аррасом пал в бою
При вспышках орудийного огня,
Война окончилась лишь для тебя
В тот час; а ныне — только для меня.

А для тебя тот бой еще гремит;
И что мне жалкий фимиам побед,
Когда сказать тебе, что враг разбит,—
И этого мне утешенья нет?

Перевод Г. Кружкова

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ У ЛЕСА

Чей это лес и эти дали?
Хозяин этих мест едва ли
Поймет, к чему мы здесь, у кромки
Заснеженного поля, стали.

И непонятно лошаденке,
Зачем мы здесь в ночной поземке
Стоим, где пасмурные ели
Глядятся в белые потемки.

Звеня уздечкой еле-еле,
Мол, что такое, в самом деле,
Она все ждет, пока ездок
Прислушивается к метели.

The woods are lovely, dark and deep,
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

IN A DISUSED GRAVEYARD

The living come with grassy tread
To read the gravestones on the hill;
The graveyard draws the living still,
But never any more the dead.

The verses in it say and say:
'The ones who living come today
To read the stones and go away
Tomorrow dead will come to stay.'

So sure of death the marbles rhyme,
Yet can't help marking all the time
How no one dead will seem to come.
What is it men are shrinking from?

It would be easy to be clever
And tell the stones: Men hate to die
And have stopped dying now forever.
I think they would believe the lie.

THE RUNAWAY

Once when the snow of the year was beginning to fall,
We stopped by a mountain pasture to say, 'Whose colt?'
A little Morgan had one forefoot on the wall,
The other curled at his breast. He dipped his head
And snorted at us. And then he had to bolt.
We heard the miniature thunder where he fled,

Прекрасен лес, дремуч, глубок.
Но должен я вернуться в срок,
И путь до дома еще далек,
И путь до дома еще далек.

Перевод О. Чухонцева

ЗАБРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

Надгробий мраморная речь
Зовет на кладбище глухое.
Живых влечет сюда бывшее,
А мертвых – нечем и завлечь.

На плитах письма гласят:
«Отсюда нет пути назад.
Ты имена читаешь тут,
Твое назавтра здесь прочтут».

Но не лукавят ли стихи?
Именья здешние тихи.
Нигде усопших не видать.
Чего ж грозиться и пугать?

И разве не было б вернее
Прочсть на камне: «Смерть страшна,
И здесь покончили мы с нею!»
Зачем не лжете, письма?

Перевод В. Топорова

УБЕЖАВШИЙ ЖЕРЕБЕНОК

Однажды, под реющим в воздухе первым снежком,
Нам встретился жеребенок на горном лугу. «Ты чей?»
Мальш, привстав на дыбки, махал хвостом,
Поставив ногу на изгородь из камней.
Увидя нас, он заржал и пустился стрелой,
По мерзлой земле рассыпая маленький гром,

And we saw him, or thought we saw him, dim and gray,
Like a shadow against the curtain of falling flakes.
'I think the little fellow's afraid of the snow.
He isn't winter-broken. It isn't play
With the little fellow at all. He's running away.
I doubt if even his mother could tell him, "Sakes,
It's only weather." He'd think she didn't know!
Where is his mother? He can't be out alone.'
And now he comes again with clatter of stone,
And mounts the wall again with whited eyes
And all his tail that isn't hair up straight.
He shudders his coat as if to throw off flies.
'Whoever it is that leaves him out so late,
When other creatures have gone to stall and bin,
Ought to be told to come and take him in.'

FOR ONCE, THEN, SOMETHING

Others taunt me with having knelt at well-curbs
Always wrong to the light, so never seeing
Deeper down in the well than where the water
Gives me back in a shining surface picture
Me myself in the summer heaven godlike
Looking out of a wreath of fern and cloud puffs.
Once, when trying with chin against a well-curb,
I discerned, as I thought, beyond the picture,
Through the picture, a something white, uncertain,
Something more of the depths—and then I lost it.
Water came to rebuke the too clear water.
One drop fell from a fern, and lo, a ripple
Shook whatever it was lay there at bottom,
Blurred it, blotted it out. What was that whiteness?
Truth? A pebble of quartz? For once, then, something.

Смутно мелькнул вдали – и пропал через миг
В сумятице хлопьев, за снежною пеленой.
«Видно, он снега боится. Еще не привык
К зиме. Испугался метели – и наутек.
Если бы даже мать сказала ему:
Что ты! Это такая погода, сынок! –
Он бы и то вряд ли поверил ей.
Где его мать? Малышу нельзя одному».
Вот он опять возникает из серых теней,
Хвост задирая, скачет назад во весь дух,
Снова лезет на изгородь, перепуганный весь,
Встряхиваясь, будто шальных отгоняя мух.
«Кто бы его ни оставил так поздно здесь,
В час, когда есть у каждой твари живой
Крыша своя и кормушка, – нужно сказать,
Чтобы сходили за ним и привели домой».

Перевод Г. Кружкова

ЧТО-ТО БЫЛО

Я, наверно, смешон, когда, склонившись
Над колодцем, но не умея глубже
Заглянуть, – на поверхности блестящей
Сам себя созерцаю, словно образ
Божества, на лазурном фоне неба,
В обрамлении облаков и листьев.
Как-то раз, долго вглядываясь в воду,
Я заметил под отраженьем четким –
Сквозь него – что-то смутное, иное,
Что сверкнуло со дна мне – и пропало.
Влага влагу прозрачную смутила,
Капля сверху упала, и дрожащей
Рябью стерло и скрыло то, что было
В глубине. Что там, истина блеснула?
Или камешек белый? Что-то было.

Перевод Г. Кружкова

A HILLSIDE THAW

To think to know the country and not know
The hillside on the day the sun lets go
Ten million silver lizards out of snow!
As often as I've seen it done before
I can't pretend to tell the way it's done.
It looks as if some magic of the sun
Lifted the rug that bred them on the floor
And the light breaking on them made them run.
But if I thought to stop the wet stampede,
And caught one silver lizard by the tail,
And put my foot on one without avail,
And threw myself wet-elbowed and wet-kneed
In front of twenty others' wriggling speed,—
In the confusion of them all aglitter,
And birds that joined in the excited fun
By doubling and redoubling song and twitter,
I have no doubt I'd end by holding none.

It takes the moon for this. The sun's a wizard
By all I tell; but so's the moon a witch.
From the high west she makes a gentle cast
And suddenly, without a jerk or twitch,
She has her spell on every single lizard.
I fancied when I looked at six o'clock
The swarm still ran and scuttled just as fast.
The moon was waiting for her chill effect.
I looked at nine: the swarm was turned to rock
In every lifelike posture of the swarm,
Transfixed on mountain slopes almost erect.
Across each other and side by side they lay.
The spell that so could hold them as they were
Was wrought through trees without a breath of storm
To make a leaf, if there had been one, stir.
It was the moon's: she held them until day,
One lizard at the end of every ray.
The thought of my attempting such a stay!

ОТТЕПЕЛЬ НА ХОЛМЕ

Неузнаваем снежный скат холма,
Когда миллионы серебристых змеек
Внезапно выскользнут из всех лазеек,—
Такая тут начнется кутерьма!
Нет, это выше моего ума—
Понять, как происходит это чудо;
Как будто солнце сдернуло с земли
Сопревший старый коврик—и оттуда
Сверкающие змейки поползли,
От света удирая врассыпную!
Но если б я решил переловить
Их мокрый выводок или схватить
За юркий хвостик ту или иную
И если б я полез напропалую
В их гущу, в суматоху ярких брызг—
Под дружный птичий гомон, смех и писк,—
Клянусь, все это было бы впустую!

Для этого нужна луна. Точней,
Морозящие чары полнолуныя.
Ведь если солнце—главный чародей,
То и луна, конечно же, колдунья.
(И, кстати, заклинательница змей!)
В седьмом часу, когда она всходила,
Загадочно мерцая и блестя,
На склоне суета еще царила.
Но поглядел я три часа спустя:
Вся масса змеек на бегу застыла
В причудливом оцепененье поз,
Повисла перепутанным каскадом.
Луна сквозь ветви голые берез
Их обвораживала цепким взглядом.
Куда девалась быстрота и прыть!
Теперь они во власти чародейки.
Всю ночь она их будет сторожить—
На каждом кончике луча по змейке.
...Вот если бы и мне так ворожить!

Перевод Г. Кружкова

LOOKING FOR A SUNSET BIRD
IN WINTER

The west was getting out of gold,
The breath of air had died of cold,
When shoeing home across the white,
I thought I saw a bird alight.

In summer when I passed the place
I had to stop and lift my face;
A bird with an angelic gift
Was singing in it sweet and swift.

No bird was singing in it now.
A single leaf was on a bough,
And that was all there was to see
In going twice around the tree.

From my advantage on a hill
I judged that such a crystal chill
Was only adding frost to snow
As gilt to gold that wouldn't show.

A brush had left a crooked stroke
Of what was either cloud or smoke
From north to south across the blue;
A piercing little star was through.

GOOD-BY AND KEEP COLD

This saying good-by on the edge of the dark
And the cold to an orchard so young in the bark
Reminds me of all that can happen to harm
An orchard away at the end of the farm
All winter, cut off by a hill from the house.
I don't want it girdled by rabbit and mouse,
I don't want it dreamily nibbled for browse
By deer, and I don't want it budded by grouse.

ВСПОМИНАЯ ЗИМОЙ
ПТИЦУ, ПЕВШУЮ НА ЗАКАТЕ

День угасал в морозном блеске.
Я шел домой – и в перелеске,
Где стыла голая ветла,
Почудился мне взмах крыла.

Как часто, проходя здесь летом,
Я замирал на месте этом:
Какой-то райский голосок
Звенел мне, нежен и высок.

А ныне все вокруг молчало,
Лишь ветром бурый лист качало.
Два раза обошел я куст,
Но был он безнадежно пуст.

С холма в дали искристо-синей
Я видел, как садился иней
На снег – но он старался зря,
Серебряное серебра.

По небу длинную грядую
Тянулось облако седое,
Пророча тьму и холода.
Мигнула и зажглась звезда.

Перевод Г. Кружкова

ЗАСТЫНЬ ДО ВЕСНЫ

Прощай до весны, неокрепший мой сад!
Недобрые нам времена предстоят:
Разлука и стужа, ненастье и тьма.
Всю долгую зиму за гребнем холма
Один-одинешенек ты прстоишь.
И я не хочу, чтобы кролик и мышь
Обгрызли кору твою возле корней,
А лось – молодые побеги ветвей,
Чтоб тетерев почки клевать прилетал.

(If certain it wouldn't be idle to call
I'd summon grouse, rabbit, and deer to the wall
And warn them away with a stick for a gun.)
I don't want it stirred by the heat of the sun.
(We made it secure against being, I hope,
By setting it out on a northerly slope.)
No orchard's the worse for the wintriest storm;
But one thing about it, it mustn't get warm.
'How often already you've had to be told,
Keep cold, young orchard. Good-by and keep cold.
Dread fifty above more than fifty below.'
I have to be gone for a season or so.
My business awhile is with different trees,
Less carefully nurtured, less fruitful than these,
And such as is done to their wood with an ax—
Maples and birches and tamaracks.
I wish I could promise to lie in the night
And think of an orchard's arboreal plight
When slowly (and nobody comes with a light)
Its heart sinks lower under the sod.
But something has to be left to God.

OUR SINGING STRENGTH

It snowed in spring on earth so dry and warm
The flakes could find no landing place to form.
Hordes spent themselves to make it wet and cold,
And still they failed of any lasting hold.
They made no white impression on the black.
They disappeared as if earth sent them back.
Not till from separate flakes they changed at night
To almost strips and tapes of ragged white
Did grass and garden ground confess it snowed,
And all go back to winter but the road.
Next day the scene was piled and puffed and dead.
The grass lay flattened under one great tread.
Borne down until the end almost took root,
The rangy bough anticipated fruit
With snowballs cupped in every opening bud.

(Уж я бы их всех разогнал-распугал,
Я палкой бы им пригрозил, как ружьем!)
И я не хочу, чтоб случайным теплом
Ты мог обмануться в январские дни.
(Поэтому ты и посажен в тени,
На северном склоне.) И помни всегда,
Что оттепель пагубней, чем холода;
А буйные вьюги садам не страшны.
Прощай же! Стерпи—и застынь до весны.
А мне недосуг дожидаться тепла.
Другие меня призывают дела—
От нежных твоих плодоносных стволов
К сухой древесине берез и дубов,
К зубастой пиле, к ремеслу топора.
Весной я вернусь. А теперь мне пора.
О, если б я мог тебе, сад мой, помочь
В ту темную, в ту бесконечную ночь,
Когда, онемев и почти не дыша,
Все глубже под землю уходит душа—
В своей одинокой, безмолвной борьбе...
Но что-то ведь нужно доверить Судьбе.

Перевод Г. Кружкова

НАША ПЕВЧЕСКАЯ МОЩЬ

Вдруг снег весной на землю повалил,
Но белый таял в тот же миг настил,
И орды хлопьев гибли, охладить
Не в силах землю, пологом накрыть.
Не принимала белое земля,
Как бы назад лететь ему веля.
И лишь когда сплошную пеленой
Стал этот полог рвущийся, сквозной,
Устраивающийся на ночлег,
Кроме дороги, все признали снег.
Наутро, ни жива и ни мертва,
Под покрывалом корчилась трава,
Клонились ветви яблонь с высоты,
Как будто гнули их к земле плоды,
На каждой почке белый шарик styl.

The road alone maintained itself in mud,
Whatever its secret was of greater heat
From inward fires or brush of passing feet.

In spring more mortal singers than belong
To any one place cover us with song.
Thrush, bluebird, blackbird, sparrow, and robin throng;
Some to go further north to Hudson's Bay,
Some that have come too far north back away,
Really a very few to build and stay.
Now was seen how these liked belated snow.
The fields had nowhere left for them to go;
They'd soon exhausted all there was in flying;
The trees they'd had enough of with once trying
And setting off their heavy powder load.
They could find nothing open but the road.
So there they let their lives be narrowed in
By thousands the bad weather made akin.
The road became a channel running flocks
Of glossy birds like ripples over rocks.
I drove them under foot in bits of flight
That kept the ground, almost disputing right
Of way with me from apathy of wing,
A talking twitter all they had to sing.
A few I must have driven to despair
Made quick asides, but having done in air
A whirl among white branches great and small
As in some too much carven marble hall
Where one false wing beat would have brought down all,
Came tamely back in front of me, the Drover,
To suffer the same driven nightmare over.
One such storm in a lifetime couldn't teach them
That back behind pursuit it couldn't reach them;
None flew behind me to be left alone.

Well, something for a snowstorm to have shown
The country's singing strength thus brought together,
That though repressed and moody with the weather
Was none the less there ready to be freed
And sing the wildflowers up from root and seed.

Одной дороги неизменен был
Вид, словно в ней укрытое тепло
Ее хранило, холоду назло.

Весной на нас обрушивает песнь
Пернатых тварей сонм приبلудный весь,
Скворцы, дрозды, синицы – всех не счесть;
Кто за Гудзон путь держит, кто назад,
На юг вернется, холоду не рад,
Остаться здесь не многие хотят.
И я увидел, как они в снегу
Метались, словно в замкнутом кругу;
Летать – устанешь; некуда в полях
Податься белых; снега на ветвях
Так много – тяжесть снежная страшна.
Дорога лишь осталась им одна.
Скопившихся на ней, едва живых,
Ненастье как бы породнило их.
Дорога, в пестрых маленьких телах,
Переливалась, как ручей в горах.
Я шел, гоня их яркую толпу;
Как бы оспаривая на ходьбу
Мои права, они передо мной
Текли, подняв свой щебет речевой.
Две-три из них, в отчаянье взлетев,
Среди ветвей заснеженных дерев.
Круг описав, как в зале, что набит
Скульптурой, мрамор бел и глянцевит,
Один неловкий взмах – и все летит, –
Передо мной, гонителем, опять
Садись, чтоб гоненье испытать.
И ни одна не спряталась за мной:
Где им понять, что только за спиной
Погони – их спасенье от меня?

Все ж этот снег собрал средь бела дня
Всю певческую мощь страны моей,
Пусть мрак ее расстроил – тем скорей
Она ожить готова, тьму поправ,
И песней вызвать рост цветов и трав.

Перевод А. Кушнера

THE CENSUS-TAKER

I came an errand one cloud-blowing evening
To a slab-built, black-paper-covered house
Of one room and one window and one door,
The only dwelling in a waste cui over
A hundred square miles round it in the mountains:
And that not dwelt in now by men or women.
(It never had been dwelt in, though, by women,
So what is this I make a sorrow of?)
I came as census-taker to the waste
To count the people in it and found none,
None in the hundred miles, none in the house,
Where I came last with some hope, but not much
After hours' overlooking from the cliffs
An emptiness flayed to the very stone.
I found no people that dared show themselves,
None not in hiding from the outward eye.
The time was autumn, but how anyone
Could tell the time of year when every tree
That could have dropped a leaf was down itself
And nothing but the stump of it was left
Now bringing out its rings in sugar of pitch;
And every tree up stood a rotting trunk
Without a single leaf to spend on autumn,
Or branch to whistle after what was spent.
Perhaps the wind the more without the help
Of breathing trees said something of the time
Of year or day the way it swung a door
Forever off the latch, as if rude men
Passed in and slammed it shut each one behind him
For the next one to open for himself.
I counted nine I had no right to count
(But this was dreamy unofficial counting)
Before I made the tenth across the threshold.
Where was my supper? Where was anyone's?
No lamp was lit. Nothing was on the table.
The stove was cold—the stove was off the chimney—
And down by one side where it lacked a leg.
The people that had loudly passed the door
Were people to the ear but not the eye.
They were not on the table with their elbows.

ПЕРЕПИСЬ

Был хмурый вечер, я пришел к лачуге
Из горбыля, покрытой сверху толем.
В одно оконце и с одною дверью,
Она была единственным жилищем
На всю эту безлюдную округу.
Но дом был пуст – ни женщин, ни мужчин.
(А впрочем, женщин, это сразу видно,
Здесь сроду никогда и не бывало.)
Я шел сюда людей переписать,
А здесь на сотни миль ни человека,
И никого нет в доме, на который
Я несколько часов глядел с надеждой,
Хотя и небольшой, пока спускался
По узкой тропке с горного хребта,
Не встретив никого, кто бы решился
Зайти в эти безлюдные места.
Стояла осень, только догадаться
Об этом было трудно. Листопада
Здесь не бывает, ибо нет деревьев,
Лишь пни торчат – на них сквозь плотный слой
Смолы темнеют годовые кольца –
Да сухостой: ни листьев, чтоб опасть,
Ни веток, что стонали б об утрате.
Уж не затем ли, чтобы время года
И время дня без помощи деревьев
Считать, затеял ветер хлопать дверью?
(Как будто кто-то грубый, в дом войдя,
Захлопнет с силой дверь, за ним вослед
Придет другой, и снова дернет дверь,
И вновь ее захлопнет за собою.)
Я насчитал девятерых (хотя
В свой список занести их и не мог).
Десятым на порог вошел я сам.
Где ужин мой? Где ужин остальных?
Свет не горит. Стол не накрыт для гостя.
Печь холодна, к тому же без трубы
И на сторону сильно покосилась.
Мужчин же, дверью грохотавших, я,
Хоть ясно слышал, в доме не увидел.
Они не упирались в стол локтями,

They were not sleeping in the shelves of bunks.
I saw no men there and no bones of men there.
I armed myself against such bones as might be
With the pitch-blackened stub of an ax-handle
I picked up off the straw-dust covered floor.
Not bones, but the ill-fitted window rattled.
The door was still because I held it shut
While I thought what to do that could be done--
About the house--about the people not there.
This house in one year fallen to decay
Filled me with no less sorrow than the houses
Fallen to ruin in ten thousand years
Where Asia wedges Africa from Europe.
Nothing was left to do that I could see
Unless to find that there was no one there
And declare to the cliffs too far for echo,
'The place is desert and let whoso lurks
In silence, if in this he is aggrieved,
Break silence now or be forever silent.
Let him say why it should not be declared so.'
The melancholy of having to count souls
Where they grow fewer and fewer every year
Is extreme where they shrink to none at all.
It must be I want life to go on living.

THE GRINDSTONE

Having a wheel and four legs of its own
Has never availed the cumbersome grindstone
To get it anywhere that I can see.
These hands have helped it go, and even race;
Not all the motion, though, they ever lent,
Not all the miles it may have thought it went,
Have got it one step from the starting place.
It stands beside the same old apple tree.
The shadow of the apple tree is thin
Upon it now, its feet are fast in snow.
All other farm machinery's gone in,
And some of it on no more legs and wheel

Не спали на скамейках деревянных.
Все пусто. Ни жильцов, ни привидений.
И все же я на всякий случай с пола
Поднял обломок топорщица, ибо
Мне вдруг почудилось скрипение костей.
(Скрипело приоткрытое окно.)
Придерживая дверь, чтоб не стучала,
Я начал думать, что же делать с домом,
С людьми, которых в доме больше нет.
Пришедший за один лишь год в упадок,
Меня печалил он ничуть не меньше
Руин из тех ветхозаветных мест,
Где азиатский клинышек мешает
Соприкоснуться Африке с Европой.
Хотелось крикнуть, пусть здесь даже эхо
От скал далеких мне не отзовется:
«Пустеет край. И если впрямь скорбит
О людях Пребывающий в молчанье,
Пусть не молчит иль будет нем вовек.
Я должен был сказать ему об этом».
Как грустно пересчитывать людей
В краю, где их становится все меньше,
Тем более—когда их вовсе нет.
Я так хочу, чтоб жизнь тут продолжалась.

Перевод Б. Хлебникова

ТОЧИЛЬНЫЙ КРУГ

Хотя станок имел две пары ног,
Он сам прийти в движение не мог
Без помощи вот этой самой пары
Рук, запускавших круг. И он кружил.
Но несмотря на резвое круженье
И долгий путь в его воображенье,
Он оставался там же, где и был
Из года в год, под яблонею старой.
Точильный круг, терпевший передрагги
Осеннего ненастья, и в мороз
Стыл во дворе, поскольку бедолаге,
Заснеженному до шкивов и вала,

Than the grindstone can boast to stand or go.
(I'm thinking chiefly of the wheelbarrow.)
For months it hasn't known the taste of steel,
Washed down with rusty water in a tin.
But standing outdoors hungry, in the cold,
Except in towns at night, is not a sin.
And, anyway, its standing in the yard
Under a ruinous live apple tree
Has nothing any more to do with me.
Except that I remember how of old
One summer day, all day I drove it hard,
And someone mounted on it rode it hard,
And he and I between us ground a blade.

I gave it the preliminary spin,
And poured on water (tears it might have been),
And when it almost gaily jumped and flowed,
A Father-Time-like man got on and rode,
Armed with a scythe and spectacles that glowed.
He turned on will-power to increase the load
And slow me down—and I abruptly slowed,
Like coming to a sudden railroad station.
I changed from hand to hand in desperation.
I wondered what machine of ages gone
This represented an improvement on.
For all I knew it may have sharpened spears
And arrowheads itself. Much use for years
Had gradually worn it an oblate
Spheroid that kicked and struggled in its gait,
Appearing to return me hate for hate;
(But I forgive it now as easily
As any other boyhood enemy
Whose pride has failed to get him anywhere).
I wondered who it was the man thought ground—
The one who held the wheel back or the one
Who gave his life to keep it going round?
I wondered if he really thought it fair
For him to have the say when we were done.
Such were the bitter thoughts to which I turned.

Not for myself was I so much concerned.
Oh no!—although, of course, I could have found

Увы, в сарае места не нашлось.
(Там был верстак и тачка без колес.)
Станок изголодался по металлу,
Ему недоставало ржавой влаги.
И пусть его! Ведь голодать и стыть
Запрещено лишь в городе бродяге.
А впрочем, почему это я вдруг
Подумал о станке? Неужто вспомнил,
Как во дворе работал жарким полднем,
И потому припомнил, может быть,
Как я крутил тогда точильный круг
И рядом кто-то был, точильный круг
Крутивший в этот день со мною вместе?

Итак, я начал круг вертеть, водою
Смочив его (а может быть, слезою?).
Круг резво побежал, и тот, другой,
Блестя очками и своей железкой,
Ее, что было сил, прижал рукой
К поверхности мелкозернистой. Резко
Точильный круг свой бег затормозил,
Как поезд возле самого вокзала,
И сразу же руке труднее стало...
Я думал почему-то в тот момент,
Каким был в старину мой инструмент?
От долгого сражения с металлом
Сточился круг и сделался овалом,
Который запинается слегка
И стукнуть норовит исподтишка,
Как будто бьет заклятого врага.
(Но я ему прощаю это. Так
С годами после позабытых драк
Легко бывает детский враг прощен.)
Кто более искусен? Может быть,
Не тот, кто изобрел круговращенье,
А тот, кто круг умел остановить!
Но должен ли свои секреты он
Навязывать другому поколенью?
Об этом и была моя печаль.

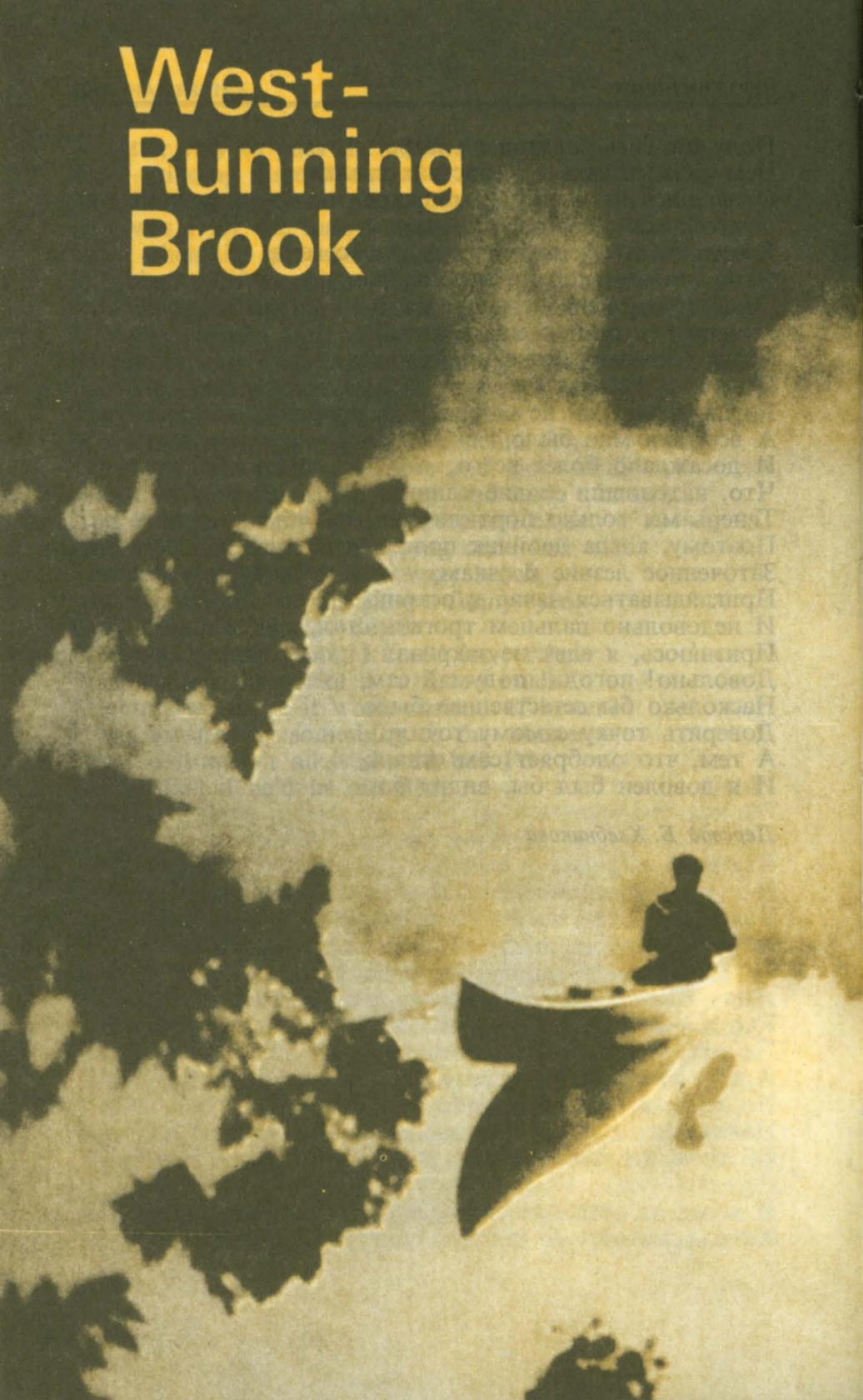
И вовсе не себя мне было жаль.
Хотя, конечно, что и говорить,

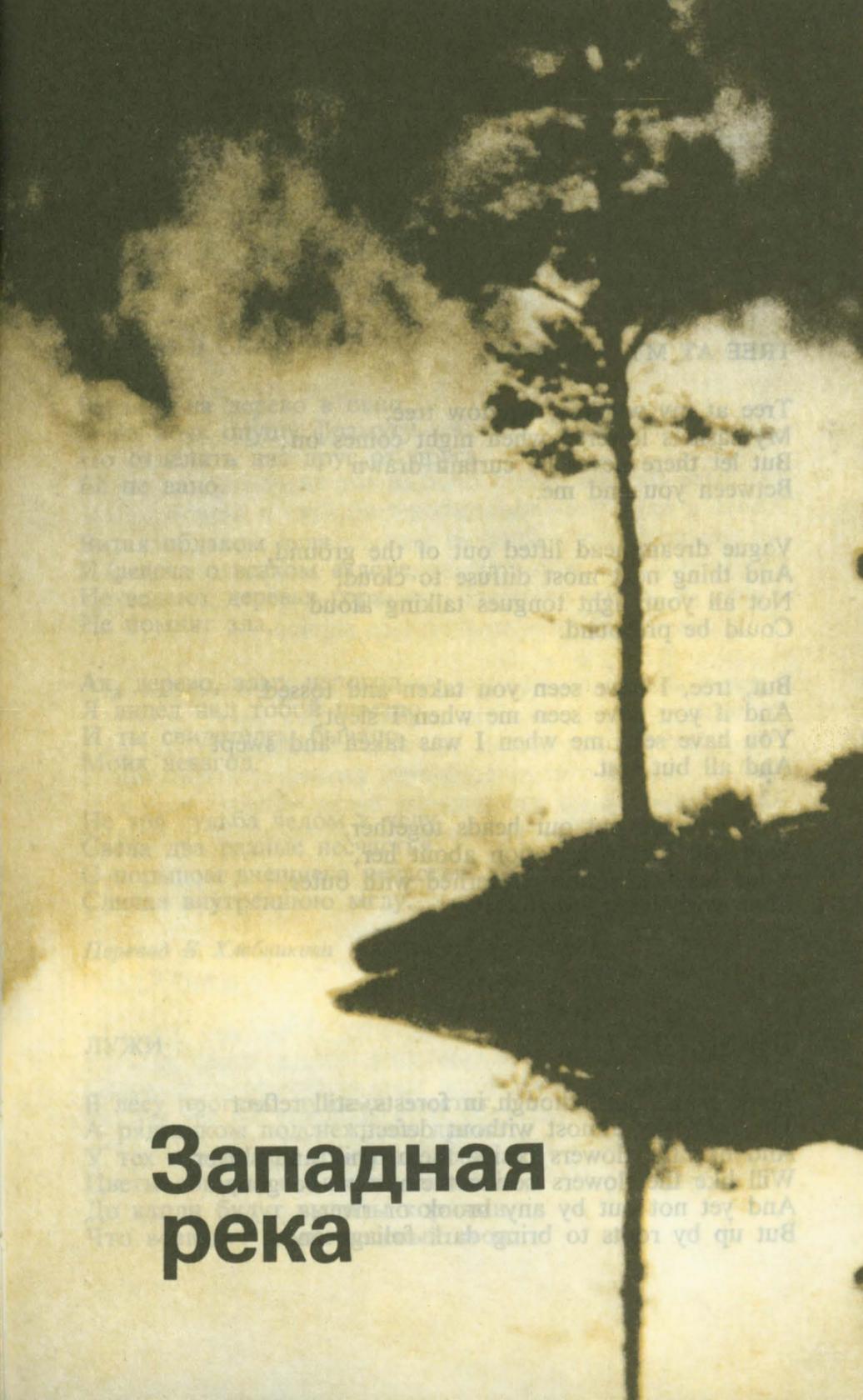
A better way to pass the afternoon
Than grinding discord out of a grindstone,
And beating insects at their gritty tune.
Nor was I for the man so much concerned.
Once when the grindstone almost jumped its bearing
It looked as if he might be badly thrown
And wounded on his blade. So far from caring,
I laughed inside, and only cranked the faster,
(It ran as if it wasn't greased but glued);
I'd welcome any moderate disaster
That might be calculated to postpone
What evidently nothing could conclude.
The thing that made me more and more afraid
Was that we'd ground it sharp and hadn't known.
And now were only wasting precious blade.
And when he raised it dripping once and tried
The creepy edge of it with wary touch,
And viewed it over his glasses funny-eyed,
Only disinterestedly to decide
It needed a turn more, I could have cried
Wasn't there danger of a turn too much?
Mightn't we make it worse instead of better?
I was for leaving something to the whetter.
What if it wasn't all it should be? I'd
Be satisfied if he'd be satisfied.

Получше есть заняться по жару,
Чем размышлять о таинствах станка,
Отдавшись на съеденье мошкаре.
А двойника тем более не жаль.
Когда же круг едва не спрыгнул с вала,
Чтоб лезвием поранить двойника,
То выходка меня не напугала,
И я пустил станок еще сильней.
(Круг тормозил, конечно, мне назло.)
Подобная беда, когда ты к ней
Готов, и впрямь не слишком велика.
А все-таки мне было тяжело,
И досаждало более всего,
Что, наточивши лезвие клинка,
Теперь мы только портили его.
Поэтому, когда двойник поднял
Заточенное лезвие к очкам,
Приглядываться начал к острию
И недовольно пальцем трогать стал,
Признаюсь, я едва не закричал:
Довольно! погоди! подумай сам,
Насколько бы естественнее было
Доверить точку самому точилу.
А тем, что одобряет сам станок,
И я доволен был бы, видит бог.

Перевод Б. Хлебникова

West- Running Brook

A dark silhouette of a tree, possibly a birch, stands against a light, textured background that resembles mist or smoke. The tree's trunk is thin and vertical, with a few branches extending upwards. The background is a mix of light and dark tones, creating a moody, atmospheric effect. The overall composition is simple and evocative.

Западная река

TREE AT MY WINDOW

Tree at my window, window tree,
My sash is lowered when night comes on;
But let there never be curtain drawn
Between you and me.

Vague dream-head lifted out of the ground,
And thing next most diffuse to cloud,
Not all your light tongues talking aloud
Could be profound.

But, tree, I have seen you taken and tossed,
And if you have seen me when I slept,
You have seen me when I was taken and swept
And all but lost.

That day she put our heads together,
Fate had her imagination about her,
Your head so much concerned with outer,
Mine with inner, weather.

SPRING POOLS

These pools that, though in forests, still reflect
The total sky almost without defect,
And like the flowers beside them, chill and shiver,
Will like the flowers beside them soon be gone,
And yet not out by any brook or river,
But up by roots to bring dark foliage on.

ДЕРЕВО В ОКНЕ

Взгляну на дерево в окно
И на ночь опущу фрамугу.
Но отделить нас друг от друга
Ей не дано.

Витая облаком чела
И лепеча о всяком вздоре,
Не ведают деревья горя,
Не помнят зла.

Ах, дерево, злых непогод
Я видел над тобой немало,
И ты свидетелем бывало
Моих невзгод.

Не зря судьба челом к челу
Свела два разные несчастья,
С порывом внешнего ненастья
Сличая внутреннюю мглу.

Перевод Б. Хлебникова

ЛУЖИ

В лесу прогалы лужами блестят,
А рядышком подснежники дрожат,
У тех и этих век измерен днями:
Цветы сойдут, и блески талых вод
До капли будут выпиты корнями,
Что возведут темно-зеленый свод.

The trees that have it in their pent-up buds
To darken nature and be summer woods—
Let them think twice before they use their powers
To blot out and drink up and sweep away
These flowery waters and these watery flowers
From snow that melted only yesterday.

THE FREEDOM OF THE MOON

I've tried the new moon tilted in the air
Above a hazy tree-and-farmhouse cluster
As you might try a jewel in your hair.
I've tried it fine with little breadth of luster,
Alone, or in one ornament combining
With one first-water star almost as shining.

I put it shining anywhere I please.
By walking slowly on some evening later,
I've pulled it from a crate of crooked trees,
And brought it over glossy water, greater,
And dropped it in, and seen the image wallow,
The color run, all sorts of wonder follow.

FIREFLIES IN THE GARDEN

Here come real stars to fill the upper skies,
And here on earth come emulating flies,
That though they never equal stars in size,
(And they were never really stars at heart)
Achieve at times a very star-like start.
Only, of course, they can't sustain the part.

В набухших почках зреет темень крон,
Неумолим круговорот времен,
Круг замкнут, но покой ему неведом,
Поэтому пускай помедлит лес
Над мокрым стебельком и светлым следом
От снега, что вчера растаял здесь.

Перевод Б. Хлебникова

МЕСЯЦ

Я месяц примеряю к небесам
Над крышею и серебристым вязом,
Как ты, наверно, к темным волосам
Заколку примеряла бы с алмазом.
Я примеряю месяц молодой
То просто так, то в паре со звездой.

Как славно ясный месяц примерять,
Бродить, глядеть и тешиться игрою,
Над рощей укреплять и вновь снимать,
И приносить к ночной воде с собою,
И в пруд бросать, чтоб месяц плыл, качаясь,
И чудеса на свете не кончались.

Перевод Б. Хлебникова

СВЕТЛЯЧКИ

У звезд, что так ясны и высоки,
Есть на земле живые двойники –
Садовые ночные светляки.
Но как бы ни прилежен свет их был,
Да краток век и маловато сил,
Чтоб вторить блеску вечному светил.

Перевод Б. Хлебникова

ATMOSPHERE

Inscription for a garden wall

Winds blow the open grassy places bleak;
But where this old wall burns a sunny cheek,
They eddy over it too toppling weak
To blow the earth or anything self-clear;
Moisture and color and odor thicken here.
The hours of daylight gather atmosphere.

DEVOTION

The heart can think of no devotion
Greater than being shore to the ocean—
Holding the curve of one position,
Counting an endless repetition.

A MINOR BIRD

I have wished a bird would fly away,
And not sing by my house all day;

Have clapped my hands at him from the door
When it seemed as if I could bear no more.

The fault must partly have been in me.
The bird was not to blame for his key.

And of course there must be something wrong
In wanting to silence any song.

ОСОБЕННАЯ АТМОСФЕРА

(Надпись на садовой ограде)

На пустыре земля оголена.
А в двух шагах стоит обращена
К ветрам палящим старая стена.
За ней благоуханье и прохлада.

Так создает садовая ограда
Особенную атмосферу сада.

Перевод Б. Хлебникова

ПОСТОЯНСТВО

Да будет сердце постоянно,
Как будто берег океана,
Оставшийся самим собою
Средь вечных перемен прибоя.

Перевод Б. Хлебникова

ПИЧУГА

Унылый посвист в тишине
Весь день мешал работать мне,

И я, чтобы умолкнул он,
Спугнул пичугу от окон.

И устыдился: пусть убог
Был тот мотив и голосок,

Ни у кого, однако, нет
Прав налагать на них запрет.

Перевод Б. Хлебникова

THE BIRTHPLACE

Here further up the mountain slope
Than there was ever any hope,
My father built, enclosed a spring,
Strung chains of wall round everything,
Subdued the growth of earth to grass,
And brought our various lives to pass.
A dozen girls and boys we were.
The mountain seemed to like the stir,
And made of us a little while—
With always something in her smile.
Today she wouldn't know our name.
(No girl's, of course, has stayed the same.)
The mountain pushed us off her knees.
And now her lap is full of trees.

THE LAST MOWING

There's a place called Far-away Meadow
We never shall mow in again,
Or such is the talk at the farmhouse:
The meadow is finished with men.
Then now is the chance for the flowers
That can't stand mowers and plowers.
It must be now, though, in season
Before the not mowing brings trees on,
Before trees, seeing the opening,
March into a shadowy claim.
The trees are all I'm afraid of,
That flowers can't bloom in the shade of;
It's no more men I'm afraid of;
The meadow is done with the tame.
The place for the moment is ours.
For you, oh tumultuous flowers,
To go to waste and go wild in,
All shapes and colors of flowers,
I needn't call you by name.

РОДИНА

На склоне светлом и крутом
Отец себе поставил дом.
Забор вокруг соорудил,
Родник нашел и склон обжил.
Но главной из его затей
Явилась дюжина детей.
Горе была день изо дня
Забавна детская возня.
Гора сама была порой
Скорей ребенком, чем горой.
Теперь, наверное, она
Забыла наши имена.
И вырос темный лес взамен
Тех, кто сошел с ее колен.

Перевод Б. Хлебникова

ПОСЛЕДНИЙ ПОКОС

По слухам, на Дальнем лугу
Не станут косить в этот год,
И, может быть, больше никто
Туда никогда не пойдет.
А значит, косы уже там
Не надо бояться цветам.
Бояться ж им надо, чтоб лес,
Заметив просвет, не полез
На бывший покос и его
Не занял. Иначе беда
Цветам угрожает. Они
Зачахнут в холодной тени.
А люди уже не страшны.
Они не вернуться сюда.
Пока же весь луг отдан вам,
Неистовым, диким цветам,
И я вас не по именам—
По сочным и ярким цветам
Запомню теперь навсегда.

Перевод Б. Хлебникова

A PASSING GLIMPSE

I often see flowers from a passing car
That are gone before I can tell what they are.

I want to get out of the train and go back
To see what they were beside the track.

I name all the flowers I am sure they weren't:
Not fireweed loving where woods have burnt—

Not bluebells gracing a tunnel mouth—
Not lupine living on sand and drouth.

Was something brushed across my mind
That no one on earth will ever find?

Heaven gives its glimpses only to those
Not in position to look too close.

WHAT FIFTY SAID

When I was young my teachers were the old.
I gave up fire for form till I was cold.
I suffered like a metal being cast.
I went to school to age to learn the past.

Now I am old my teachers are the young.
What can't be molded must be cracked and sprung.
I strain at lessons fit to start a suture.
I go to school to youth to learn the future.

THE TIMES TABLE

More than halfway up the pass
Was a spring with a broken drinking glass,
And whether the farmer drank or not

МИМОЛЕТНОЕ

Как часто из вагонного окна
Я замечал цветы у полотна.

Я замечал, но поезд дальше мчал,
И я цветов почти не различал.

Я вспоминал цветы по именам,
Но был уверен, что остался там

Какой-то удивительный цветок,
Которого припомнить я не мог.

А вдруг цветы, увиденные мной,
Не видел никогда никто иной?

Прозрение лишь тем из нас дано,
Кому недолго видеть суждено.

Перевод Б. Хлебникова

ЧТО СКАЗАЛИ МОИ ПЯТЬДЕСЯТ

Учитель мой был стар, а я был мал.
В холодной форме огненный металл
Затвердевал. Меня учил старик,
Чтоб у него я прошлое постиг.

Теперь я стар, зато учитель молод.
На переплавку слиток мой расколот.
Учусь у юных. Я теперь у них
Грядущего прилежный ученик.

Перевод Б. Хлебникова

СЧЕТ ЖИЗНИ

На полпути был родничок.
Вблизи валялся черепок,
Которым возчик черпал воду,

His mare was sure to observe the spot
By cramping the wheel on a water-bar,
Turning her forehead with a star,
And straining her ribs for a monster sigh;
To which the farmer would make reply,
'A sigh for every so many breath,
And for every so many sigh a death.
That's what I always tell my wife
Is the multiplication table of life.'
The saying may be ever so true;
But it's just the kind of a thing that you
Nor I, nor nobody else may say,
Unless our purpose is doing harm,
And then I know of no better way
To close a road, abandon a farm,
Reduce the births of the human race,
And bring back nature in people's place.

THE THATCH

Out alone in the winter rain,
Intent on giving and taking pain.
But never was I far out of sight
Of a certain upper-window light.
The light was what it was all about:
I would not go in till the light went out,
It would not go out till I came in.
Well, we should see which one would win,
We should see which one would be first to yield.
The world was a black invisible field.
The rain by rights was snow for cold.
The wind was another layer of mold.
But the strangest thing: in the thick old thatch,
Where summer birds had been given hatch,
Had fed in chorus, and lived to fledge,
Some still were living in hermitage.

Пока его ждала подвода
И на хозяина уныло
Косилась старая кобыла.
А стоило когда-нибудь
Кобыле тяжело вздохнуть,
Как тот, который воду пил,
Ей непременно говорил:
«Смерть веку нашему ведет
По вздохам, дескать, свой подсчет,
И с новым вздохом каждый раз
Все ближе наш последний час».
Пусть поговорка и права,
Но я бы на ее слова,
Что все поминают смерть,
Такой бы наложил зарок,
Чтобы никто их больше впредь
Произнести уже не смог.
Да лучше пусть все сразу прахом
Идет, чем дни считать со страхом.

Перевод Б. Хлебникова

КРЫША

Я ночью бродил под холодным дождем,
С досадою глядя на собственный дом,
Где свет, не погашенный в верхнем окне,
Никак не давал успокоиться мне.
Ведь свет этот значил, что там меня ждут
И он не потухнет, покуда я тут.
А я не вернусь, пока лампа горит.
Ну что ж, поглядим, кто кого победит,
Посмотрим, идти на попятный кому...
Весь мир погрузился в кромешную тьму,
И ветер был тяжек, как пласт земляной,
И дождь холоднее крупы ледяной.
Но странно: под стрехами крыши моей,
Что летом служила для птичьих семей
Приютом и школою летных наук,
Еще оставалось немало пичуг,

And as I passed along the eaves,
So low I brushed the straw with my sleeves,
I flushed birds out of hole after hole,
Into the darkness. It grieved my soul,
It started a grief within a grief,
To think their case was beyond relief—
They could not go flying about in search
Of their nest again, nor find a perch.
They must brood where they fell in mulch and mire,
Trusting feathers and inward fire
Till daylight made it safe for a flyer.
My greater grief was by so much reduced
As I thought of them without nest or roost.
That was how that grief started to melt.
They tell me the cottage where we dwelt,
Its wind-torn thatch goes now unmended;
Its life of hundreds of years has ended
By letting the rain I knew outdoors
In on to the upper chamber floors.

RIDERS

The surest thing there is is we are riders,
And though none too successful at it, guiders,
Through everything presented, land and tide
And now the very air, of what we ride.

What is this talked-of mystery of birth
But being mounted bareback on the earth?
We can just see the infant up astride,
His small fist buried in the bushy hide.

There is our wildest mount—a headless horse.
But though it runs unbridled off its course,
And all our blandishments would seem defied,
We have ideas yet that we haven't tried.

И я, зацепив за приземистый скат,
Спугнул их невольно и сам был не рад.
А птицы взлетали одна за другой
Во тьму, и меня обожгло их бедой.
Обида моя хоть была тяжела,
Да птичья беда тяжелее была:
Ведь им на ночлег не вернуться сюда,
Во мгле не найти обжитого гнезда,
Сухого дупла иль мышьиной норы,
И греть будет птаху до самой зари
Лишь искра, что теплится слабо внутри.
Мне стало их жалко, и не оттого ль
В душе вдруг утихли обида и боль,
Я вспомнил, что кровля на доме моем
Потрепана ветром, побита дождем,
Подумал, что крыше починка нужна,
Поскольку совсем прохудилась она,
И капли, наверно, ползут по стене
В каморке, где лампа не гаснет в окне.

Перевод Б. Хлебникова

ЕЗДОКИ

На суше, на воде или, к примеру,
Поднявшемуся ныне в стратосферу
Приходится по участи своей
Быть ездоком любому из людей.

Все «таинство рождения» – лишь в том,
Что нас сажают без седла верхом,
И мы летим по жизни, с первых дней
Вцепившись в гривы бешеных коней.

Действительно упрямы и сильны
И непослушны наши скакуны,
А все-таки судьба нас не сильнее,
Пока не все испробовано в ней.

Перевод Б. Хлебникова

A WINTER EDEN

A winter garden in an alder swamp,
Where conies now come out to sun and romp,
As near a paradise as it can be
And not melt snow or start a dormant tree.

It lifts existence on a plane of snow
One level higher than the earth below,
One level nearer heaven overhead,
And last year's berries shining scarlet red.

It lifts a gaunt luxuriating beast
Where he can stretch and hold his highest feast
On some wild apple tree's young tender bark,
What well may prove the year's high girdle mark.

So near to paradise all pairing ends:
Here loveless birds now flock as winter friends,
Content with bud-inspecting. They presume
To say which buds are leaf and which are bloom.

A feather-hammer gives a double knock.
This Eden day is done at two o'clock.
An hour of winter day might seem too short
To make it worth life's while to wake and sport.

ACQUAINTED WITH THE NIGHT

I have been one acquainted with the night.
I have walked out in rain—and back in rain.
I have outwalked the furthest city light.

I have looked down the saddest city lane.
I have passed by the watchman on his beat
And dropped my eyes, unwilling to explain.

I have stood still and stopped the sound of feet
When far away an interrupted cry
Came over houses from another street,

ЗИМНИЙ РАЙ

Ольшаник превратился в зимний сад,
Где деревья на солнцепеке спят.
Сюда сбежались зайцы, будто зная,
Что не бывает места ближе к раю.

И впрямь юдоль земную снежный слой
Приподнял над застывшею землей –
Вверх на ступеньку к синей вышине
И прошлогодней красной бузине.

Возвысил зверя снег, чтобы теперь
Отведал редких яств голодный зверь.
Верхушки яблонь заячий резец
Обвел подобьем годовых колец.

А птицам среди райской красоты
И вовсе не до брачной суеты.
Они спокойно изучают почки,
Гадая, где цветы, а где листочки.

Но в два часа померкнет рай земной.
Настолько мимолетна жизнь зимой,
Что и не знаешь, стоит ли она
Того, чтоб пробуждаться ото сна.

Перевод Б. Хлебникова

С НОЧЬЮ Я ЗНАКОМ

Да, с ночью я воистину знаком.
Я под дождем из города ушел,
Оставив позади последний дом.

Навстречу мне в потемках сторож брел.
Чтоб ничего не объяснять ему,
Я взгляд нарочно в сторону отвел.

Внезапно, сам не знаю почему,
Мне показалось, будто мне кричат
Из города. Я вслушался во тьму.

But not to call me back or say good-by;
And further still at an unearthly height,
One luminary clock against the sky

Proclaimed the time was neither wrong nor right.
I have been one acquainted with the night.

SAND DUNES

Sea waves are green and wet,
But up from where they die,
Rise others vaster yet,
And those are brown and dry.

They are the sea made land
To come at the fisher town,
And bury in solid sand
The men she could not drown.

She may know cove and cape,
But she does not know mankind
If by any change of shape,
She hopes to cut off mind.

Men left her a ship to sink:
They can leave her a hut as well;
And be but more free to think
For the one more cast-off shell.

THE FLOWER BOAT

The fisherman's swapping a yarn for a yarn
Under the hand of the village barber,
And here in the angle of house and barn
His deep-sea dory has found a harbor.

Но нет, никто не звал меня назад.
Зато вверху расплывчатым пятном
Небесный засветился циферблат –

Ни зол, ни добр в мерцании своем.
Да, с ночью я воистину знаком.

Перевод Б. Хлебникова

ДЮНЫ

Морская волна зелена.
Но там, где стихает прибой,
Восходит иная волна
Песчаною желтой горой.

То море на сушу пошло
Дома засыпать у людей,
Которых оно не смогло
Оставить в пучине своей.

Но как ни коварно оно,
Однако и сам человек
Таков, что душой все равно
Ему не поддастся вовек.

Он морю пожертвует шлюп
И даже лачугу, бог с ней.
Чем меньше у сердца скорлуп,
Тем жить человеку вольней.

Перевод Б. Хлебникова

ЛОДКА С ЦВЕТАМИ

Судачит старик про житье да бытье,
В цирюльню зайдя поболтать со знакомым.
Рыбацкая лодка, отплавав свое,
Цветочною клумбою стала за домом.

At anchor she rides the sunny sod
As full to the gunnel of flowers growing
As ever she turned her home with cod
From George's bank when winds were blowing.

And I judge from that Elysian freight
That all they ask is rougher weather,
And dory and master will sail by fate
To seek for the Happy Isles together.

THE ARMFUL

For every parcel I stoop down to seize,
I lose some other off my arms and knees,
And the whole pile is slipping, bottles, buns,
Extremes too hard to comprehend at once,
Yet nothing I should care to leave behind.
With all I have to hold with, hand and mind
And heart, if need be, I will do my best
To keep their building balanced at my breast.
I crouch down to prevent them as they fall;
Then sit down in the middle of them all.
I had to drop the armful in the road
And try to stack them in a better load.

THE DOOR IN THE DARK

In going from room to room in the dark,
I reached out blindly to save my face,
But neglected, however lightly, to lace
My fingers and close my arms in an arc.
A slim door got in past my guard,
And hit me a blow in the head so hard
I had my native simile jarred.
So people and things don't pair any more
With what they used to pair with before.

Теперь эта лодка цветами полна.
А блики плывут по траве, будто снова
Домой, как и прежде, неспешно она
С богатой добычей идет после лова.

Ах, груз элизийский! Когда-нибудь так
И будет, наверно, как оба мечтали:
Рыбацкая лодка и старый рыбак
Отправятся снова в далекие дали.

Перевод Б. Хлебникова

НОША

Пустяк порою выпадет из рук.
Нагнешься подобрать его, и вдруг
Нечаянно упавшему вослед
Вниз полетит еще один предмет,
И поползет тихонько ноша, вся
Из рук твоих рассыпаться грозя,
Поскольку она слишком тяжела
И слишком велика тебе была.
Тогда, прижав ее к своей груди,
Растерянно ты сядешь посреди
Своей дороги, чтоб потом опять
Все подобрать и заново поднять.

Перевод Б. Хлебникова

ДВЕРЬ ВО ТЬМЕ

На ощупь я ночью по дому прошел,
Ловя, как слепой, еле слышные звуки,
Я шел осторожно, но, видимо, руки
Пошире, чем надо, при этом развел,
Не видя, что дверь приоткрыта, впотьмах,
И дверь между рук прямо в лоб мне — шарах! —
Да так, что едва устоял на ногах!
Должно быть, и правда привычная связь
Людей и вещей в наши дни пресеклась.

Перевод Б. Хлебникова

ACCEPTANCE

When the spent sun throws up its rays on cloud
 And goes down burning into the gulf below,
 No voice in nature is heard to cry aloud
 At what has happened. Birds, at least, must know
 It is the change to darkness in the sky.
 Murmuring something quiet in her breast,
 One bird begins to close a faded eye;
 Or overtaken too far from his nest,
 Hurrying low above the grove, some waif
 Swoops just in time to his remembered tree.
 At most he thinks or twitters softly, 'Safe!
 Now let the night be dark for all of me.
 Let the night be too dark for me to see
 Into the future. Let what will be, be.'

WEST-RUNNING BROOK

'Fred, where is north?'

'North? North is there, my love.
 The brook runs west.'

'West-running Brook then call it.'
 (West-running Brook men call it to this day.)
 'What does it think it's doing running west
 When all the other country brooks flow east
 To reach the ocean? It must be the brook
 Can trust itself to go by contraries
 The way I can with you—and you with me—
 Because we're—we're—In don't know what we are.
 What are we?'

'Young or new?'

'We must be something.
 We've said we two. Let's change that to we three.
 As you and I are married to each other,

СМИРЕНИЕ

Светило меркнет, близится тот миг,
Когда закат уйдет на дно залива,
Однако ни единый птичий крик
На это не посетует тоскливо,
И как всегда, так и на этот раз,
Безмолвная средь темного безмолвья,
Смежит пичуга веки тусклых глаз
Или, вдали от своего гнездовья
Застигнутая сумраком, она
На ветку прынет, тут же страх забудет
И лишь шепнет тихонько: «Спасена!
И сколько теперь мрака не прибудет,
День все равно наступит и рассудит,
Чему случиться завтра. Будь, что будет!»

Перевод Б. Хлебникова

ЗАПАДНАЯ РЕКА

«Фред, где тут север?»

«Там, любовь моя!

Река течет на запад».

«Назовем

Ее за это Западной рекою.

(Она так и зовется до сих пор.)

Но почему она течет на запад?

Ведь здесь текут все реки на восток,

Там океан! Наверное, у нашей

Такой уж нрав – идти наперекор.

А впрочем, мы и сами, Фред, такие...

Такие, ну...»

«Упрямые?»

«Пожалуй.

Теперь же нас, упрямых, станет трое,

Как будто с нею мы одна семья.

We'll both be married to the brook. We'll build
 Our bridge across it, and the bridge shall be
 Our arm thrown over it asleep beside it.
 Look, look, it's waving to us with a wave
 To let us know it hears me.'

'Why, my dear,
 That wave's been standing off this jut of shore—'
 (The black stream, catching on a sunken rock,
 Flung backward on itself in one white wave,
 And the white water rode the black forever,
 Not gaining but not losing, like a bird
 White feathers from the struggle of whose breast
 Flecked the dark stream and flecked the darker pool
 Below the point, and were at last driven wrinkled
 In a white scarf against the far shore alders.)
 'That wave's been standing off this jut of shore
 Ever since rivers, I was going to say,
 Were made in heaven. It wasn't waved to us.'

'It wasn't, yet it was. If not to you
 It was to me—in an annunciation.'

'Oh, if you take it off to lady-land,
 As't were the country of the Amazons
 We men must see you to the confines of
 And leave you there, ourselves forbid to enter,—
 It is your brook! I have no more to say.'

'Yes, you have, too. Go on. You thought of something.'

'Speaking of contraries, see how the brook
 In that white wave runs counter to itself.
 It is from that in water we were from
 Long, long before we were from any creature.
 Here we, in our impatience of the steps,
 Get back to the beginning of beginnings,
 The stream of everything that runs away.
 Some say existence like a Pirouot
 And Pirouette, forever in one place,
 Stands still and dances, but it runs away,
 It seriously, sadly, runs away
 To fill the abyss' void with emptiness.

Когда-нибудь мы здесь построим мост,
Который будет реку обнимать
Своей рукой, как ты меня ночами...
Гляди, она махнула нам волной,
Чтобы сказать, что слышит нас».

«Да нет,

В том месте просто пенится бурун.
(Когда речная темная вода
Доходит до большого валуна,
То начинает пениться бурун;
Он кружится на месте, будто в воду
Упали выдранные птичьи перья;
Потом уносит темная струя
Их белый крап, чтобы вокруг ольхи
Затопленной обвить пуховым шарфом.)
Бурун же там, наверное, с тех пор,
Как с неба потекли на землю реки,
Так что, увы, волною нам не машут».

«Нет, машут. Не тебе, так, значит, мне,
И взмах, наверняка, был добрым знаком».

«Что ж, если ты сумела превратить
Окрестность эту в царство амазонок,
Чьи земли недоступны для мужчин,
Тогда считай, что и меня здесь нет.
Река твоя! Мне нечего сказать».

«Нет, говори! Ты что-то ведь придумал...»

«Мне в голову пришло, что человек
Произошел от пенистой волны,
Восставшей против общего потока,
Потом уж только от мохнатых предков.
Отсюда и упрямство человека,
Отсюда человеческая тяга
Извечная – к истоку всех начал.
Порою говорят, что бытие
Похоже на беспечный хоровод.
А бытие, как это ни прискорбно,
Уходит прочь безудержным потоком
И изливается в пустую бездну.

It flows beside us in this water brook,
But it flows over us. It flows between us
To separate us for a panic moment.
It flows between us, over us, and *with* us.
And it is time, strength, tone, light, life, and love—
And even substance lapsing unsubstantial;
The universal cataract of death
That spends to nothingness—and unresisted,
Save by some strange resistance in itself,
Not just a swerving, but a throwing back,
As if regret were in it and were sacred.
It has this throwing backward on itself
So that the fall of most of it is always
Raising a little, sending up a little.
Our life runs down in sending up the clock.
The brook runs down in sending up our life.
The sun runs down in sending up the brook.
And there is something sending up the sun.
It is this backward motion toward the source,
Against the stream, that most we see ourselves in,
The tribute of the current to the source.
It is from this in nature we are from.
It is most us.'

 'Today will be the day
You said so.'

 'No, today will be the day
You said the brook was called West-running Brook.'

'Today will be the day of what we both said.'

THE BEAR

The bear puts both arms around the tree above her
And draws it down as if it were a lover
And its choke cherries lips to kiss good-by,
Then lets it snap back upright in the sky.
Her next step rocks a boulder on the wall
(She's making her cross-country in the fall).

Сейчас оно течет в речной струе,
Иль в небесах, иль между нас, и этим
Нас разлучает в жуткую минуту.
Над нами, между нами или *в нас...*
Все преходяще: время, жизнь, любовь.
Материи и той не устоять
Перед всеобщим этим низверженьем
В смертельное зияние. Однако
В самом потоке есть противоток,
Возвратное движение к истоку.
Вот где сокрыта тайна наших тайн.
В потоке неизменно есть избыток,
Благодаря которому течение
Как бы восходит над самим собой.
Уходит век – приходит век иной,
Заходит солнце – плещут родники
И снова посылают солнце в небо.
В любом потоке есть противоток,
Струющийся наперекор теченью,
И это дань истоку своему.
Вот от чего мы все произошли.
Вот – наша суть».

«Ты прав. И этот день
Да будет днем твоим».

«Нет, этот день
Да будет днем крещения реки».

«Да будет он днем нашего согласия».

Перевод Б. Хлебникова

МЕДВЕДЬ

Губами к листьям тянется медведица,
Как бы целуя молодое деревце,
Но гибкий ствол, пригнутый ею вниз,
Как хлыстик шелкнув, улетает ввысь.
Медведица уходит. Тяжкий вес
Ее походки содрогает лес.

Her great weight creaks the barbed-wire in its staples
As she flings over and off down through the maples,
Leaving on one wire tooth a lock of hair.
Such is the uncaged progress of the bear.
The world has room to make a bear feel free;
The universe seems cramped to you and me.
Man acts more like the poor bear in a cage
That all day fights a nervous inward rage,
His mood rejecting all his mind suggests.
He paces back and forth and never rests
The toe-nail click and shuffle of his feet,
The telescope at one end of his beat,
And at the other end the microscope,
Two instruments of nearly equal hope,
And in conjunction giving quite a spread.
Or if he rests from scientific tread,
'Tis only to sit back and sway his head
Through ninety odd degrees of arc, it seems,
Between two metaphysical extremes.
He sits back on his fundamental butt
With lifted snout and eyes (if any) shut,
(He almost looks religious but he's not),
And back and forth he sways from cheek to cheek,
At one extreme agreeing with one Greek,
At the other agreeing with another Greek
Which may be thought, but only so to speak.
A baggy figure, equally pathetic
When sedentary and when peripatetic.

THE EGG AND THE MACHINE

He gave the solid rail a hateful kick.
From far away there came an answering tick
And then another tick. He knew the code:
His hate had roused an engine up the road.
He wished when he had had the track alone
He had attacked it with a club or stone
And bent some rail wide open like a switch
So as to wreck the engine in the ditch.

За нею лишь пролом остался сзади
В ей помешавшей фермерской ограде
Да вырванный из бурой шерсти клочок.
У зверя есть пространство, где б он мог
Считать себя свободным. Мне ж порой
Все мирозданье кажется тюрьмой,
И чувствую себя я, будто в клеть
Охотниками загнанный медведь.
Тоскливой безысходностью объят,
Он мечется по ней вперед-назад,
А клетка, издеваясь, тычет в лоб
Ему то микроскоп, то телескоп
(Хотя – как ни глупа любая лупа –
Их сочетанье в общем-то не глупо).
Устав, однако, от угрюмых дум,
Что поневоле удручают ум,
Медведь садится на пол мощным задом,
Осознавая, что, наверно, надо
Ему смириться с крайностью любой,
Поэтому лохматой головой,
Чтоб показать, что все на свете правы,
Согласно то налево, то направо
Кивает он, не подымая век,
Мол, безусловно, прав был древний грек,
А впрочем, прав и споривший с ним грек,
И вообще прав каждый человек.
Что лежа в клети, что мечась по клети,
Нелеп и стоик, и перипатетик.

Перевод Б. Хлебникова

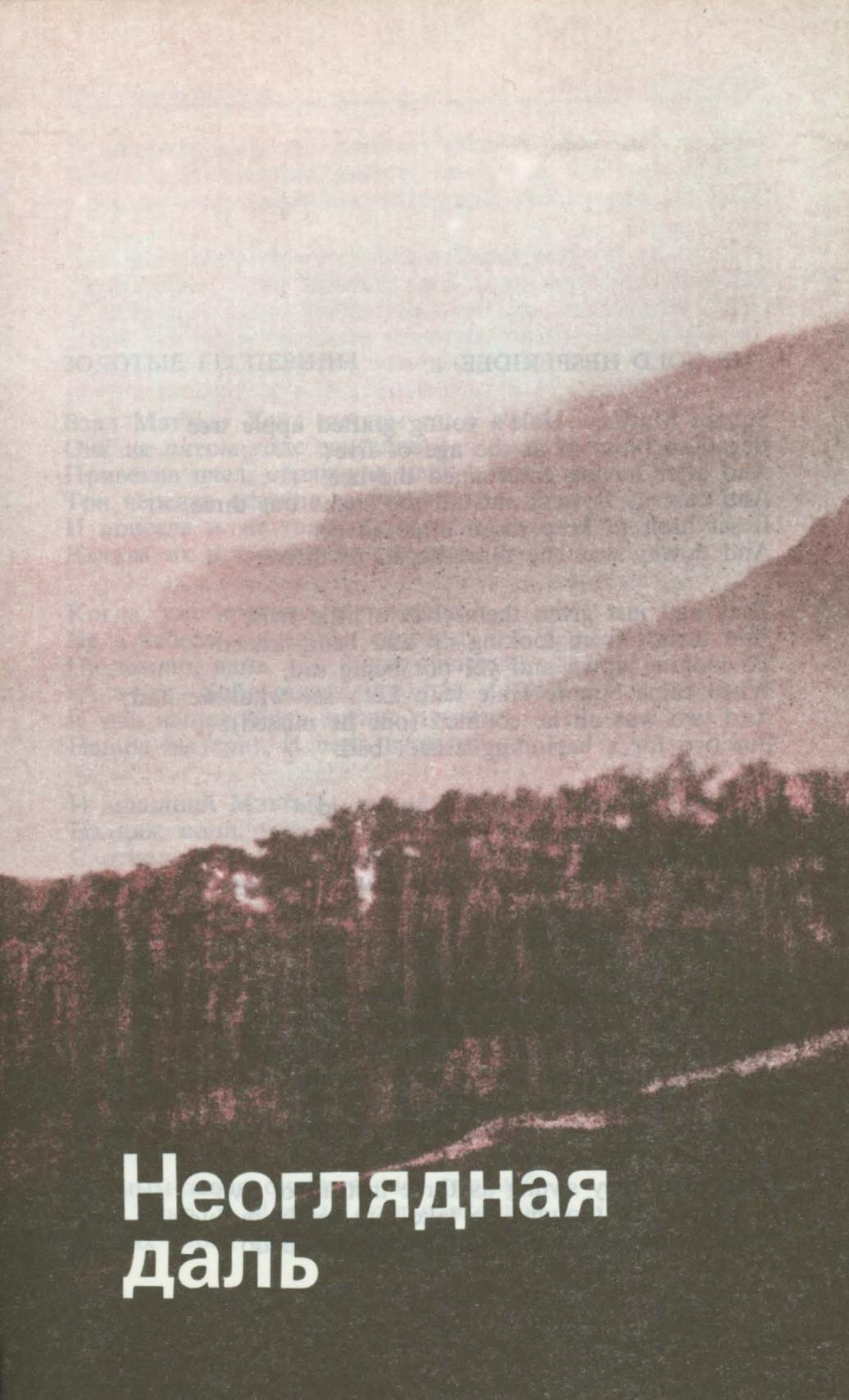
ЯЙЦО И ПАРОВОЗ

Он с ненавистью рельсу пнул. И вдруг
В ответ послышался далекий стук,
Как будто впрямь – по рельсам лишь ударь,
И оживет на них стальная тварь.
Ему хотелось выломать дубину,
Чтобы свалить железную махину
Иль рельсу выгнуть, чтобы под откос
Сам полетел проклятый паровоз.

Too late though, now, he had himself to thank.
Its click was rising to a nearer clank.
Here it came breasting like a horse in skirts.
(He stood well back for fear of scalding squirts.)
Then for a moment all there was was size
Confusion and a roar that drowned the cries
He raised against the gods in the machine.
Then once again the sandbank lay serene.
The traveler's eye picked up a turtle trail,
Between the dotted feet a streak of tail,
And followed it to where he made out vague
But certain signs of buried turtle's egg;
And probing with one finger not too rough,
He found suspicious sand, and sure enough,
The pocket of a little turtle mine.
If there was one egg in it there were nine,
Torpedo-like, with shell of gritty leather
All packed in sand to wait the trump together.
'You'd better not disturb me any more,'
He told the distance, 'I am armed for war.
The next machine that has the power to pass
Will get this plasm in its goggle glass.'

Он захотел... да только поздно. Разом
Далекий стук колес сменился лязгом.
Пришлось посторониться. Слава богу,
Не то бы паром обварило ногу.
Громада налетела. В тот же миг
Хаос и грохот заглушили крик,
Проклятья бесполезные. Потом
Вновь воцарилась тишина кругом.
Бедняга же понурился в тоске
И разглядел внезапно на песке
След черепаший – точки и черта:
От ножек след и от ее хвоста.
Он искал другие отпечатки
И обнаружил черепашью кладку.
Яйцо в гнезде, совсем как у пичуг,
Да не одно, а целых девять штук
Лежат, как девять маленьких торпед,
Для маскировки взяв песочный цвет.
«Теперь попробуй сунься! – крикнул он
Притихшей дали. – Я вооружен.
И новому железному маразму
В глаз запущу вот эту протоплазму!»

Перевод Б. Хлебникова

Неоглядная даль

THE GOLD HESPERIDEE

Square Matthew Hale's young grafted apple tree
Began to blossom at the age of five;
And after having entertained the bee,
And cast its flowers and all the stems but three,
It set itself to keep those three alive;
And downy wax the three began to thrive.

They had just given themselves a little twist
And turned from looking up and being kissed
To looking down and yet not being sad,
When came Square Hale with Let's see what we had;
And two was all he counted (one he missed);
But two for a beginning wasn't bad.

His little Matthew, also five years old,
Was led into the presence of the tree
And raised among the leaves and duly told,
We mustn't touch them yet, but see and see!
And what was green would by and by be gold.
Their name was called the Gold Hesperidee.

As regularly as he went to feed the pig
Or milk the cow, he visited the fruit,
The dew of night and morning on his boot.
Dearer to him than any barnyard brute,
Each swung in danger on its slender twig,
A bubble on a pipe-stem growing big.

Long since they swung as three instead of two—
One more, he thought, to take him safely through.
Three made it certain nothing Fate could do

ЗОЛОТЫЕ ГЕСПЕРИДЫ

Взял Мэттью Хейл дичком ее, а плод
Она на пятом годе завязала;
Приветив пчел, стряхнула цвет и вот,
Три черенка оставив, в тот же год
И понесла и, не таясь нимало,
Качала их и к свету поднимала.

Когда, уже круглясь и тяжелея,
Не в небеса глядели, а скорее
На землю, вниз, как будто напоказ,
«А ну-ка, – Хейл сказал, – что тут у нас?» –
И два нашел (будь зрение острее,
Нашел бы три). И пара в самый раз.

И младший Мэттью, лет пяти и сам,
На них, поди, уже имевший виды,
С отцовских рук представлен был плодам:
«Не рви зеленых, скиснут от обиды.
А чтобы слаще были, я им дам
Название: Золотые Геспериды».

Теперь, когда он шел кормить свинью
Или доить корову, он сначала,
Еще роса по башмакам бежала,
Шел к яблоне. Она дороже стала
Любой скотины, на живом клею
Качая плоть дочернюю свою.

Давным-давно они качались тройней –
Еще одно, и Мэттью стал спокойней
За них перед Судьбою-градобойней

With codlin moth or rusty parasite
Would keep him now from proving with a bite
That the name Gold Hesperidee was right.

And so he brought them to the verge of frost.
But one day when the foliage all went swish
With autumn and the fruit was rudely tossed,
He thought no special goodness could be lost
If he fulfilled at last his summer wish,
And saw them picked unbruised and in a dish,

Where they could ripen safely to the eating.
But when he came to look, no apples there
Under, or on the tree, or anywhere,
And the light-natured tree seemed not to care!
'Twas Sunday and Square Hale was dressed for meeting
The final summons into church was beating.

Just as he was without an uttered sound
At those who'd done him such a wrong as that,
Square Matthew Hale took off his Sunday hat
And ceremoniously laid it on the ground,
And leaping on it with a solemn bound,
Danced slowly on it till he trod it flat.

Then suddenly he saw the thing he did,
And looked around to see if he was seen.
This was the sin that Ahaz was forbid
(The meaning of the passage had been hid):
To look upon the tree when it was green
And worship apples. What else could it mean?

God saw him dancing in the orchard path,
But mercifully kept the passing crowd
From witnessing the fault of one so proud.
And so the story wasn't told in Gath;
In gratitude for which Square Matthew vowed
To walk a graver man restrained in wrath.

И плодояркой, ибо эти три
Могли удостоверить изнутри:
Их имя верно, что ни говори.

Так вплоть до заморозков он берег их.
Но в день, когда листва уже легла
И падалища гнила на дорогах,
Пора взыскать свое, все дело в сроках,
Подумал он. Возьму, и все дела.
И увидал их посреди стола,

Всклянъ золотых, как загадал весною.
А в сад пришел и обмер: что за бред?
Ни яблочка. Ни так, ни на просвет.
А дереву как будто дела нет.
Тут Мэттью Хейл, одетый в выходное,
Услышал колокол над головою.

И, как стоял, не смея проклинать
Обидчиков, под мерный звон церковный,
Он, ослепленный яростью греховной,
Ударил шляпой оземь – наплевать! –
И с наслажденьем стал ее топтать,
Пока она как блин не стала ровной.

И вдруг остыл и устыдился сразу,
Когда узрел окрестные сады.
То грех, вмененный некогда Ахазу
(Был смысл его едва ли явлен глазу):
На дерево смотреть и на плоды,
Молясь им. Далеко ли до беды?

Бог видел этот танец беснованья,
Но сделал так, чтобы никто не мог
Хоть в шутку бросить гордецу упрек.
И случай этот не занес в Писанье;
По сей причине Мэттью дал зарок
Быть осмотрительней в негодованье.

Перевод О. Чухонцева

IN TIME OF CLOUDBURST

Let the downpour roil and toil!
The worst it can do to me
Is carry some garden soil
A little nearer the sea.

'Tis the world-old way of the rain
When it comes to a mountain farm
To exact for a present gain
A little of future harm.

And the harm is none too sure,
For when all that was rotted rich
Shall be in the end scoured poor,
When my garden has gone down ditch,

Some force has but to apply,
And summits shall be immersed,
The bottom of seas raised dry—
The slope of the earth reversed.

Then all I need do is run
To the other end of the slope,
And on tracts laid new to the sun,
Begin all over to hope.

Some worn old tool of my own
Will be turned up by the plow,
The wood of it changed to stone,
But as ready to wield as now.

May my application so close
To so endless a repetition
Not make me tired and morose
And resentful of man's condition.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Пусть хлещет дождь проливной,
Пусть трудятся впрок осадки.
Но что с того? Перегной
Осядет с водой в распадке.

Как мир, этот дождь непрост,
Поливом идя по фермам,
Взимает за буйный рост
Последующим ущербом.

И дальний ущерб – он впрок,
Ведь все, что вчистую сгнило,
Источится в порошок.
Когда же со слоем ила

Сад к морю весь отойдет.
Удар – и вершина канет
С горою в пучину вод,
И бездна вершиной встанет.

Тогда я на склон другой,
Бог даст, перейду и в гору
Недавней пойду тропой
Под солнцем искать опору.

И лемех-землеворот
На пахоте огородной
В земле инструмент найдет,
Сточившийся, но добротный.

И пусть мой удел и впредь,
Не раз повторясь от века,
Даст силы все претерпеть,
Что спросится с человека.

Перевод О. Чухонцева

A ROADSIDE STAND

The little old house was out with a little new shed
In front at the edge of the road where the traffic sped,
A roadside stand that too pathetically pled,
It would not be fair to say for a dole of bread,
But for some of the money, the cash, whose flow supports
The flower of cities from sinking and withering faint.
The polished traffic passed with a mind ahead,
Or if ever aside a moment, then out of sorts
At having the landscape marred with the artless paint
Of signs that with N turned wrong and S turned wrong
Offered for sale wild berries in wooden quarts,
Or crook-necked golden squash with silver warts,
Or beauty rest in a beautiful mountain scene.
You have the money, but if you want to be mean,
Why keep your money (this crossly), and go along.
The hurt to the scenery wouldn't be my complaint
So much as the trusting sorrow of what is unsaid:
Here far from the city we make our roadside stand
And ask for some city money to feel in hand
To try if it will not make our being expand,
And give us the life of the moving pictures' promise
That the party in power is said to be keeping from us.

It is in the news that all these pitiful kin
Are to be bought out and mercifully gathered in
To live in villages next to the theater and store
Where they won't have to think for themselves any more;
While greedy good-doers, beneficent beasts of prey,
Swarm over their lives enforcing benefits
That are calculated to soothe them out of their wits,
And by teaching them how to sleep the sleep all day,
Destroy their sleeping at night the ancient way.

Sometimes I feel myself I can hardly bear
The thought of so much childish longing in vain,
The sadness that lurks near the open window there,
That waits all day in almost open prayer
For the squeal of brakes, the sound of a stopping car,
Of all the thousand selfish cars that pass,
Just one to inquire what a farmer's prices are.

ДОМИК У ДОРОГИ

Домишко с недавней пристройкой под козырьком
Стоял у шоссе, где машины шли косяком;
Привал у дороги отчаянным голоском
Молил, как с рукой, протянутой за куском,
Не хлеба, а денег наличных, деньжат чуть-чуть,
Дающих расцвет городам и подъем стране.
Машины все шли и шли своим чередом,
А если из едущих кто выходил взглянуть,
Был тягостен им и вид, и столбец в мазне,
Где N и S опрокинуто смотрят вдаль,
Где ягоды в кузовке предлагают в путь
Иль тыкву рябую, а тем, кто не прочь вздремнуть,
Шалашик в горах, и все это в двух шагах.
И если вы милосердны и при деньгах,
Зачем их беречь и тупо жать на педаль.
Но нет, не пейзаж надрывает так душу мне,
А горе немое, подслушанное тайком:
Вдали ото всех, у дороги мы ставим дом
И просим вас дать хоть горстку нам на подъем
Деньжат городских, без которых не проживем,
И, может, увидим ту жизнь, хоть малую часть,
Которой нас кормит кино и лишает власть.

В газетах пишут, что надо бы бедолаг
Всем миром выкупить и расселить, но так,
Чтоб жили в поселках они, где лавка и клуб,
Где им не надо бороться за хлеб и суп;
А их благодетели брызжут на них слюной
И с милостями набрасываются жучки,
Чтоб стали они спокойны как дурачки,
Чтоб спали весь день за каменной стеной,
Расплачиваясь бессонницею ночной.

И я ощущаю, как невыносима она,
Их детски нехитрая мысль о нужде своей,
И грусть, неподвижно застывшая у окна,
Молитвенно случая ждущая дотемна,
Чтоб взвизгнули тормоза и одна из машин,
Одно из тысяч эгоистичных авто,
Свернула во двор: а это почему? а то?

And one did stop, but only to plow up grass
In using the yard to back and turn around;
And another to ask the way to where it was bound;
And another to ask could they sell it a gallon of gas
They couldn't (this crossly): they had none, didn't it see?

No, in country money, the country scale of gain,
The requisite lift of spirit has never been found,
Or so the voice of the country seems to complain.
I can't help owning the great relief it would be
To put these people at one stroke out of their pain.
And then next day as I come back into the sane,
I wonder how I should like you to come to me
And offer to put me gently out of my pain.

AT WOODWARD'S GARDENS

A boy, presuming on his intellect,
Once showed two little monkeys in a cage
A burning-glass they could not understand
And never could be made to understand.
Words are no good: to say it was a lens
For gathering solar rays would not have helped.
But let him show them how the weapon worked.
He made the sun a pin-point on the nose
Of first one, then the other till it brought
A look of puzzled dimness to their eyes
That blinking could not seem to blink away.
They stood arms laced together at the bars,
And exchanged troubled glances over life.
One put a thoughtful hand up to his nose
As if reminded—or as if perhaps
Within a million years of an idea.
He got his purple little knuckles stung.
The already known had once more been confirmed
By psychological experiment,
And that were all the finding to announce
Had the boy not presumed too close and long.

И все-таки стала одна, но зубцами шин
Лишь взрыла траву, развернулась – и унеслась,
Другая спросила дорогу – и брызнула грязь,
И третья подъехала: не продадут ли бензин,
Да разве не видно – катитесь! – не продаем.

Нет, сельские деньги, хоть пригоршнями их сей,
От бедности не спасали нас отродясь,
Не с этого ли и ропот глухой полей.
Я думаю, может, и вправду спасение в том,
Чтоб разом избавить от боли этих людей.
Но что, интересно, скажу я, когда потом
Придут и меня избавить от боли моей.

Перевод О. Чухонцева

В ЗООПАРКЕ

Один самодовольный мальчуган
Двум обезьянкам как-то в зоопарке
Хвалился зажигательным стеклом.
Им сей предмет понятен был не больше,
Чем поясненья: это, дескать, линза
Для собиранья солнечных лучей.
А может, инструмент понятней в деле?
Мальчишка точкой солнечной прижег
Носы обеим. В их глазах застыло
Такое темное недоумень,
Которого морганьем не сморгнешь.
Из рук не выпуская прутьев клетки,
Они встревоженно переглянулись.
Одна из обезьян коснулась носа,
Почти сообразив, что далека
На миллионы лет от пониманья.
А солнечная точка перешла
На обезьяний палец, чтобы опыт
Повторным подтвердить экспериментом.
Но в этот раз естествоиспытатель
Был слишком близок к своему объекту.

There was a sudden flash of arm, a snatch,
And the glass was the monkeys', not the boy's.
Precipitately they retired back cage
And instituted an investigation
On their part, though without the needed insight.
They bit the glass and listened for the flavor.
They broke the handle and the binding off it.
Then none the wiser, frankly gave it up,
And having hid it in their bedding straw
Against the day of prisoners' ennui,
Came dryly forward to the bars again
To answer for themselves: Who said it mattered
What monkeys did or didn't understand?
They might not understand a burning-glass.
They might not understand the sun itself.
It's knowing what to do with things that counts.

A BLUE RIBBON AT AMESBURY

Such a fine pullet ought to go
All coiffured to a winter show,
And be exhibited, and win.
The answer is this one has been—

And come with all her honors home
Her golden leg, her coral comb,
Her fluff of plumage, white as chalk,
Her style, were all the fancy's talk.

It seems as if you must have heard.
She scored an almost perfect bird.
In her we make ourselves acquainted
With one a Sewell might have painted.

Here common with the flock again,
At home in her abiding pen,
She lingers feeding at the trough,
The last to let night drive her off.

Вдруг – хватать! – и зажигательным стеклом
Теперь уже владеют обезьянки.
В глубь клетки убежав, они свои
Над лупой провели эксперименты,
Без должной, разумеется, методы:
Стекло кусали, пробуя на вкус,
Потом сломали ручку и оправу.
Когда же бесполезная возня
Прискучила, они зарыли лупу
В солому (вдруг опять придет охота
Немного поразвлечься) и вернулись
Назад спокойно, будто вопрошая:
Кто, собственно, берется утверждать,
Что важно понимать, а что неважно.
Пускай они не понимают лупы,
Пускай им даже солнце непонятно,
Важнее знать, зачем нужны предметы.

Перевод Б. Хлебникова

ХОХЛАТКА-ЛАУРЕАТКА

Такой бы курочке отличной
Блистать на выставке столичной!
На окружной она была –
И все призы там забрала.

Своею белизною гладкой,
И красотой, и повадкой –
От гребешка до коготков –
Она пленяла знатоков.

Да вы, наверное, слышали:
Ее там образцом признали,
Единственным на целый свет.
Ну хоть рисуй с нее портрет!

Вот, после славы и шумихи,
Вернувшись в свой курятник тихий,
Она поклоны бьет пшеницу
И не торопится ко сну.

The one who gave her ankle-band,
Her keeper, empty pail in hand,
He lingers too, averse to slight
His chores for all the wintry night.

He leans against the dusty wall,
Immured almost beyond recall,
A depth past many swinging doors
And many litter-muffled floors.

He meditates the breeder's art.
He has a half a mind to start,
With her for Mother Eve, a race
That shall all living things displace.

'Tis ritual with her to lay
The full six days, then rest a day;
At which rate barring broodiness
She well may score an egg-success.

The gatherer can always tell
Her well-turned egg's brown sturdy shell,
As safe a vehicle of seed
As is vouchsafed to feathered breed.

No human specter at the feast
Can scant or hurry her the least.
She takes her time to take her fill.
She whets a sleepy sated bill.

She gropes across the pen alone
To peck herself a precious stone.
She waters at the patent fount.
And so to roost, the last to mount.

The roost is her extent of flight.
Yet once she rises to the height,
She shoulders with a wing so strong
She makes the whole flock move along.

The night is setting in to blow.
It scours the windowpane with snow,

Смеркается. Ее хозяин,
С утра забеган и замаян,
Один, с пустым ведром в руке,
Задумался невдалеке.

Он, прислоняясь к стенке грязной,
Стремится вдаль мечтою праздной.
В нем, как зарница сквозь туман,
Селекционный брезжит план.

Он верит в птичью королеву.
Он видит в ней праматерь Еву,
Чей новый, образцовый род
Мир унаследовать придет.

У ней здоровые привычки:
Шесть дней она кладет яички –
По штуке в день, а на седьмой
Берет законный выходной.

Ее яйцо узнать несложно:
Оно защищено надежной
Весьма округлой и тупой
Коричневою скорлупой.

Ее сомненья не смущают,
Она свой ужин поглощает,
На человека не взглянув,
И сыто чистит сонный клюв.

У патентованной поилки
Пошарит, разгребет опилки
И камешек блестящий съест.
Теперь попить – и на насест.

Насест – предел ее полета.
Осталось растолкать кого-то
И с той, и с этой стороны,
На то и крылья ей даны.

Темно. В окошки снег стучится.
А здесь – что может здесь случиться?

But barely gets from them or her
For comment a complacent chirr.

The lowly pen is yet a hold
Against the dark and wind and cold
To give a prospect to a plan
And warrant prudence in a man.

A DRUMLIN WOODCHUCK

One thing has a shelving bank,
Another a rotting plank,
To give it cozier skies
And make up for its lack of size.

My own strategic retreat
Is where two rocks almost meet,
And still more secure and snug,
A two-door burrow I dug.

With those in mind at my back
I can sit forth exposed to attack
As one who shrewdly pretends
That he and the world are friends.

All we who prefer to live
Have a little whistle we give,
And flash, at the least alarm
We dive down under the farm.

We allow some time for guile
And don't come out for a while
Either to eat or drink.
We take occasion to think.

And if after the hunt goes past
And the double-barreled blast
(Like war and pestilence
And the loss of common sense),

Проквохчет кто-нибудь со сна,
И вновь – покой и тишина.

Курятник неказист снаружи,
Но он – заслон ветрам и стуже,
Благоразумия оплот,
И – перспективу он дает.

Перевод Г. Кружкова

ГОРНЫЙ СУРОК

Кто живет под кривой ольхой,
Кто вверху, под гнилой стрехой, –
Словом, всякий себе жилище
По душе да по росту ищет.

Ну а я обитаю в норке
На крутом щебнистом пригорке,
И поскольку мне хвост мой дорог,
Я копаю еще отнорок.

Я на камне сажу открыто,
Отступленья – моя защита.
Обеспечив тылы надежно,
Вид беспечный принять несложно.

Есть у всех у нас, жить охочих,
Свой особый тихий свисточек:
При малейшем тревожном знаке –
Юрк! – и ты в безопасном мраке.

И покуда злодеи близко,
Лучше пересидеть без риска,
Все обдумать дважды и трижды,
Попоститься – но время выждать.

А когда удалятся волки
И затихнет эхо двустволки
(Как проходят война и чума
И всеобщий вывих ума),

If I can with confidence say
 That still for another day,
 Or even another year,
 I will be there for you, my dear,

It will be because, though small
 As measured against the All,
 I have been so instinctively thorough
 About my crevice and burrow.

THE WHITE-TAILED HORNET

The white-tailed hornet lives in a balloon
 That floats against the ceiling of the woodshed.
 The exit he comes out at like a bullet
 Is like the pupil of a pointed gun.
 And having power to change his aim in flight,
 He comes out more unerring than a bullet.
 Verse could be written on the certainty
 With which he penetrates my best defense
 Of whirling hands and arms about the head
 To stab me in the sneeze-nerve of a nostril.
 Such is the instinct of it I allow.
 Yet how about the insect certainty
 That in the neighborhood of home and children
 Is such an execrable judge of motives
 As not to recognize in me the exception
 I like to think I am in everything—
 One who would never hang above a bookcase
 His Japanese crepe-paper globe for trophy?
 He stung me first and stung me afterward.
 He rolled me off the field head over heels,
 And would not listen to my explanations.

That's when I went as visitor to his house.
 As visitor at my house he is better.
 Hawking for flies about the kitchen door,
 In at one door perhaps and out another,
 Trust him then not to put you in the wrong.

Можешь быть, мой дружок, уверен,
Что я здесь и что я намерен
Оставаться здесь же и впредь
И на мир свысока смотреть,

Потому что, как я ни мал
По сравненью с масштабом Скал,
Но зато я чуткий и зоркий
И умею прятаться в норке.

Перевод Г. Кружкова

БЕЛОХВОСТЫЙ ШЕРШЕНЬ

В сарае дровяном под потолком
Гнездо повесил белохвостый шершень.
Ружейным дулом смотрит круглый вход,
Откуда он выносится как пуля –
Как пуля, что лавирует в полете
И потому без промаха разит.
О, это – удивительный боец:
Как ни маши отчаянно руками,
Он безошибочно находит брешь,
Чтоб в самую ноздрю меня ужалить!
Наверное, таков его инстинкт.
Но где ж природная непогрешимость,
Раз может он так ложно толковать
Мои намеренья, – не признавая
Во мне то исключение из правил,
Каким я сам себя привык считать?
Уж я-то не позарюсь, как мальчишка,
На дом его – фонарик подвесной
Из желтой гофрированной бумаги.
Нет, он меня как жалил, так и жалит
Без жалости: мол, кубарем катись! –
И слушать не желает объяснений.

Таков он, как хозяин, – у себя.
В гостях он не в пример миролюбивей.
На мух охотясь у балконной двери,
Он к вам не проявляет ни вражды,
Ни подозрительности. Пусть присядет

He won't misunderstand your freest movements.
Let him light on your skin unless you mind
So many prickly grappling feet at once.
He's after the domesticated fly
To feed his thumping grubs as big as he is.
Here he is at his best, but even here—
I watched him where he swooped, he pounced, he struck;
But what he found he had was just a nailhead.
He struck a second time. Another nailhead.
'Those are just nailheads. Those are fastened down.'
Then disconcerted and not unannoyed,
He stooped and struck a little huckleberry
The way a player curls around a football.
'Wrong shape, wrong color, and wrong scent,' I said.
The huckleberry rolled him on his head.
At last it was a fly. He shot and missed;
And the fly circled round him in derision.
But for the fly he might have made me think
He had been at his poetry, comparing
Nailhead with fly and fly with huckleberry:
How like a fly, how very like a fly.
But the real fly he missed would never do;
The missed fly made me dangerously skeptic.

Won't this whole instinct matter bear revision?
Won't almost any theory bear revision?
To err is human, not to, animal.
Or so we pay the compliment to instinct,
Only too liberal of our compliment
That really takes away instead of gives.
Our worship, humor, conscientiousness
Went long since to the dogs under the table.
And served us right for having instituted
Downward comparisons. As long on earth
As our comparisons were stoutly upward
With gods and angels, we were men at least,
But little lower than the gods and angels.
But once comparisons were yielded downward,
Once we began to see our images

Вам на руку, не бойтесь потерпеть
Щекотку этих тонких, цепких лапок.
Его интересуют только мухи,
Корм для его личинок-переростков.
Тут он в своей стихии; но и тут...
Я видел, как бросался он в атаку
На шляпку вбитого в косяк гвоздя;
Еще наскок!—и снова неудача.
«Да это просто гвоздь. Железный гвоздь».
Обескураженный таким конфузом,
Он долбанул черничинку—точь-в-точь
Как футболист пинает мяч с досады.
«И цвет не тот, и запах, и размер,—
Сказал я,—три существенных ошибки».
Но вот он, наконец, заметил муху.
Метнулся—и промазал. А нахалка
Еще в насмешку сделала петлю
И скрылась. Если бы не эта муха,
Я мог предположить, что он был занят
Сравнением поэтическим—гвоздя
И мухи или мухи и чернички:
Какое сходство—просто чудеса!
Но этот промах с настоящей мухой...
Сказать по правде, он меня смутил
И возбудил серьезные сомненья.

А что, если слегка перетряхнуть
Ученье об инстинктах—устоит ли?
И много ли незыблемых теорий?
Ошибки свойственны лишь человеку,
Мы говорим. И, вознося инстинкт,
Теряем больше, чем приобретаем.
Причуды наши, преданность, восторг—
Все это перешло под стол собакам;
Так отомстила нам любовь к сравнениям
По нисходящей линии. Пока
Сравнения наши шли по восходящей,
Мы были человеки—лишь ступенью
Пониже ангелов или богов.
Когда же мы в сравнениях своих
Спустились до того, что разглядели
Свой образ чуть ли не в болотной жиже,

Reflected in the mud and even dust,
'Twas disillusion upon disillusion.
We were lost piecemeal to the animals,
Like people thrown out to delay the wolves.
Nothing but fallibility was left us,
And this day's work made even that seem doubtful.

THE FIGURE IN THE DOORWAY

The grade surmounted, we were riding high
Through level mountains nothing to the eye
But scrub oak, scrub oak and the lack of earth
That kept the oaks from getting any girth.
But as through the monotony we ran,
We came to where there was a living man.
His great gaunt figure filled his cabin door,
And had he fallen inward on the floor,
He must have measured to the further wall.
But we who passed were not to see him fall.
The miles and miles he lived from anywhere
Were evidently something he could bear.
He stood unshaken, and if grim and gaunt,
It was not necessarily from want.
He had the oaks for heating and for light.
He had a hen, he had a pig in sight.
He had a well, he had the rain to catch.
He had a ten-by-twenty garden patch.
Nor did he lack for common entertainment.
That I assume was what our passing train meant
He could look at us in our diner eating,
And if so moved uncurl a hand in greeting.

LOST IN HEAVEN

The clouds, the source of rain, one stormy night
Offered an opening to the source of dew;
Which I accepted with impatient sight,
Looking for my old skymarks in the blue.

Настало время разочарований.
Нас поглотила по частям животность,
Как тех, что откупались от дракона
Людскими жертвами. Из привилегий
Осталось нам лишь свойство ошибаться.
Но впрямь ли это только наше свойство?

Перевод Г. Кружкова

ФИГУРА НА ПОРОГЕ

Осиля затяжной подъем дороги,
Наш поезд шел средь стертых гор пологих.
Вокруг дубки тщедушные росли,
И камня было больше, чем земли.
Пейзаж тянулся, мрачноват и скуден,—
Но в то же время не совсем безлюден.
Мужчина, долговязый и худой,
Лачуги дверь загородив собой,
Стоял, на поезд проходящий глядя.
Как лежа умещался этот дядя
В своем жилище, я не понимал.
Но он здесь жил и вроде не страдал
От одиночества. Бродила хрюшка
Поблизости и курица-пеструшка.
Не так уж мало! Грядок шесть иль пять,
Колодец, бак, чтоб дождик уловлять,
И для печи—дубовые поленья.
Он знал и кой-какие развлечения:
На поезд поглазеть, где за окном
Мы спорим, мельтешим, едим и пьем,—
И даже, если вдруг найдет такое,
Небрежно вслед нам помахать рукою.

Перевод Г. Кружкова

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В НЕБЕ

Туча сгушалась в ночи штормовой,
Свежестью вея и дождь предвещая.
Есть ли еще над моей головой
Тучей не скрытая мета ночная?

But stars were scarce in that part of the sky,
And no two were of the same constellation—
No one was bright enough to identify;
So 'twas with not ungrateful consternation,

Seeing myself well lost once more, I sighed,
'Where, where in Heaven am I? But don't tell me!
Oh, opening clouds, by opening on me wide.
Let's let my heavenly lostness overwhelm me.'

DESERT PLACES

Snow falling and night falling fast, oh, fast
In a field I looked into going past,
And the ground almost covered smooth in snow,
But a few weeds and stubble showing last.

The woods around it have it—it is theirs.
All animals are smothered in their lairs.
I am too absent-spirited to count;
The loneliness includes me unawares.

And lonely as it is that loneliness
Will be more lonely ere it will be less—
A blanker whiteness of benighted snow
With no expression, nothing to express.

They cannot scare me with their empty spaces
Between stars—on stars where no human race is.
I have it in me so much nearer home
To scare myself with my own desert places.

LEAVES COMPARED WITH FLOWERS

A tree's leaves may be ever so good,
So may its bark, so may its wood;
But unless you put the right thing to its root
It never will show much flower or fruit.

Редкие звезды – и двух не найти,
Чтоб о созвездье по ним догадаться,
Или одной, но надежной. Пути
Не разбирая, я стал продвигаться.

Где я на Небе? Но туча, молчи,
Не открывай мне, рассеясь, просвета.
Я безвозвратно потерян в ночи –
Дай претерпеть мне затерянность эту.

Перевод А. Шарановой

ПРОСТРАНСТВА

Снег с неба – с ночью наперегонки, –
И прошлое как поле у реки:
Как будто все схоронено под снегом,
Лишь кое-где желтеют колоски.

Леса вокруг не ведают утрат.
Животные и люди в норах спят.
За жизнь я зацепиться забываю,
Невольным одиночеством объят.

И это одиночество нейдет
На убыль, а скорей наоборот –
Так сумеречны белые просторы,
Что ничего не знаешь наперед.

Поэтому пугаете напрасно
Тем, что миры безмерны и безгласны
И небеса мертвы. Здесь, за дверьми,
Пространства столь же пусты и ужасны.

Перевод В. Топорова

СРАВНЕНИЕ ЛИСТЬЕВ С ЦВЕТАМИ

Пусть листья дерева добры,
И крепки ствол и слой коры,
Но если корень нездоров –
Не жди цветов, не жди плодов.

But I may be one who does not care
Ever to have tree bloom or bear.
Leaves for smooth and bark for rough,
Leaves and bark may be tree enough.

Some giant trees have bloom so small
They might as well have none at all.
Late in life I have come on fern.
Now lichens are due to have their turn.

I bade men tell me which in brief,
Which is fairer, flower or leaf.
They did not have the wit to say,
Leaves by night and flowers by day.

Leaves and bark, leaves and bark,
To lean against and hear in the dark.
Petals I may have once pursued.
Leaves are all my darker mood.

A LEAF TREADER

I have been treading on leaves all day until I am autumn tired.
God knows all the color and form of leaves I have trodden on
and mired.

Perhaps I have put forth too much strength and been too fierce
from fear.

I have safely trodden underfoot the leaves of another year.

All summer long they were overhead, more lifted up than I.
To come to their final place in earth they had to pass me by.
All summer long I thought I heard them threatening under
their breath.

And when they came it seemed with a will to carry me with
them to death.

They spoke to the fugitive in my heart as if it were leaf to leaf.
They tapped at my eyelids and touched my lips with an invi-
tation to grief.

But it was no reason I had to go because they had to go.
Now up my knee to keep on top of another year of snow.

А я из тех, кому не надо
Цветов, плодов и ягод сада.
Кора тверда будь, листья гладки—
И значит, дерево в порядке.

Иной колосс лесной цветет
Так мелко, что тоска берет.
Зацвел мой папоротник поздно—
Ползет лишайник тенью грозной.

Цветы иль листья—что милей?—
Весь век пытал я у людей.
С ответом сам спешил помочь я:
Мол, днем цветы, а листья ночью.

Кора и листья, ствол. К нему
Спиною встань и слушай тьму.
Я рвал когда-то лепестки,
Но листья—знак моей тоски.

Перевод В. Топорова

СТУПАЯ ПО ЛИСТЬЯМ

Весь день по листьям я ступал—осенний, непогожий.
Бог знает, сколько их втоптал, вдавил в сырое ложе.
Усталость, ярость или страх вели меня, не знаю.
И прошлогодние сминал, топча, наверняка я.

Все лето были надо мной, манили вышиною.
А завершили путь земной под топчущей пятою.
Все лето в шелесте листвы угрозы трепетали.
И листья пали и меня, пример подав, позвали.

Шептались с беженкой-душой, как с собственной
сестрицей.
Касались век, касались губ, прося не загоститься.
Но, листопад, с тобой не в лад, я не стремлюсь к побегу.
Снег наметет и в этот год—и я пойду по снегу.

Перевод В. Топорова

ON TAKING FROM THE TOP
TO BROADEN THE BASE

Roll stones down on our head!
You squat old pyramid,
Your last good avalanche
Was long since slid.

Your top has sunk too low,
Your base has spread too wide,
For you to roll one stone
Down if you tried.

But even at the word
A pebble hit the roof,
Another shot through glass
Demanding proof.

Before their panic hands
Were fighting for the latch,
The mud came in one cold
Unleavened batch.

And none was left to prate
Of an old mountain's case
That still took from its top
To broaden its base.

MOON COMPASSES

I stole forth dimly in the dripping pause
Between two downpours to see what there was.
And a masked moon had spread down compass rays
To a cone mountain in the midnight haze,
As if the final estimate were hers,
And as it measured in her calipers,
The mountain stood exalted in its place.
So love will take between the hands a face....

ГОРА И ДОЛ

Расщедришь, коротышка,
На добрый камнепад!
Последняя лавина
Была сто лет назад!

Низка твоя вершина,
Широк пологий дол.
И камешка не сбросишь,
Гора, себе в подол.

Но только скажешь это,
Как в крышу – страшный стук,
И в окнах нету стекол,
И всех объял испуг.

Но прежде, чем успели
Схватиться за ключи,
Ударили в округе
Холодные ключи.

И некому смеяться
Над старою горой.–
А ей не жаль вершины,
Чтоб дол расширить свой.

Перевод В. Топорова

ЛУННЫЙ ЦИРКУЛЬ

Была ночная морось; ливень сник,
Но должен был начаться через миг.
Луна, едва видна во мгле сырой,
Над конусообразною горой
Двойным лучом описывала круг,
Как циркулем. А та, из лунных рук
Выскальзывая, к ним тянулась все ж...
Так в две руки овал лица берешь...

Перевод В. Топорова

AFTERFLAKES

In the thick of a teeming snowfall
I saw my shadow on snow.
I turned and looked back up at the sky,
Where we still look to ask the why
Of everything below.

If I shed such a darkness,
If the reason was in me,
That shadow of mine should show in form
Against the shapeless shadow of storm,
How swarthy I must be.

I turned and looked back upward.
The whole sky was blue;
And the thick flakes floating at a pause
Were but frost knots on an airy gauze,
With the sun shining through.

DESIGN

I found a dimpled spider, fat and white,
On a white heal-all, holding up a moth
Like a white piece of rigid satin cloth—
Assorted characters of death and blight
Mixed ready to begin the morning right,
Like the ingredients of a witches' broth—
A snow-drop spider, a flower like a froth,
And dead wings carried like a paper kite.

What had that flower to do with being white,
The wayside blue and innocent heal-all?
What brought the kindred spider to that height,
Then steered the white moth thither in the night?
What but design of darkness to appall?—
If design govern in a thing so small.

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Я вышел в чудовищный снегопад –
И тень предо мною ложится.
И к небу я поднял глаза, куда
С вопросом вечным глядим всегда –
Про все, что внизу творится.

Не я ли накликал такую тьму?
Но если во мне причина,
То тень моя, черная на снегу,
Отчетливо видная и в пургу, –
Всего лишь двойник мой длинный.

И снова я на небо поглядел –
И все там вдруг стало сине.
И хлопья снега меж ним и мной
Казались узорною пеленой,
И солнце жглось посередине.

Перевод В. Топорова

РАСЧЕТ

Я на цветке увидел паука.
Он мотылька, бугрист и тучен, мял.
Как шелковый лоскут, податлив, мал,
Тот умирал... И смерть (таясь пока)
Вошла уже и в чашечку цветка,
Который – как от порчи – увядал.
Паук, цветок – и смертный миг настал,
И тщетно бьются крылья мотылька.

Тогда к чему же белизна цветка
И синь его? К чему тогда крыло?
Раз высота для паука легка –
И мотылек пропал наверняка,
То на какой расчет пустилось Зло,
Коль есть расчет и там, где все мало.

Перевод В. Топорова

THERE ARE ROUGHLY ZONES

We sit indoors and talk of the cold outside.
And every gust that gathers strength and heaves
Is a threat to the house. But the house has long been tried.
We think of the tree. If it never again has leaves,
We'll know, we say, that this was the night it died.
It is very far north, we admit, to have brought the peach.
What comes over a man, is it soul or mind—
That to no limits and bounds he can stay confined?
You would say his ambition was to extend the reach
Clear to the Arctic of every living kind.
Why is his nature forever so hard to teach
That though there is no fixed line between wrong and right,
There are roughly zones whose laws must be obeyed.
There is nothing much we can do for the tree tonight,
But we can't help feeling more than a little betrayed
That the northwest wind should rise to such a height
Just when the cold went down so many below.
The tree has no leaves and may never have them again.
We must wait till some months hence in the spring to know.
But if it is destined never again to grow,
It can blame this limitless trait in the hearts of men.

THE BEARER OF EVIL TIDINGS

The bearer of evil tidings,
When he was halfway there,
Remembered that evil tidings
Were a dangerous thing to bear.

So when he came to the parting
Where one road led to the throne
And one went off to the mountains
And into the wild unknown,

He took the one to the mountains.
He ran through the Vale of Cashmere,
He ran through the rhododendrons
Till he came to the land of Pamir.

ТАМ СТРОГАЯ СТРАНА

У очага твердим о холоде снаружи.
Не рухнет ли наш дом под ветром ледяным,
Под выдохом сквозным? Дом дни знавал и хуже.
А дерево? Сейчас стоит оно нагим
И, может быть, вот-вот умрет от здешней стужи.
Здесь Север, говорим, здесь персик не жилец.
А все же что-то в нас – душа иль даже разум –
Противится любым пределам и отказам
И к полюсу ведет (и это не конец)
Надежды и дела. Нас учат, раз за разом
(А все урок не впрок во глубине сердец),
Что меж добром и злом нет четкого раздела, –
Там строгая страна, уклад которой свят...
Вот дерево в окне – спасенье не припело;
И все-таки обман мы чувствуем, разлад,
Когда на наш росток и вьюга налетела –
Вдобавок к холодам... Стоит он, еле жив.
Померзнет? Выстоит? Ответ придет весною,
И если – гибель, то единственно виною
Наш беспредельный к беспредельности порыв.

Перевод В. Топорова

ВЕСТНИК

Гонец с недоброю вестью,
Добравшись до полпути,
Смекнул: опасное дело –
Недоброю весть везти.

И вот, подскакав к развилке,
Откуда одна из дорог
Вела к престолу владыки,
Другая – за горный отрог,

Он выбрал дорогу в горы,
Пересек цветущий Кашмир,
Проехал рощи магнолий
И прибыл в страну Памир.

And there in a precipice valley
A girl of his age he met
Took him home to her bower,
Or he might be running yet.

She taught him her tribe's religion:
How ages and ages since
A princess en route from China
To marry a Persian prince

Had been found with child; and her army
Had come to a troubled halt.
And though a god was the father
And nobody else at fault,

It had seemed discreet to remain there
And neither go on nor back.
So they stayed and declared a village
There in the land of the Yak.

And the child that came of the princess
Established a royal line,
And his mandates were given heed to
Because he was born divine.

And that was why there were people
On one Himalayan shelf;
And the bearer of evil tidings
Decided to stay there himself.

At least he had this in common
With the race he chose to adopt:
They had both of them had their reasons
For stopping where they had stopped.

As for his evil tidings,
Belshazzar's overthrow,
Why hurry to tell Belshazzar
What soon enough he would know?

И там, в глубокой долине,
Он девушку повстречал.
Она привела его в дом свой,
В приют у подножья скал.

И рассказала легенду:
Как некогда караван
Китайскую вез принцессу
По этим горам в Иран.

На свадьбу с персидским принцем
Свита ее везла,
Но оказалось в дороге,
Что девушка – тяжела.

Такая вышла заминка,
Что ни вперед, ни назад,
И хоть ребенок, конечно,
Божественно был зачат,

Они порешили остаться –
Да так и живут с тех пор –
В Долине мохнатых яков,
В краю Поднебесных гор.

А сын, рожденный принцессой,
Царя получил права:
Никто не смел прекословить
Наследнику божества.

Вот так поселились люди
На диких склонах крутых.
И наш злополучный вестник
Решил остаться у них.

Не зря он избрал это племя,
Чтобы к нему примкнуть:
И у него был повод
Не продолжать свой путь.

А что до недоброй вести,
Погибельной для царя, –
Пускай на пир Валтасару
Ее принесет заря!

Перевод Г. Кружкова

A vertical photograph of a forest. The right side of the image is dominated by a large, dark tree trunk, which is mostly in shadow. The left side shows a dense forest of smaller trees and branches, illuminated by bright, golden light, possibly from the sun being low in the sky. The overall color palette is warm, with shades of brown, gold, and dark green.

**A Witness
Tree**

Дерево-свидетель

BEECH

Where my imaginary line
Bends square in woods, an iron spine
And pile of real rocks have been founded.
And off this corner in the wild,
Where these are driven in and piled,
One tree, by being deeply wounded,
Has been impressed as Witness Tree
And made commit to memory
My proof of being not unbounded.
Thus truth's established and borne out,
Though circumstanced with dark and doubt—
Though by a world by doubt surrounded.

THE SILKEN TENT

She is as in a field a silken tent
At midday when a sunny summer breeze
Has dried the dew and all its ropes relent,
So that in guys it gently sways at ease,
And its supporting central cedar pole,
That is its pinnacle to heavenward
And signifies the sureness of the soul,
Seems to owe naught to any single cord,
But strictly held by none, is loosely bound
By countless silken ties of love and thought
To everything on earth the compass round,
And only by one's going slightly taut
In the capriciousness of summer air
Is of the slightest bondage made aware.

БУК

Средь леса, в настоящей глухомани,
Где, под прямым углом свернув к поляне,
Пунктир воображаемый прошел,
Над грудой камней игла стальная
Водружена, и бук, растущий с краю,
Глубокой раной, врезанною в ствол,
Отмечен тут, как Дерево-свидетель, –
Напоминать, докуда я владетель,
Где мне граница определена.
Так истина встает ориентиром
Над бездной хаоса, над целым миром
Сомнений, не исчерпанных до дна.

Перевод Г. Кружкова

ШЕЛКОВЫЙ ШАТЕР

Она – как в поле шелковый шатер,
Под ярким летним солнцем поутру,
Неудержимо рвущийся в простор
И вольно парусящий на ветру.
Но шест кедровый, острием своим
Сквозь купол устремленный к небесам,
Как ось души, стоит неколебим
Без помощи шнуров и кольев – сам.
Неошутимым напряженьем уз
Любви и долга к почве прикреплен,
Своей наилегчайшей из обуз
Почти совсем не замечает он;
И лишь, когда натянется струна,
Осознает, что эта связь прочна.

Перевод Г. Кружкова

HAPPINESS MAKES UP IN HEIGHT
FOR WHAT IT LACKS IN LENGTH

Oh, stormy stormy world,
The days you were not swirled
Around with mist and cloud,
Or wrapped as in a shroud,
And the sun's brilliant ball
Was not in part or all
Obscured from mortal view—
Were days so very few
I can but wonder whence
I get the lasting sense
Of so much warmth and light.
If my mistrust is right
It may be altogether
From one day's perfect weather,
When starting clear at dawn,
The day swept clearly on
To finish clear at eve.
I verily believe
My fair impression may
Be all from that one day
No shadow crossed but ours
As through its blazing flowers
We went from house to wood
For change of solitude.

COME IN

As I came to the edge of the woods,
Thrush music—hark!
Now if it was dusk outside,
Inside it was dark.

Too dark in the woods for a bird
By sleight of wing
To better its perch for the night,
Though it still could sing.

СЧАСТЬЕ ВЫИГРЫВАЕТ В СИЛЕ ТО,
ЧТО ПРОИГРЫВАЕТ ВО ВРЕМЕНИ

О мир ветров и гроз!
Так много он пронес
Над нами туч слоистых,
Туманов водянистых
И обложных дождей,
Так мало было дней,
Не омрачивших тьмою,
Как траурной каймою,
Безоблачную гладь,—
Что можно лишь гадать,
Чем так душа согрета,
Каким избытком света—
Не тем ли ярким днем,
Что вывел нас вдвоем
В распахнутые двери?
Воистину я верю,
Что в нем все дело, в нем!
Лучился оком,
Цветы глаза слепили.
И мы с тобою были
Одни, совсем одни—
На солнце и в тени.

Перевод Г. Кружкова

ВОЙДИ!

Только я до опушки дошел,
Слышу—песня дрозда!
А в полях уже сумрак стоял,
А в лесу—темнота.

Так темно было птице в лесу,
Что она б не могла
Даже ветку свою разглядеть,
Даже перья крыла.

The last of the light of the sun
That had died in the west
Still lived for one song more
In a thrush's breast.

Far in the pillared dark
Thrush music went—
Almost like a call to come in
To the dark and lament.

But no, I was out for stars:
I would not come in.
I meant not even if asked,
And I hadn't been.

I COULD GIVE ALL TO TIME

To Time it never seems that he is brave
To set himself against the peaks of snow
To lay them level with the running wave,
Nor is he overjoyed when they lie low,
But only grave, contemplative and grave.

What now is inland shall be ocean isle,
Then eddies playing round a sunken reef
Like the curl at the corner of a smile;
And I could share Time's lack of joy or grief
At such a planetary change of style.

I could give all to Time except—except
What I myself have held. But why declare
The things forbidden that while the Customs slept
I have crossed to Safety with? For I am There,
And what I would not part with I have kept.

Но последние отблески дня,
Что потух за холмом,
Еще грели певца изнутри
Ускользавшим теплом.

Далеко между мрачных колонн
Тихий посвист звучал,
Словно ждал и манил за собой
В темноту и печаль.

Но никак не хотелось – от звезд –
В этот черный провал,
Если б даже позвали: «Войди!»
Но никто не позвал.

Перевод Г. Кружкова

ПУСТЬ ВРЕМЯ ВСЕ ВОЗЬМЕТ

Нет, Время это подвигом не мнит –
Разрушить горный пик до основания,
В песок прибрежный превратить гранит;
Без огорченья и без ликованья
На дело рук своих оно глядит.

И вот – на месте вздыбленного кряжа
Мелькнет насмешливым изгибом рта
Зализанный волнами контур пляжа...
Да, сдержанность – понятная черта
Пред этой вечной сменой пейзажа.

Пусть Время все возьмет! Мой скарб земной –
Да будет он изъят и уничтожен.
Зато я сберегу любой ценой
То, что провез я мимо всех таможен:
Оно – мое, оно всегда со мной.

Перевод Г. Кружкова

CARPE DIEM

Age saw two quiet children
Go loving by at twilight,
He knew not whether homeward,
Or outward from the village,
Or (chimes were ringing) churchward.
He waited (they were strangers)
Till they were out of hearing
To bid them both be happy.
'Be happy, happy, happy,
And seize the day of pleasure.'
The age-long theme is Age's.
'Twas Age imposed on poems
Their gather-roses burden
To warn against the danger
That overtaken lovers
From being overflowed
With happiness should have it
And yet not know they have it.
But bid life seize the present?
It lives less in the present
Than in the future always,
And less in both together
Than in the past. The present
Is too much for the senses,
Too crowding, too confusing—
Too present to imagine.

THE WIND AND THE RAIN

I

That far-off day the leaves in flight
Were letting in the colder light.
A season-ending wind there blew
That as it did the forest strew
I leaned on with a singing trust
And let it drive me deathward too.

CARPE DIEM

Старик, взглядевшись в сумрак,
Заметил двух влюбленных,
Бредущих то ли к дому,
То ли в лесок соседний,
То ли на звон церковный.
Он колебался: можно ль
Окликнуть незнакомцев,
Чтоб пожелать им счастья.
(Промедлил, не решился.)
«Живите, наслаждайтесь,
Ловите миг счастливый!» –
Припев извечный старых.
То Старость, призывая
Срывать молодые розы,
Старается стихами
Предостеречь влюбленных,
Которые от счастья,
Того гляди, забудут,
Что счастьем обладают.
Но как ловить мгновенье?
Оно скорей в грядущем,
Чем в настоящем миге.
А и того вернее –
В минувшем. Мир текущий
Тревожен, взвихрен, спутан
И чересчур к нам близок,
Чтобы его увидеть.

Перевод Г. Кружкова

ВЕТЕР И ДОЖДЬ

I

Я вспомнил через много лет
Летающий лист, холодный свет,
Осенних вихрей свист и вой...
На ветер опершись спиной,
Я пел, вернее, подвывал
В самозабвении слепом,

With breaking step I stabbed the dust,
Yet did not much to shorten stride.
I sang of death—but had I known
The many deaths one must have died
Before he came to meet his own!
Oh, should a child be left unwarned
That any song in which he mourned
Would be as if he prophesied?
It were unworthy of the tongue
To let the half of life alone
And play the good without the ill.
And yet 'twould seem that what is sung
In happy sadness by the young
Fate has no choice but to fulfill.

II

Flowers in the desert heat
Contrive to bloom
On melted mountain water led by flume
To wet their feet.
But something in it still is incomplete.
Before I thought the wilted to exalt
With water I would see them water-bowed.
I would pick up all ocean less its salt,
And though it were as much as cloud could bear
Would load it on to cloud,
And rolling it inland on roller air,
Would empty it unsparing on the flower
That past its prime lost petals in the flood,
(Who cares but for the future of the bud?)
And all the more the mightier the shower
Would run in under it to get my share.

'Tis not enough on roots and in the mouth,
But give me water heavy on the head
In all the passion of a broken drouth.

And there is always more than should be said.

As strong is rain without as wine within,
As magical as sunlight on the skin.

А ветер сзади подпирал
И мчал меня, как листьев ком.
Я пел о смерти—но не знал,
Как много умираний ждет
Живущего. Когда б на миг
Певец неопытный постиг,
Какая вещая тоска
В нем жалуется и поет!
Нет, недостойно языка
О темном умолчать, одной
Любуясь светлой стороной.
Ведь то, о чем поет дитя,
И обмирая, и грустя,—
Все, все исполнится судьбой.

II

Цветы пустынь живут,
Довольствуясь водой,
Которую с вершины снеговой
К ним по канавкам вырытым ведут.
И все же тут какой-то есть изъян;
Чтобы ростку от влаги распрямиться,
Сперва под ливнем должен он склониться.
Я поднял бы на воздух океан
Одной огромной облачною тушей,
Закрывшей небеса из края в край,
И, прокатив торжественно над сушей,
Всю, не скупясь, опорожнил
Над распустившимся цветком: пускай
Уносит лепестки потоп кипучий
(Лишь бы бутонам он не повредил!)—
И сам бы встал под брызжущую тучей.

Вода—не только для корней и губ.
Пускай всего меня поток омоет,
Пусть хлещет по плечам, могуч и груб.

Есть то, чего и объяснять не стоит.

Дождь—как вино (такой в нем хмель сокрыт),
Как солнце, что ласкает и пьянит.

I have been one no dwelling could contain
When there was rain;
But I must forth at dusk, my time of day,
To see to the unburdening of skies.
Rain was the tears adopted by my eyes
That have none left to stay.

THE MOST OF IT

He thought he kept the universe alone;
For all the voice in answer he could wake
Was but the mocking echo of his own
From some tree-hidden cliff across the lake.
Some morning from the boulder-broken beach
He would cry out on life, that what it wants
Is not its own love back in copy speech,
But counter-love, original response.
And nothing ever came of what he cried
Unless it was the embodiment that crashed
In the cliff's talus on the other side,
And then in the far distant water splashed.
But after a time allowed for it to swim,
Instead of proving human when it neared
And someone else additional to him,
As a great buck it powerfully appeared,
Pushing the crumpled water up ahead,
And landed pouring like a waterfall,
And stumbled through the rocks with horny tread,
And forced the underbrush—and that was all.

TO A YOUNG WRETCH

(Boethian)

As gay for you to take your father's ax
As take his gun—rod—to go hunting—fishing.
You nick my spruce until its fiber cracks.
It gives up standing straight and goes down swishing.

Всю жизнь не мог я усидеть под крышей,
Дождь на дворе слыша.
Я выбегал, какой бы ни был час,
В ночь и в туман, под громы и под грозы.
И дождь катился по щекам, как слезы
Моих давным-давно иссякших глаз.

Перевод Г. Кружкова

И ЭТО – ВСЕ

Весь мир, казалось, вымер или спал;
Кричи иль не кричи – не добудиться.
Лишь из-за озера, с лесистых скал,
Взлетало эхо, как шальная птица.
Он требовал у ветра, у реки,
У валунов, столпившихся сурово,
Не отголоска собственной тоски,
А встречного участия живого.
Но тщетны были и мольба, и зов,
Когда внезапно там, на дальнем склоне,
Раздался торопливый треск кустов
И кто-то с ходу, словно от погони
Спасаясь, бросился с размаху вплавь –
И постепенно с плеском и сопеньем
Стал приближаться, оказавшись въявь
Не человеком, а большим оленем,
Что встал из озера, в ручьях воды,
Взошел на камни, мокрый и блестящий,
И, оставляя темные следы,
Вломился снова в лес – и скрылся в чаще.

Перевод Г. Кружкова

НЕИЗВЕСТНОМУ СОРВАНЦУ

(Беотийское)

Горя азартом, как перед рыбалкой,
Схватил топор отцовский – и пошел;
Нет, елочки моей тебе не жалко,
Ты с двух ударов подрубаешь ствол,

You link an arm in its arm and you lean
Across the light snow homeward smelling green.

I could have bought you just as good a tree
To frizzle resin in a candle flame,
And what a saving 'twould have meant to me.
But tree by charity is not the same
As tree by enterprise and expedition.
I must not spoil your Christmas with contrition.

It is your Christmases against my woods.
But even where thus opposing interests kill,
They are to be thought of as opposing goods
Oftener than as conflicting good and ill;
Which makes the war god seem no special dunce
For always fighting on both sides at once.

And though in tinsel chain and popcorn rope,
My tree a captive in your window bay
Has lost its footing on my mountain slope
And lost the stars of heaven, may, oh, may
The symbol star it lefts against your ceiling
Help me accept its fate with Christmas feeling.

TO A MOTH SEEN IN WINTER

Here's first a gloveless hand warm from my pocket,
A perch and resting place 'twixt wood and wood,
Bright-black-eyed silvery creature, brushed with brown,
The wings not folded in repose, but spread.
(Who would you be, I wonder, by those marks
If I had moths to friend as I have flowers?)
And now pray tell what lured you with false hope
To make the venture of eternity
And seek the love of kind in wintertime?
But stay and hear me out. I surely think
You make a labor of flight for one so airy,
Spending yourself too much in self-support.
Nor will you find love either nor love you.

Берешь под ручку и влечешь с собою
Дикарку леса, пахнущую хвоей.

Я бы купил тебе (о том ли речь?)
Другую – попушистей этой – елку,
Лишь бы свои посадки уберечь.
Но что в благотворительности толку
И что без приключений Рождество?
Ты прав: не будем омрачать его.

Твой праздник с рощицей моей в раздоре;
Но даже там, где бездна пролегла,
Гораздо чаще речь идет о споре
Добра с добром, а не добра и зла:
Вот почему двурушничают боги,
Когда мы к ним взываем о подмоге.

И пусть, опутанная мишурой,
Ель-пленница в своей тоске зеленой
Разлучена с небесною звездой –
Стеклянная звезда – ее корона –
Пускай и мне издалека блеснет,
Чтоб с легким сердцем встретить Новый год.

Перевод Г. Кружкова

МОТЫЛЬКУ, ВСТРЕЧЕННОМУ ЗИМОЙ

Вот тебе теплая моя рука,
Согретая в кармане, – приземляйся,
Серебряный лоскутик черноглазый,
Что отдыхает, распуская крылья
В накрапах бурых. (Я б назвал тебя,
Дружи я с бабочками, как с цветами.)
Скажи-ка мне теперь, как ты рискнул
Пуститься на такую авантюру:
Зимой любимую себе искать?
Нет, погоди, дослушай! Я-то вижу,
Во что они обходятся тебе –
Полет и непосильная свобода.
Не обретешь ты пары, не мечтай.

And what I pity in you is something human,
The old incurable untimeliness,
Only begetter of all ills that are.
But go. You are right. My pity cannot help.
Go till you wet your pinions and are quenched.
You must be made more simply wise than I
To know the hand I stretch impulsively
Across the gulf of well nigh everything
May reach to you, but cannot touch your fate.
I cannot touch your life, much less can save,
Who am tasked to save my own a little while.

A SERIOUS STEP LIGHTLY TAKEN

Between two burrs on the map
Was a hollow-headed snake.
The burrs were hills, the snake was a stream,
And the hollow head was a lake.

And the dot in *front* of a name
Was what should be a town.
And there might be a house we could buy
For only a dollar down.

With two wheels low in the ditch
We left our boiling car,
And knocked at the door of a house we found,
And there today we are.

It is turning three hundred years
On our cisatlantic shore
For family after family name.
We'll make it three hundred more

For our name farming here,
Aloof yet not aloof,
Enriching soil and increasing stock,
Repairing fence and roof;

Есть что-то человечье в этой доле,
Извечное глухое невезенье,
Несовпадение сроков и судьбы.
Ты прав, что толку сожалеть! Лети же,
Пока ты не погаснешь на ветру.
Должно быть, мудрости твоей нехитрой
Хватило догадаться, что рука,
Протянутая мной произвольно
Над бездной, разделившей нас с тобой,
Зла не таит и жизнь твою не сгубит.
Не сгубит, верно; но и не спасет.
Мне бы свою продлить еще немного.

Перевод Г. Кружкова

СЕРЬЕЗНЫЙ ШАГ, ПРЕДПРИНЯТЫЙ ШУТЯ

На карте меж двух холмов,
Похожих на два репейных пучка,
Лежал головастик с тонким хвостом—
Озеро и река.

А точка рядом была,
Наверное, городком,
Где мы бы с тобой могли купить—
Буквально задаром—дом.

Заглушив усталый мотор,
Мы постучались в дверь,
Вошли в чужой, незнакомый дом,
И нашим он стал теперь.

Немало за триста лет
Сменилось в этом краю
Старых фамилий, старых семей.
А мы утвердили свою

На триста грядущих лет—
И будем землю пахать,
Крышу чинить, разводить коров,
Изгородь подправлять.

A hundred thousand days
Of front-page paper events,
A half a dozen major wars,
And forty-five presidents.

A CONSIDERABLE SPECK

(Microscopic)

A speck that would have been beneath my sight
On any but a paper sheet so white
Set off across what I had written there.
And I had idly poised my pen in air
To stop it with a period of ink
When something strange about it made me think.
This was no dust speck by my breathing blown,
But unmistakably a living mite
With inclinations it could call its own.
It paused as with suspicion of my pen,
And then came racing wildly on again
To where my manuscript was not yet dry;
Then paused again and either drank or smelt--
With loathing, for again it turned to fly.
Plainly with an intelligence I dealt.
It seemed too tiny to have room for feet,
Yet must have had a set of them complete
To express how much it didn't want to die.
It ran with terror and with cunning crept.
It faltered: I could see it hesitate;
Then in the middle of the open sheet
Cower down in desperation to accept
Whatever I accorded it of fate.
I have none of the tenderer-than-thou
Collectivistic regimenting love
With which the modern world is being swept.
But this poor microscopic item now!
Since it was nothing I knew evil of
I let it lie there till I hope it slept.

Вот так будем жить да жить
И переживем спроста
Тысячу мод, дюжину войн
И президентов полста.

Перевод Г. Кружкова

НЕОБЫЧНАЯ КРАПИНКА

(Микроскопическое)

Я б эту крапинку и не заметил,
Не будь бумажный лист так ярко светел;
Она ползла куда-то поперек
Еще местами не просохших строк.
Уж я перо занес без размышленья –
Пресечь загадочное шевеленье,
Но, приглядевшись, понял: предо мной –
Не просто крохотная шелушинка,
Колеблемая выдохом пушинка,
Нет, эта крапинка была живой!
Она помедлила настороженно,
Вильнула – и пустилась наутек;
На берегу чернильного затона
Понюхала – иль отпила глоток –
И опрометью бросилась обратно,
Дрожа от ужаса. Невероятно,
Но факт: ей не хотелось умирать,
Как всякому из мыслящих созданий;
Она бежала, падала, ползла
И, наконец, безвольно замерла
И съежилась, готовая принять
Любую участь от всеильной длани.
Я не могу (признаюсь честно в том)
Любить напропалую, без изъятий,
Как нынче модно, «наших меньших братьев».
Но эта кроха под моим пером! –
Рука не поднялась ее обидеть.
Да и за что бедняжку ненавидеть?

I have a mind myself and recognize
Mind when I meet with it in any guise.
No one can know how glad I am to find
On any sheet the least display of mind.

A LOOSE MOUNTAIN

(Telescopic)

Did you stay up last night (the Magi did)
To see the star shower known as Leonid
That once a year by hand or apparatus
Is so mysteriously pelted at us?
It is but fiery puffs of dust and pebbles,
No doubt directed at our heads as rebels
In having taken artificial light
Against the ancient sovereignty of night.
A fusillade of blanks and empty flashes,
It never reaches earth except as ashes
Of which you feel no least touch on your face
Nor find in dew the slightest cloudy trace.
Nevertheless it constitutes a hint
That the loose mountain lately seen to glint
In sunlight near us in momentous swing
Is something in a Balearic sling
The heartless and enormous Outer Black
Is still withholding in the Zodiac
But from irresolution in his back
About when best to have us in our orbit,
So we won't simply take it and absorb it.

THE DISCOVERY OF THE MADEIRAS

A stolen lady was coming on board,
But whether stolen from her wedded lord
Or from her own self against her will
Was not set forth in the lading bill.

Я сам разумен и ценю весьма
Любое проявление ума.
О, я готов облобызать страницу,
Найдя на ней разумную круплицу!

Перевод Г. Кружкова

БЛУЖДАЮЩАЯ ГОРА

(Астрономическое)

Быть может, эту ночь проспали вы;
Но если бодрствовали (как волхвы),
То видели, наверно, ливень звездный –
Летающий блеск, таинственный и грозный?
То – Леониды, метеорный град;
Так небеса, разбушевавшись, мстят
Мятежникам, что свет свой сотворили,
Как вызов Ночи – темной древней силе.
Все эти вспышки – холостой салют,
Они лишь пеплом до земли дойдут –
Столь мелким, что и в утренней росинке
Не сыщешь ни единой порошинки.
И все же в этом знаменье сокрыт
Намек на то, что есть шальной болид,
Гора, что в нас пращою балеарской
Нацелена со злобою дикарской;
И эту гору беспощадный Мрак
От нас покуда прячет в Зодиак
И хладнокровно, как перед мишенью,
Лишь выжидает верного мгновенья,
Когда ее сподручней в нас метнуть –
Чтоб мы не увернулись как-нибудь.

Перевод Г. Кружкова

ОТКРЫТИЕ МАДЕЙРСКИХ ОСТРОВОВ

Беглянку на борт ночью взяли!
Сама бежала – иль украли
Силком, а то – из-под венца, –
О том ни слуха, ни словца,

A stolen lady was all it said.
She came down weakly and blindly led
To the darkening windy village slip.
She would not look at the fateful ship.
Her lover to make the ordeal swift
Had to give her the final lift
And force her farewell step off shore.
The way she clung to him the more
Seemed to argue perhaps she went
Not entirely without consent.
But with no companion of womankind
To leave the English law behind
And sail for some vague Paphian bourn
Began already to seem forlorn.

It did more distance up and down,
Their little stormy ship, than on.
Now it took a fitful run,
Now standing cracked its sail and spun;
Now stood upon its bulging prow
Till the pirate sailors made a vow
Of where they would go on pilgrimage
If God would spare them to die of age.
When the clap of two converging waves
Failed to crush their barrel staves,
Or the wind to snap their walking stick,
They laughed as if they had turned a trick.

This was no lady's time of year.
For long the lady would disappear,
And might be rolling dead below
For all the crew were let to know.
But when the ocean's worst had passed
She was carried out beside the mast,
Where all day long she lay and dozed.
Or she and her lover would sit opposed
And darkly drink each other's eyes
With faint head shakings, no more wise.
The most he asked her eyes to grant
Was that in what she does not want
A woman wants to be overruled.
Or was the instinct in him fooled?

И прочерк в судовом журнале...
Корабль томился на причале,
Она, бессильной и слепой,
Томилась собственной судьбой,
Покинув прежнюю обитель.
И торопливый похититель
По доскам, сброшенным впотьмах,
Пронес добычу на руках.
То, как она к нему прижалась,
Скорее сговором казалось,
Чем похищением... Закон,
Семья, подруги, Альбион –
Остались позади! Темнело
Пред ней пространство без предела.

Путь каравеллы был непрямым:
Ее крутило по волнам,
Несло, как щепку, в непогоду.
То зарывалась носом в воду,
А то ныряла вдруг кормой,
Пока пиратов сброд лихой
Не принимался вслух молиться,
Клянясь к паломникам прибиться.
Но прояснялись небеса,
И поднимались паруса,
И обещанья забывали,
Как будто ввек их не давали.

Такие бури не для дам –
И ждал бы даму стыд и срам
И смерть в утробе океана,
Но непреклонность капитана
Мешала козням матросни.
И вот прошли дурные дни,
И вышла вместе с ненаглядным;
Впились друг в дружку взором жадным,
Покачивают головой –
И дела нет ни до кого.
Он вопрошал: зачем бежали,
Но вопрошанья обижали,
Решал бы лучше за двоих.
Иль голос крови в нем затих?

He knew not, neither of them knew.
They could only say like any two,
'You tell me and I'll tell you.'

Sometimes with her permissive smile
He left her to her thoughts awhile
And went to lean against the rail,
And let the captain tell him a tale.
(He had to keep the captain's favor.)
The ship it seemed had been a slaver.
And once they had shipped a captive pair
Whose love was such they didn't care
Who took in them onlooker's share.
Well, when at length the fever struck
That spoils the nigger-trader's luck
The man was among the first it took.
'Throw him over alive,' they said,
'Before the thing has time to spread.
You've got to keep the quarters clean.'
But the girl fought them and made a scene.
She was a savage jungle cat
It was easy to be angry at;
Which put the thought into someone's head
Of the ocean bed for a marriage bed.
Some Tom said to Dick or Harry:
'Apparently these two ought to marry.
We get plenty funerals at sea.
How for a change would a wedding be?—
Or a combination of the two,
How would a funeral-wedding do?
It's gone so far she's probably caught
Whatever it is the nigger's got.'
They bound them naked so they faced
With a length of cordage about the waist,
Many lovers have been divorced
By having what is free enforced.
But presence of love these had in death
To kiss and drink each other's breath
Before they were hurled from the slaver's deck.
They added clasps about the neck
And went embraced to the cold and dark
To be their own marriage feast for the shark.

Но он не знал, она не знала,
Не то бы, может, подсказала.
«Скажи мне».— «Сам скажи сначала».

Бывало, жалкой и несчастной
(С улыбкою, на все согласной)
Он оставлял ее одну
И капитану-хвастуну
Внимал—он от него зависел.
А тот, не помня мест и чисел,
Рассказывал, как вез рабов
И в их толпе—двоих влюбленных,
Не замечающих оков
И глаз сторонних... Вдруг—чума,
И тот, влюбленный без ума,
Был первым в списке зачумленных.
«Заразный—значит, за борт!»— Вот
Какой исход больного ждет.—
«Не то мы все тут околеем!»
Ну, а влюбленная? Она—
Пантера, львица, сатана—
Решила помешать злодеям.
Вдруг кто-то крикнул: «А раз так,
Не обвенчать ли бедолаг?
Ведь обезумела девица.
В воде хороним мы давно,
Но если вздумали жениться,
Пускай вдвоем идут на дно!
Пускай не свадьба, не поминки—
А кое-что посерединке.
К тому ж она наверняка
И заразилась от дружка!»
Лицом к лицу, с нагим нагую,
Пенькой скрутили их втугую.—
Насильно близость не мила
И рушит пары без числа,
Но эту—смерть не разлучила:
Впились друг в дружку что есть силы,
Никто кольца не разомкнул.—
И с палубы упали вместе—
Жених, прикрученный к невесте,—
Спеша на пиршество акул.

When after talk with other men
A man comes back to a woman again
He tells her as much of blood and dirt
As he thinks will do her not too much hurt.
'What was the pirate captain's chaff?
He laughed but he did not make you laugh.
The jest seemed his and the plaudits his.
I heard him shout "What a thing it is!"
Some standing jest between you men?
Don't tell me if you don't want to then.'
Whereat in a moment of cross unruth
He thought, 'All right if you want the truth!
'I don't believe it! It isn't true!
It never happened! Did it, you?'
Seeing no help in wings or feet
She withdrew back in self-retreat
Till her heart almost ceased to beat.
Her spirit faded as far away
As the living ever go yet stay.
And her thought was she had had her pay.

He said to the captain, 'Give command,
And bring us to the nearest land;
And let us try an untossed place
And see if it will help her case.'
They brought her to a nameless isle.
And the ship lay in the bay for a while
Waiting to see if she would mend;
But sailed and left them in the end.
Her lover saw them sail away,
But dared not tell her all one day.
For slowly even her sense of him
And love itself were growing dim.
He no more drew the smile he sought.
The story is she died of thought.

And when her lover was left alone
He stayed long enough to carve on stone
The name of the lady with his own
To be her only marriage lines.
And carved them round with a scroll of vines.

Когда, все новости в округе
Узнав, воротись к подруге,
Их пересказывая ей,
Опустишь вести поскверней.
«Что ты услышал от пирата?
Он хохотал как бесноватый.
Сам говорил, сам хохотал.
А ты терялся и молчал.
Наверно, пакостное что-то.
Не повторяй, раз неохота». —
И вдруг он, осерчав на миг,
Все выложил ей напрямик.
«Нет! я не верю! я не верю!
Не может быть! Какие звери!»
Ни улететь, ни убежать...
Единственной самозащитой
Казалось — прекратить дышать.
Над нею, заживо убитой,
Душа, уже отделена,
Витала... Вот всему цена!

Страх и ему закрался в душу.
«Скорей нас высади на сушу,—
Он капитану говорил,—
Она совсем лишилась сил».
Пред ними остров без названья.
Во исполнение пожеланья
Высаживают их и ждут,
Не лучше ли ей станет тут,—
И прочь уходят пред рассветом.
Он ей не смел сказать об этом —
Ей, непонятно отчего,
Бежавшей даже от него.
Их жертвы, их любовь — все прахом.
И умерла, убита страхом.

Наедине с собою, он
Переплетенье двух имен
На камне высек — но закон
Едва ли счел бы это браком,—
Плющом увил его и маком,

Then he gouged a clumsy sailing trough
From a fallen tree and pushing off
Safely made the African shore;
Where he fell a prisoner to the Moor.
But the Moor strangely enough believed
The tale of the voyage he had achieved,
And sent him to the King to admire.
He came at last to his native shire.
The island he found was verified.
And the bay where his stolen lady died
Was named for him instead of her.
But so is history like to err.
And soon it is neither here nor there
Whether time's rewards are fair or unfair.

THE LESSON FOR TODAY

If this uncertain age in which we dwell
Were really as dark as I hear sages tell,
And I convinced that they were really sages,
I should not curse myself with it to hell,
But leaving not the chair I long have sat in,
I should betake me back ten thousand pages
To the world's undebatably dark ages,
And getting up my medieval Latin,
Seek converse common cause and brotherhood
(By all that's liberal—I should, I should)
With poets who could calmly take the fate
Of being born at once too early and late,
And for these reasons kept from being great.
Yet singing but Dione in the wood
And *ver aspergit terram floribus*
They slowly led old Latin verse to rhyme
And to forget the ancient lengths of time,
And so began the modern world for us.

I'd say, O Master of the Palace School,
You were not Charles' nor anybody's fool:
Tell me as pedagogue to pedagogue,

Затем из бревен сделал плот
И выплыл в море, на восход,—
И, обойденный ураганом,
Все ж в плен попался мавританам.
Но мавритане в добрый час
Поверили в его рассказ
И, чтя британскую корону,
Домой вернули ветрогона.
На карту остров нанесли,
А ту лагуну нарекли,
Где умерла его подруга,
В честь—как всегда, все спутав,—друга.
На этом свете не поймешь,
Что лучше—правда или ложь.

Перевод В. Топорова

УРОК

Будь смутный век, в котором мы живем,
Воистину так мрачен, как о том
От мудрецов завзятых нам известно,
Я бы не стал его с налету клясть:
Мол, чтоб ему, родимому, пропасть!
Но, не сходя с насиженного кресла,
Веков с десятков отлистал бы вспять
И, наскребя латыни школьной крохи,
Рискнул бы по душам потолковать
С каким-нибудь поэтом той эпохи—
И вправду мрачной,—кто подозревал,
Что поздно родился иль слишком рано,
Что век совсем не подходящ для муз,
И все же пел Диону и Диану,
И *ver aspergit terram floribus*,
И старый стих латинский понемногу
К средневековой рифме подвигал
И выводил на новую дорогу.

Я бы сказал: «Ты не был никому
Шутом, ниже и Карлу самому;
Ответь мне, о глава Придворной школы,

You did not know that since King Charles did rule
You had no chance but to be minor, did you?
Your light was spent perhaps as in a fog
That at once kept you burning low and hid you.
The age may very well have been to blame
For your not having won to Virgil's fame.
But no one ever heard you make the claim.
You would not think you knew enough to judge
The age when full upon you. That's my point.
We have today and I could call their name
Who know exactly what is out of joint
To make their verse and their excuses lame.
They've tried to grasp with too much social fact
Too large a situation. You and I
Would be afraid if we should comprehend
And get outside of too much bad statistics
Our muscles never could again contract:
We never could recover human shape,
But must live lives out mentally agape,
Or die of philosophical distention.
That's how we feel—and we're no special mystics.

We can't appraise the time in which we act.
But for the folly of it, let's pretend
We know enough to know it for adverse.
One more millennium's about to end.
Let's celebrate the event, my distant friend,
In publicly disputing which is worse,
The present age or your age. You and I
As schoolmen of repute should qualify
To wage a fine scholastical contention
As to whose age deserves the lower mark,
Or should I say the higher one, for dark.
I can just hear the way you make it go:
There's always something to be sorry for,
A sordid peace or an outrageous war.
Yes, yes, of course. We have the same convention.
The groundwork of all faith is human woe.
It was well worth preliminary mention.

Открой, как педагогу педагог,—
С Вергилием равняться ты не мог,
Но виноват ли в этом век тяжелый?
Твой свет не проникнул глухую тьму;
Но та же тьма, храня, тебя скрывала.
Нет, ты на время не кивал нимало.
Ты понимал, что тот судья не прав,
Кто сам свою эпоху обвиняет,
Кто судит, выше времени не став.
Взять нынешних—они уж точно знают,
Какой у века вывихнут сустав:
Не оттого ли их стихи хромают?
Они пытались разом все объять,
Собрать в одну охапку, поднатужась,
Весь мусор фактов. Мы пришли бы в ужас,
Распухли бы от сведений дурных—
И никогда бы не сумели их
Переварить, от столбняка очнуться
И в образ человеческий вернуться,
А так и жили бы, разинув рот,
В духовном ступоре... Хоть мы с тобою
Совсем не мистики, наоборот.

Мы изнутри судить свой век не можем.
Однако—для примера—предположим,
Что он и в самом деле нехорош,
Ну что ж, далекий мой собрат, ну что ж!
Кончается еще тысячелетье.
Давай событье славное отметим
Ученым диспутом. Давай сравним
То темное средневековье с этим;
Чье хуже, чье кромешней—поглядим,
Померимся оружием своим
В заочном схоластическом сраженье.
Мне слышится, как ты вступаешь в пренья:
Есть гниль своя в любые времена,
Позорный мир, бесчестная война.
Что говорить, бесспорное сужденье.
В основе всякой веры—наша скорбь.
Само собою, так. Но плеч не горбь;

There's nothing but injustice to be had,
 No choice is left a poet, you might add,
 But how to take the curse, tragic or comic.
 It was well worth preliminary mention.
 But let's go on to where our cases part,
 If part they do. Let me propose a start.
 (We're rivals in the badness of our case,
 Remember, and must keep a solemn face.)
 Space ails us moderns: we are sick with space.
 Its contemplation makes us out as small
 As a brief epidemic of microbes
 That in a good glass may be seen to crawl
 The patina of this the least of globes.
 But have we there the advantage after all?
 You were belittled into vilest worms
 God hardly tolerated with his feet;
 Which comes to the same thing in different terms.
 We both are the belittled human race,
 One as compared with God and one with space.
 I had thought ours the more profound disgrace;
 But doubtless this was only my conceit.
 The cloister and the observatory saint
 Take comfort in about the same complaint.
 So science and religion really meet.

I can just hear you call your Palace class:
 Come learn the Latin *eheu* for alas.
 You may not want to use it and you may.
 O paladins, the lesson for today
 Is how to be unhappy yet polite.
 And at the summons Roland, Olivier,
 And every sheepish paladin and peer,
 Being already more than proved in fight,
 Sits down in school to try if he can write
 Like Horace in the true Horatian vein,
 Yet like a Christian disciplined to bend
 His mind to thinking always of the end.
Memento mori and obey the Lord.
 Art and religion love the somber chord.
 Earth's a hard place in which to save the soul,
 And could it be brought under state control,

Добавь, что справедливость невозможна
И для поэта выбор не велик –
Трагический иль шутовской парик.
Все это правильно и непреложно.
Ну, а теперь от сходства перейдем
К различью – если мы его найдем.
(Учти, мы соревнуемся в несчастье,
Но строго сохраняя беспристрастье.)
Чем современный разум нездоров?
Пространством, бесконечностью миров.
Мы кажемся себе, как в окуляре,
Под взглядами враждебными светил,
Ничтожною колонией бацилл,
Кишащих на земном ничтожном шаре.
Но разве только наш удел таков?
Вы тоже были горстью червяков,
Кишащих в прахе под стопою Божьей;
Что, как ни сравнивай, – одно и то же.
И мы, и вы – ничтожный род людской.
А для кого – для Космоса иль Бога,
Я полагаю, разницы немного.
Аскет обсерваторий и святой
Затворник, в сущности, единой мукой
Томятся и единою тщетою.
Так сходятся религия с наукой.

Я слышу, как зовешь ты на урок
Свой Палатинский класс. Узнайте ныне,
Значение eheu по-латыни –
«Увы!». Сие запоминайте впрок.
О рыцари, сегодняшний урок
Мы посвятим смиренью и гордыне.
И вот уже Роланд и Оливье
И все другие рыцари и пэры,
В сраженьях закаленные сверх меры,
Сидят на ученической скамье,
Твердя гораццианские примеры,
Притом, как чада христианской веры,
О кратком размышляя бытие.
Memento mori и Господь помилуй.
Богам и музам люб напев унылый.

So automatically we all were saved,
Its separateness from Heaven could be waived;
It might as well at once be kingdom-come.
(Perhaps it will be next millennium.)

But these are universals, not confined
To any one time, place, or human kind.
We're either nothing or a God's regret.
As ever when philosophers are met,
No matter where they stoutly mean to get,
Nor what particulars they reason from,
They are philosophers, and from old habit
They end up in the universal Whole
As unoriginal as any rabbit.

One age is like another for the soul.
I'm telling you. You haven't said a thing,
Unless I put it in your mouth to say.
I'm having the whole argument my way—
But in your favor—please to tell your King—
In having granted you all ages shine
With equal darkness, yours as dark as mine.
I'm liberal. You, you aristocrat,
Won't know exactly what I mean by that.
I mean so altruistically moral
I never take my own side in a quarrel.
I'd lay my hand on his hand on his staff,
Lean back and have my confidential laugh,
And tell him I had read his Epitaph.

It sent me to the graves the other day.
The only other there was far away
Across the landscape with a watering pot
At his devotions in a special plot.
And he was there resuscitating flowers
(Make no mistake about its being bones);
But I was only there to read the stones
To see what on the whole they had to say
About how long a man may think to live,
Which is becoming my concern of late.
And very wide the choice they seemed to give;
The ages ranging all the way from hours
To months and years and many many years.

Спасение души – нелегкий труд.
Но если под контролем государства
Спасаться, то рассеются мытарства,
Обетованное наступит царство
И небеса на землю низойдут
(В грядущем, видимо, тысячелетье).

Оно второе будет или третье –
Неважно. Аргумент весом вполне
В любое время и в любой стране.
Мы – иль ничто, иль Божье междометье.
Ну, наконец приехали! Маршрут,
Для всех философов обыкновенный:
С какой они посылки ни начнут,
Опять к универсалиям придут,
Сведут в конце концов на Абсолют
И ну жевать его, как лошадь – сено.

А для души – что этот век, что тот.
Ты можешь мне поверить наперед:
Ведь это я в твои уста влагаю
Слова. Я гну свое, но подкрепляю
Твою позицию – так королю
И передай. Эпоха мрачновата
Всегда – твою ли взять или мою.
Я – либерал. Тебе, аристократу,
И невдомек, что значит либерал.
Изволь: я только подразумевал
Такую альтруистскую натуру,
Что вечно жаждет влезть в чужую шкуру.
И я бы тронул руку старика,
Сжимающую посох, и слегка
Откинулся бы в кресле, потянувшись,
И, усмехнувшись про себя, сказал:
«Я «Эпитафию» твою читал».

На днях забрел я на погост. Аллейки
В то утро были сиры и пусты.
Лишь кто-то вдалеке кропил из лейки
В оградке тесной чахлые цветы
(Как будто воскресить хотел подобья
Ушедших лиц). А я читал надгробья,

One man had lived one hundred years and eight.
But though we all may be inclined to wait
And follow some development of state,
Or see what comes of science and invention,
There is a limit to our time extension.
We all are doomed to broken-off careers,
And so's the nation, so's the total race.
The earth itself is liable to the fate
Of meaninglessly being broken off.
(And hence so many literary tears
At which my inclination is to scoff.)
I may have wept that any should have died
Or missed their chance, or not have been their best,
Or been their riches, fame, or love denied;
On me as much as any is the jest.
I take my incompleteness with the rest.
God bless himself can no one else be blessed.

I hold your doctrine of *Memento Mori*.
And were an epitaph to be my story
I'd have a short one ready for my own.
I would have written of me on my stone:
I had a lover's quarrel with the world.

Прикидывая в целом, что за срок
Отпущен человеку – к этой теме
Все более меня склоняет время.
И выбор был изысканно широк:
Часы, и дни, и месяцы, и годы.
Один покойник жил сто восемь лет...
А было бы недурно ждать погоды
У моря, пожинать плоды побед
Научных – и приветствовать открытия,
И наблюдать дальнейшее развитие
Политики, искусств и прочих дел,
Но притязаньям нашим есть предел.
Мы все на крах обречены в финале;
Всех, кто когда-то что-то начинал,
И Землю в целом ждет один финал.
Отсюда столько в прозе и в стихах
Слезоточивой мировой печали.
(На что я лично искренне чихал.)
Утрата жизни, денег иль рассудка,
Забвенье, боль отверженной любви –
Я видел все. Господь благослови...
Кого же? Вот бессмысленная шутка.
Раз никому судьбы не обороть,
Да сам себя благословит Господь!

Я помню твой завет: Memento mori,
И если бы понадобилось вскоре
Снабдить надгробной надписью мой прах,
Вот эта надпись в нескольких словах:
Я с миром пребывал в любовной ссоре.

Перевод Г. Кружкова

**Steeple
Bush**

Таволга

A YOUNG BIRCH

The birch begins to crack its outer sheath
Of baby green and show the white beneath,
As whosoever likes the young and slight
May well have noticed. Soon entirely white
To double day and cut in half the dark
It will stand forth, entirely white in bark,
And nothing but the top a leafy green—
The only native tree that dares to lean,
Relying on its beauty, to the air.
(Less brave perhaps than trusting are the fair.)
And someone reminiscent will recall
How once in cutting brush along the wall
He spared it from the number of the slain,
At first to be no bigger than a cane,
And then no bigger than a fishing pole,
But now at last so obvious a bole
The most efficient help you ever hired
Would know that it was there to be admired,
And zeal would not be thanked that cut it down
When you were reading books or out of town.
It was a thing of beauty and was sent
To live its life out as an ornament.

SOMETHING FOR HOPE

At the present rate it must come to pass
And that right soon that the meadow sweet
And steeple bush not good to eat
Will have crowded out the edible grass.

МОЛОДАЯ БЕРЕЗА

Младенчески зеленый внешний слой
Береза отделяет, белизной
Пленяя; кто умеет наблюдать,
Тот знает это. Белая, стоять,
Удваивая день и тьму тесня,
Ей нравится в сиянье летнем дня,
И лишь ее верхушка зелена –
На воздух опирается она
Единственная средь пород лесных.
(Прекрасные доверчивей других.)
И кто-то вспомнит, может быть, как он
Рубил кусты, работой увлечен,
И пощадил ее, вблизи стены
Растущую, тростиночки, струны
Не толще, – как удилище потом
Была, чтоб стать теперь таким стволом,
Что и работник ваш сообразит,
Что неспроста красавица стоит,
Не для того, чтоб он ее срубил,
Когда, положим, ты в отъезде был.
Она затем и послана сюда,
Чтоб не иссякла в мире красота.

Перевод А. Кушнера

ЕСТЬ НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ

Коль дело так пойдет, увы,
Здесь будет таволга одна,
Всю массу вытеснит она
Пригодной для скота травы.

Then all there is to do is wait
For maple birch and spruce to push
Through meadow sweet and steeple bush
And crowd them out at a similar rate.

No plow among these rocks would pay.
So busy yourself with other things
While the trees put on their wooden rings
And with long-sleeved branches hold their sway.

Then cut down the trees when lumber grown,
And there's your pristine earth all freed
From lovely blooming but wasteful weed
And ready again for the grass to own.

A cycle we'll say of a hundred years.
Thus foresight does it and laissez-faire,
A virtue in which we all may share
Unless a government interferes.

Patience and looking away ahead,
And leaving some things to take their course.
Hope may not nourish a cow or horse,
But *spes alit agricolam* 'tis said.

AN UNSTAMPED LETTER IN OUR RURAL LETTER BOX

Last night your watchdog barked all night
So once you rose and lit the light.
It wasn't someone at your locks.
No, in your rural letter box
I leave this note without a stamp
To tell you it was just a tramp
Who used your pasture for a camp.
There pointed like the pip of spades
The young spruce made a suite of glades
So regular that in the dark
The place was like a city park.

Тогда придется ждать, пока
Березок поросль, ель и клен
В конце концов прогонят вон
Сорняк душистый, как врага.

Пахать не станешь средь камней,
Займись другим, покуда мал
Лесок, явившийся меж скал
В пушистой зелени ветвей.

Но вот он пышную листву
Раскинул, вымахал, густой.
Теперь вали шатер лесной,
Чтоб снова вырастить траву.

Лет сто на этот цикл уйдет.
Здесь невмешательство нужней
Стараний наших и затей,
Всему в природе свой черед.

Предвиденье поможет нам,
Итак, оставим все как есть.
Надежду скот не станет есть,
Но *spes alit agricolam*.

Перевод А. Кушнера

ПИСЬМО БЕЗ МАРКИ В НАШЕМ СЕЛЬСКОМ ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ

Вы свет зажгли во тьме ночной—
Так лаял пес сторожевой.
Вам ни к чему бояться краж.
То я в почтовый ящик ваш
Письмо без марки сунул в щель,
Чтоб знали вы, что я постель
Средь ваших высмотрел земель.
Над ней, как пиковая масть,
Чернела елочка, как часть
Узора, с четкостью такой,
Что парк я вспомнил городской.

There I elected to demur
Beneath a low-slung juniper
That like a blanket to my chin
Kept some dew out and some heat in,
Yet left me freely face to face
All night with universal space.
It may have been at two o'clock
That under me a point of rock
Developed in the grass and fern,
And as I woke afraid to turn
Or so much as uncross my feet,
Lest having wasted precious heat
I never should again be warmed,
The largest firedrop ever formed
From two stars' having coalesced
Went streaking molten down the west.
And then your tramp astrologer
From seeing this undoubted stir
In Heaven's firm-set firmament,
Himself had the equivalent,
Only within. Inside the brain
Two memories that long had lain,
Now quivered toward each other, lipped
Together, and together slipped;
And for a moment all was plain
That men have thought about in vain.
Please, my involuntary host,
Forgive me if I seem to boast.
'Tis possible you may have seen,
Albeit through a rusty screen,
The same sign Heaven showed your guest.
Each knows his own discernment best.
You have had your advantages.
Things must have happened to you, yes,
And have occurred to you no doubt,
If not indeed from sleeping out,
Then from the work you went about
In farming well—or pretty well.
And it is partly to compel
Myself, *in forma pauperis*,
To say as much I write you this.

Там ночью в воздухе сыром
Я можжевельным кустом,
Как одеялом, был накрыт,
Под ним во тьме не так знобит
И виден в прорезях ветвей
Огромный лик вселенной всей.
Часам, быть может, к двум в ночной
Тьме камень вырос подо мной
И сквозь траву уперся в бок,
Но повернуться я не мог,
Боясь блаженное тепло
Утратить – словно обожгло
В тот миг таинственный меня:
То капля звездного огня
Из чудом слившихся двух звезд
Помчалась, выгнув белый хвост.
И я, астролог ваш, узрев
Волнение это, присмирив,
Под блеском этим проливным
В себе отметил сходство с ним:
Две вещи, жившие в мозгу
Раздельно, слились на бегу
И, как Огонь Небесный тот,
Пересекли мой небосвод;
И проступило то из тьмы,
Над чем до смерти бьемся мы.
Рассказывая об огне,
Не хвастаюсь, поверьте мне,
Могли и вы увидеть знак,
Что был нам послан, если мрак
За ветхой шторкой вас привлек.
Исполнит каждый свой урок.
Свои заслуги есть у вас,
И разных случаев запас
Накоплен, пусть не потому,
Что спали в поле. Но тому,
Кто так на ферме и в дому
Своем работает, забот
Не счесть, – поэтому-то вот
Пишу о том, что видел сам
In forma raupetis вам.

Перевод А. Кушнера

TO AN ANCIENT

Your claims to immortality were two.
The one you made, the other one you grew.
Sorry to have no name for you but You.

We never knew exactly where to look,
But found one in the delta of a brook,
One in a cavern where you used to cook.

Coming on such an ancient human trace
Seems as expressive of the human race
As meeting someone living face to face.

We date you by your depth in silt and dust
Your probable brute nature is discussed.
At which point we are totally nonplussed.

You made the eolith, you grew the bone,
The second more peculiarly your own,
And likely to have been enough alone.

You make me ask if I would go to time
Would I gain anything by using rhyme?
Or aren't the bones enough I live to lime?

THE MIDDLENESS OF THE ROAD

The road at the top of the rise
Seems to come to an end
And take off into the skies.
So at the distant bend

It seems to go into a wood,
The place of standing still
As long the trees have stood.
But say what Fancy will,

The mineral drops that explode
To drive my ton of car

ДРЕВНЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

В бессмертии твоём есть две черты,
Вращенные тобой средь темноты.
О, разреши мне быть с тобой на Ты.

Не знали точно, где и что найдем,
Но вот нашли в пещере над ручьем
То, что назвать позволю твоим жильем.

Следы столь древни, все-таки по ним
Узнали всё, над прахом дорогим
Склоняюсь, как если б встретились с живым.

Определили по земным пластам
Мы возраст твой, по илу и камням.
Представить нрав твой страшно было нам.

Ты эолит создал и кость взрастил.
Кость скажет больше нам, чем скажет ил
Или кремень: воистину, ты был.

А я? Что рифмы скажут обо мне?
Или костей достаточно вполне?
Их известковый прах всегда в цене.

Перевод А. Кушнера

СРЕДИННОСТЬ ДОРОГИ

Дорога, что за чудеса,
Вдруг на крутом подъеме
Совсем уходит в небеса.
И тут же на изломе,

Уйдя за дальний поворот,
Готова стать покоем
Лесным, не двигаясь вперед.
И все-таки не скроем

Того, что взрывчатый бензин,
Вскипающий в моторе,

Are limited to the road.
They deal with near and far,

But have almost nothing to do
With the absolute flight and rest
The universal blue
And local green suggest.

TWO LEADING LIGHTS

I never happened to contrast
The two in the celestial cast
Whose prominence has been so vast.
The Sun is satisfied with days.
He never has in any phase
That I have heard of shone at night.
And yet he is a power of light
And could in one burst overwhelm
And dayify the darkest realm
By right of eminent domain.
He has the greatness to refrain.
The Moon for all her light and grace
Has never learned to know her place.
The notedest astronomers
Have set the dark aside for hers.
But there are many nights though clear
She doesn't bother to appear.
Some lunatic or lunar whim
Will bring her out diminished dim
To set herself beside the Sun
As Sheba came to Solomon.
It may be charitably guessed
Comparison is not her quest.
Some rumor of his wishing ring
That changes winter into spring
Has brought her merely visiting,
An irresponsible divinity
Presuming on her femininity.

Асфальту верен, шуму шин.
Он даль приблизит вскоре

К тебе, но чужд голубизне
Надмирной, повсеместной,
Как и статичной тишине
Той зелени древесной.

Перевод А. Кушнера

ДВА ГЛАВНЫХ СВЕТИЛА

Немало есть светил иных,
Но предпочту я всем—двоих,
Хоть странно сравнивать мне их.
Пусть Солнце светит только днем,
Пусть никогда своим лучом
Оно не освещает ночь.
И все ж оно способно прочь
Любую тьму рассеять вдруг.
Помимо множества заслуг,
За ним еще и право есть
На власть особую и честь.
Луна—другое дело, ей,
При всем изяществе, трудней
Светить, хотя и влюблены
Все астрономы в блеск Луны.
В ночи безоблачной порой
Ее не видно—лунный свой
Иль лунатический каприз
Являет в полдень, присмотришь:
Словно Вирсавия, светла,
Поближе к Солнцу подошла,
Как к Соломону, рядом с ним
Дымком колеблясь голубым.
Его кольцом привлечена
Волшебным, женщина, Луна,
Как безответственна она,
Визит подобный нанося,
Вся—искушенье, нежность—вся.

Перевод А. Кушнера

A WISH TO COMPLY

Did I see it go by,
That Millikan mote?
Well, I said that I did.
I made a good try.
But I'm no one to quote.
If I have a defect
It's a wish to comply
And see as I'm bid.
I rather suspect
All I saw was the lid
Going over my eye.
I honestly think
All I saw was a wink.

A CLIFF DWELLING

There sandy seems the golden sky
And golden seems the sandy plain.
No habitation meets the eye
Unless in the horizon rim,
Some halfway up the limestone wall,
That spot of black is not a stain
Or shadow, but a cavern hole,
Where someone used to climb and crawl
To rest from his besetting fears.
I see the callus on his sole
The disappearing last of him
And of his race starvation slim,
Oh, years ago—ten thousand years.

HAEC FABULA DOCET

A Blindman by the name of La Fontaine,
Relying on himself and on his cane,
Came tap-tap-tapping down the village street,

ЖЕЛАНИЕ СОГЛАШАТЬСЯ

Впрямь ли я разглядел
Милликена пылинку?
Я ответил: о, да.
В самом деле, хотел,
Это мне не в новинку,
Видеть то, что велят.
Соглашаться – удел
Мой, со всеми, всегда.
Но боюсь, что мой взгляд
Различить без труда
Лишь ресницу сумел.
И доступно вполне
Лишь моргание мне.

Перевод А. Кушнера

ЖИЛИЩЕ В СКАЛЕ

Там небо желто, как песок,
И там песок, как небо, желт.
Жилья не видно, путь далек,
На горизонте лишь, в стене
Известняка – как бы дупло
Или пятно – заметен вход
В пещеру, кто-то, как во сне,
Полз и карабкался, пекло
И жгло, чтоб дух перевести
От страха, – мне видна мозоль
На пятке – полустертый след
Той жизни: голод, страх и боль,
До нас – за десять тысяч лет.

Перевод А. Кушнера

НАЕС FABULA DOCET

Слепого звали, скажем, Лафонтен,
Себе лишь веря, крался он вдоль стен,
Постукивая палочкой тук-тук:

The apogee of human blind conceit.
Now just ahead of him was seen to yawn
A trench where water pipes were laying on.
The Blindman might have found it with his ferrule,
But someone over anxious at his peril
Not only warned him with a loud command,
But ran against him with a staying hand.
Enraged at what he could but think officious,
The Blindman missed him with a blow so vicious
He gave his own poor iliac a wrench
And plunged himself head foremost in the trench:
Where with a glee no less for being grim
The workmen all turned to and buried him.

Moral

The moral is, it hardly need be shown,
All those who try to go it sole alone,
Too proud to be beholden for relief,
Are absolutely sure to come to grief.

ETHEREALIZING

A theory if you hold it hard enough
And long enough gets rated as a creed:
Such as that flesh is something we can slough
So that the mind can be entirely freed.
Then when the arms and legs have atrophied,
And brain is all that's left of mortal stuff,
We can lie on the beach with the seaweed
And take our daily tide baths smooth and rough.
There once we lay as blobs of jellyfish
At evolution's opposite extreme.
But now as blobs of brain we'll lie and dream,
With only one vestigial creature wish:
Oh, may the tide be soon enough at high
To keep our abstract verse from being dry.

Сплошное недоверье и испуг.
Лежала на пути его, увы,
Траншея – все предместья таковы:
Прокладка труб, кто с этим не знаком?
Помочь слепому бросился бегом
И путь ему рукою преградил
Не знаю кто, но жалостлив он был.
Назойливостью возмущен такой,
Слепец хотел с размаха, сам не свой,
Сразить беднягу палкой наповал,
Но, промахнувшись, шмяк! – и в ров упал,
Вниз головой, что делать? – жалкий вид:
Рабочими он там же был зарыт.

Мораль

Мораль. Хотя мораль какая ж тут?
Всем тем, кто в одиночестве идет,
Отвергнув помощь – так они горды, –
Не избежать в конце концов беды.

Перевод А. Кушнера

БЕСПЛОТНИЧАНИЕ

Теория, когда мы ей верны,
Нас может убедить и в том, что плоть –
Как змеи кожу – сбросить мы вольны,
Во имя духа вовсе побороть.
Тогда, при атрофии рук и ног,
Останется лишь мозг на берегу
Средь водорослей, сбившихся в клубок,
Вспухать, к камням прижавшись и песку.
Когда-то мы комочками медуз
Уже лежали так, как мы лежим.
Наш мозг одним желанием томим
Рудиментарным: сбросить лишний груз.
Скорей бы, что ли, начался прилив –
Засохнет стих, и так он еле жив.

Перевод А. Кушнера

WHY WAIT FOR SCIENCE

Sarcastic Science she would like to know,
In her complacent ministry of fear,
How we propose to get away from here
When she has made things so we have to go
Or be wiped out. Will she be asked to show
Us how by rocket we may hope to steer
To some star off there say a half light-year
Through temperature of absolute zero?
Why wait for Science to supply the how
When any amateur can tell it now?
The way to go away should be the same
As fifty million years ago we came—
If anyone remembers how that was.
I have a theory, but it hardly does.

ANY SIZE WE PLEASE

No one was looking at his lonely case,
So like a half-mad outpost sentinel,
Indulging an absurd dramatic spell,
Albeit not without some shame of face,
He stretched his arms out to the dark of space
And held them absolutely parallel
In infinite appeal. Then saying, 'Hell'
He drew them in for warmth of self-embrace.
He thought if he could have his space all curved
Wrapped in around itself and self-befriended,
His science needn't get him so unnerved.
He had been too all out, too much extended.
He slapped his breast to verify his purse
And hugged himself for all his universe.

ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ НАУКА?

Полна сарказма, в страхе нас держа,
Наука предпочла бы точно знать,
Как мы отсюда думаем бежать?
С ней, нас подведшей к пропасти, дружа,
Уж не ее ли станем мы просить
Нам указать, как можно до звезды
Космические проложить мосты
И световые годы отменить?
Хотя при чем Наука здесь?— Любой
Укажет нам любитель путь прямой.
Путь тот же, что миллионы лет назад,
Когда пришли сюда мы наугад—
Конечно, если помнит кто-нибудь,
Я, например, не помню, вот в чем суть.

Перевод А. Кушнера

ЛЮБОГО РАЗМЕРА

Никто его не видел, часовому
Подобен, сторонясь досужих орд,
Абсурдным откровением приперт
К сверкающему космосу ночному,
Он руки протянул к нему, как к дому,
Держа их параллельно, распростерт
На воздухе. Затем, воскликнув: «Черт»,
Себя обняв, сложил их по-другому.
Когда б он мог пространство искривить,
Дрожа, в него всем телом завернуться,
Наука б прояснилась, может быть,
Не надо было б нервничать, тянуться.
Похлопал по груди себя, со всей
Вселенной, глубоко засевшей в ней.

Перевод А. Кушнера

BURSTING RAPTURE

I went to the physician to complain,
The time had been when anyone could turn
To farming for a simple way to earn;
But now 'twas there as elsewhere, any gain
Was made by getting science on the brain;
There was so much more every day to learn,
The discipline of farming was so stern,
It seemed as if I couldn't stand the strain.
But the physician's answer was 'There, there,
What you complain of all the nations share.
Their effort is a mounting ecstasy
That when it gets too exquisite to bear
Will find relief in one burst. You shall see.
That's what a certain bomb was sent to be.'

THE INGENUITIES OF DEBT

These I assume were words so deeply meant
They cut themselves in stone for permanent
Like trouble in the brow above the eyes:
'Take Care to Sell Your Horse before He Dies
The Art of Life Is Passing Losses on.'
The city saying it was Ctesiphon,
Which may a little while by war and trade
Have kept from being caught with the decayed,
Infirm, worn-out, and broken on its hands,
But judging by what little of it stands,
Not even the ingenuities of debt
Could save it from its losses being met.
Sand has been thrusting in the square of door
Across the tessellation of the floor,
And only rests, a serpent on its chin,
Content with contemplating, taking in,
Till it can muster breath inside a hall
To rear against the inscription on the wall.

ВЗРЫВНОЙ ВОСТОРГ

Пожаловаться я к врачу пошел
На то, что прежде фермерством любой
Мог заниматься,—нынче труд любой
Нас не прокормит, как он ни тяжел,—
Сельскохозяйственный журнал на стол
Кладу, научный справочник сухой,—
Теперь успех немислим никакой,
Пока последних новшеств не учел.
Но врач ответил: «Полно, пустяки!
Страдают страны и материки,
Не вы один, голубчик, дотемна
Так крутитесь, как белка в колесе.
Взрыв разрешит проблемы наши все.
Зачем иначе бомба нам дана?»

Перевод А. Кушнера

ИЗОЩРЕННОСТЬ ГРЕХА

Так с чувством кровно связана была
Та фраза, что бессмертье обрела,
Начертана на камне, в ней подвох:
«Спеши продать коня, пока не сдох,
И пусть несут другие наш урон».
Так завещал нам город Ктесифон,
Сумевший на торговле и войне
Нажиться, всё упавшее в цене
Сбывая с рук,—нет слаще ничего.
Но, судя по тому, как от него
Осталось мало, изощренный грех
Не спас его от краха, как и всех.
В дверной проем, как желтый ручеек,
На мозаичный пол вползал песок,
Укладываясь змейками, скрипя,
Обдумывая что-то про себя,
Переводя дыханье в тишине,
Ту надпись оттеняя на стене.

Перевод А. Кушнера

TO THE RIGHT PERSON

In the one state of ours that is a shire,
 There is a District Schoolhouse I admire
 As much as anything for situation.
 There are few institutions standing higher
 This side the Rockies in my estimation—
 Two thousand feet above the ocean level.
 It has two entries for coeducation.
 But there's a tight shut look to either door
 And to the windows of its fenestration,
 As if to say mere learning was the devil
 And this school wasn't keeping any more
 Unless for penitents who took their seat
 Upon its doorsteps as at mercy's feet
 To make up for a lack of meditation.

ASTROMETAPHYSICAL

Lord, I have loved your sky,
 Be it said against or for me,
 Have loved it clear and high,
 Or low and stormy;

Till I have reeled and stumbled
 From looking up too much,
 And fallen and been humbled
 To wear a crutch.

My love for every Heaven
 O'er which you, Lord, have lorded,
 From number One to Seven
 Should be rewarded.

It may not give me hope
 That when I am translated
 My scalp will in the cope
 Be constellated.

ТОМУ, КТО ПОНИМАЕТ

Оканчивается на «шир» тот штат,
В нем школа есть, в которой жизнь назад
Учился я,—люблю ее с тех пор,
Две тысячи, пожалуй, футов над
Водою,—за грядой Скалистых гор
Не так уж много учреждений есть,
Стоящих выше. Двери видит взор
Для обучения в школе двух полов,
Две двери, обе взяты на запор,
Как будто козней дьявольских не счесть,
И вот, во избежание грехов,
Не учатся, лишь скорбный сонм теней,
Рассевшись на ступенях перед ней,
Спешит расширить узкий кругозор.

Перевод А. Кушнера

АСТРОМЕТАФИЗИЧЕСКОЕ

Господи, это небо
Нравилось мне любым,
Пасмурным и свирепым,
Кротким и голубым.

Вверх я смотрел так часто,
Что как-то раз упал
И с костылем, несчастный,
Долго потом ковылял.

Тяга моя к любому
Из этих небес должна,
Что к первому, что к седьмому,
Быть все же вознаграждена.

Конечно, лишь как о чуде,
Смею мечтать, смущен,
Что скальп мой на небе будет
В созвездие превращен.

But if that seems to tend
To my undue renown,
At least it ought to send
Me up, not down.

SKEPTIC

Far star that tickles for me my sensitive plate
And fries a couple of ebon atoms white,
I don't believe I believe a thing you state.
I put no faith in the seeming facts of light.

I don't believe I believe you're the last in space,
I don't believe you're anywhere near the last,
I don't believe what makes you red in the face
Is after explosion going away so fast.

The universe may or may not be very immense.
As a matter of fact there are times when I am apt
To feel it close in tight against my sense
Like a caul in which I was born and still am wrapped.

FIVE NOCTURNES

I. THE NIGHT LIGHT

She always had to burn a light
Beside her attic bed at night.
It gave bad dreams and broken sleep,
But helped the Lord her soul to keep.
Good gloom on her was thrown away.
It is on me by night or day,
Who have, as I suppose, ahead
The darkest of it still to dread.

Но все-таки втайне верю,
Такой, так сказать, каприз,
Что буду, по крайней мере,
Отправлен вверх, а не вниз.

Перевод А. Кушнера

СКЕПТИЧЕСКОЕ

О звезда на чувствительной фотопластинке,
Черный атом тобой добела раскален,
В твою речь я не верю, помехи, заминки,
Что́ есть свет, я не знаю, реален ли он?

Я не верю, не верю, что ты из последних,
Что, одна из последних во тьме мировой,
Ты краснеешь, сестер устыдившись соседних,
Что, взорвавшись, так быстро летишь по кривой.

Разобраться в устройстве вселенной не жажду,
Но ее представляет мой внутренний взор
Оболочкою плода, в которой однажды
Я родился, завернут в нее до сих пор.

Перевод А. Кушнера

ПЯТЬ НОКТЮРНОВ

I. НОЧНОЙ СВЕТ

Светильник освещал кровать,
Когда она ложилась спать.
И снились сны плохие ей,
Но Бог сходил в дыму лучей.
Был мрак тем самым убран прочь,
Зато при мне он день и ночь,
И самый страшный, может быть,
Еще придется пережить.

Перевод А. Кушнера

II. WERE I IN TROUBLE

Where I could think of no thoroughfare,
Away on the mountain up far too high,
A blinding headlight shifted glare
And began to bounce down a granite stair
Like a star fresh fallen out of the sky.
And I away in my opposite wood
Am touched by that unintimate light
And made feel less alone than I rightly should,
For traveler there could do me no good
Were I in trouble with night tonight.

III. BRAVADO

Have I not walked without an upward look
Of caution under stars that very well
Might not have missed me when they shot and fell?
It was a risk I had to take—and took.

IV. ON MAKING CERTAIN
ANYTHING HAS HAPPENED

I could be worse employed
Than as watcher of the void
Whose part should be to tell
What star if any fell.

Suppose some seed-pearl sun
Should be the only one;
Yet still I must report
Some cluster one star short.

I should justly hesitate
To frighten church or state
By announcing a star down
From say the Cross or Crown.

II. СЛУЧИТЬСЯ БЕДА

Средь темных гор, где никакой дороги
Не может быть, фонарик золотой
Споткнулся вдруг на каменном пороге,
Запрыгал вниз, слепящий, одинокий –
Упавшей с неба трепетной звездой.
И я в лесу, задумавшись глубоко,
Был этим светом тронут, видит бог,
Мне тяжело, но мне неодинокое,
Хотя тот путник странный так далеко,
Случись беда, помочь бы мне не мог.

Перевод А. Кушнера

III. БРАВАДА

Когда я, глядя под ноги, сутул,
Под звездопадом брел во тьме ночной,
Не мог я разве быть убит звездой?
Тут был известный риск – и я рискнул.

Перевод А. Кушнера

IV. ПРОВЕРЯЯ,
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

И хуже подобрать я
Мог бы себе занятие,
Чем отмечать, когда
Вдруг упадет звезда.

Пусть лишь один недужный
Упал огонь жемчужный,
В скопление звезд ночном –
Мой долг сказать о нем.

Хоть я и не уверен,
Что надо о потере
Кричать: мол, где звезда
В созвездии Креста?

To make sure what star I missed
I should have to check on my list
Every star in sight.
It might take me all night.

V. IN THE LONG NIGHT

I would build my house of crystal
With a solitary friend
Where the cold cracks like a pistol
And the needle stands on end.

We would pour oil on the ingle
And for want of books recite.
We would crawl out filing single
To observe the Northern Light.

If Etookashoo and Couldlooktoo
The Esquimaux should call,
There would be fish raw and cooked too
And enough drink oil for all.

As one rankly warm insider
To another I would say,
We can rest assured on eider
There will come another day.

CHOOSE SOMETHING LIKE A STAR

O Star (the fairest one in sight),
We grant your loftiness the right
To some obscurity of cloud—
It will not do to say of night,
Since dark is what brings out your light.
Some mystery becomes the proud.

До звезд не слишком близко.
Я сверю их со списком,
Ведь звезды любят счет.
На это ночь уйдет.

Перевод А. Кушнера

V. ДОЛГОЙ НОЧЬЮ

С любимым другом общий дом
Построю ледяной
Там, где мороз сверкает льдом
И колется иглой.

Мы будем жир топить в огне,
Стихи припоминать,
Поскольку книг в той стороне
Суровой негде взять.

И, если духов ублажить
Сумеет эскимос,
Удастся рыбы наловить,
Перехитрив мороз.

Скажу – и друг поймет меня:
В тепле не страшен мрак,
И ждать обещанного дня
Полгода можно так.

Перевод А. Кушнера

НАЙДИ СВОЮ ЗВЕЗДУ

Звезда (прекрасней в небе нет),
Как не признать за столько лет
На мглистость право за тобой,
Но не на тьму, она-то свет
И выявляет дивный твой.
Всегда в таинственность одет

But to be wholly taciturn
In your reserve is not allowed.
Say something to us we can learn
By heart and when alone repeat.
Say something! And it says, 'I burn.'
But say with what degree of heat.
Talk Fahrenheit, talk Centigrade.
Use language we can comprehend.
Tell us what elements you blend.
It gives us strangely little aid,
But does tell something in the end.
And steadfast as Keats' Eremite,
Not even stooping from its sphere,
It asks a little of us here.
It asks of us a certain height,
So when at times the mob is swayed
To carry praise or blame too far,
We may choose something like a star
To stay our minds on and be staid.

Тот, кто всех выше, но ему
Не разрешается быть тьмой.
Скажи нам что-нибудь, чему
Поверим так же, как любви,
И говорит звезда: «Горю».
Температуру назови.
По Фаренгейту, не забудь,
Или по Цельсию она?
В твою плавильню заглянуть
Позволь, что так раскалена,—
Быть может, что-нибудь пойдем.
Отшельник на небе ночном,
Как Китс сказал о ней, от нас
Звезда не ждет ни громких фраз,
Ни дел, а только высоты,
Чтоб в час, когда толпа решит
Нас восхвалить иль обругать,
Могли бы нечто ей под стать
Найти, вне мелких бед, обид.

Перевод А. Кушнера

A photograph of a forest with tall, thin trees. Sunlight filters through the canopy, creating a dappled light effect. The trees are mostly vertical, and the overall scene is somewhat dark and moody. The text "In the Clearing" is overlaid in the bottom left corner.

**In the
Clearing**

ПЛОД МО

На вырубке

POD OF THE MILKWEED

Calling all butterflies of every race
From source unknown but from no special place
They ever will return to all their lives,
Because unlike the bees they have no hives,
The milkweed brings up to my very door
The theme of wanton waste in peace and war
As it has never been to me before.
And so it seems a flower's coming out
That should if not be talked then sung about.
The countless wings that from the infinite
Make such a noiseless tumult over it
Do no doubt with their color compensate
For what the drab weed lacks of the ornate.
For drab it is its fondest must admit.
And yes, although it is a flower that flows
With milk and honey, it is bitter milk,
As anyone who ever broke its stem
And dared to taste the wound a little knows.
It tastes as if it might be opiate.
But whatsoever else it may secrete,
Its flowers' distilled honey is so sweet
It makes the butterflies intemperate.
There is no slumber in its juice for them.
One knocks another off from where he clings.
They knock the dyestuff off each other's wings—
With thirst on hunger to the point of lust.
They raise in their intemperance a cloud
Of mingled butterfly and flower dust
That hangs perceptibly above the scene.
In being sweet to these ephemerals
The sober weed has managed to contrive
In our three hundred days and sixty five
One day too sweet for beings to survive.

ПЛОД МОЛОЧАЯ

Порхают бабочки над молочаем,—
Увы, мы никогда не замечаем,
Откуда появляются на свет
Те, у кого и ульев даже нет,
И молочай, цветя у самой двери,
Рождает мысль, что траты и потери
Всему вокруг присущи в равной мере.
Но вот цветок восходит, и о нем
Не говорить сегодня—петь начнем!
Какая тишь, сумятица какая!—
Бесчисленные крылышки, мелькая,
Спешат восполнить щедрой пестротой
Наряд цветка—до скупости простой.
По этой простоте издалека я
Медовый венчик узнаю тотчас,
Но этот мед обманчив: кто хоть раз,
Беспечно стебель надломив колючий,
Отпил из ранки млечный сок тягучий,
Тот знает: он губителен для нас,
Как опиум, он ум людской дурманит
И только бедных бабочек он манит,
Для них он опьяняюще медов,
И, не жалея гибельных трудов,
Они друг друга от травинки каждой
Отталкивать готовы без конца,
Охваченные сладострастной жаждой,
И с крыльев яркая летит пыльца,
И явственно потом висит над лугом
Цветочная дурманящая смесь.
Желанная для этих однодневок
Трава—кто вспомнил бы еще о ней?—
Нашла на триста шестьдесят пять дней
Один такой, что всех других пьяней:

Many shall come away as struggle worn
And spent and dusted off of their regalia
To which at daybreak they were freshly born
As after one-of-them's proverbial failure
From having beaten all day long in vain
Against the wrong side of a window pane.

But waste was of the essence of the scheme.
And all the good they did for man or god
To all those flowers they passionately trod
Was leave as their posterity one pod
With an inheritance of restless dream.
He hangs on upside down with talon feet
In an inquisitive position odd
As any Guatemalan parakeet.
Something eludes him. Is it food to eat?
Or some dim secret of the good of waste?
He almost has it in his talon clutch.
Where have those flowers and butterflies all gone
That science may have staked the future on?
He seems to say the reason why so much
Should come to nothing must be fairly faced.

CLOSED FOR GOOD

Much as I own I owe
The passers of the past
Because their to and fro
Has cut this road to last,
I owe them more today
Because they've gone away

And come not back with steed
And chariot to chide
My slowness with their speed
And scare me to one side.
They have found other scenes
For haste and other means.

Безумцы смертью здесь пренебрегали!
Бесславно многие окончат бой,
Цветистый след оставив за собой,
Лишенные доспехов и регалий,
Подобно тем из них, что, как назло,
Весь день напрасно бились о стекло.

Но трата, кажется, была основой
Здесь вволю разыгравшихся страстей,
Бесцельнее я не встречал затей.
На месте спелых гроздьев и кистей—
Невзрачный плод, таящий сон бредовый:
Коробочка с отростками когтей.
Антильского забавней попугая,
Загадку лишних трат оберегая,
Висит и смотрит вниз—сорвать и съесть?
Нет, верно, цель была совсем другая.—
Ученый муж, где бабочки, цветы,
В которых будущее видел ты?—
У молочая лучше бы спросили.
Впустую много тратится усилий,
И в этом смысл определенный есть.

Перевод Р. Дубровкина

БЕЗВОЗВРАТНО

Тем, кто когда-то жил
И кто дорогу эту
С годами проложил,
Бродя по белу свету,
Я верность берегу—
Пред ними я в долгу.

Они ушли вперед
Дорогою иною:
Коней не повернет
Никто теперь за мною,
Не оттеснит с пути,
Не крикнет: «Пропусти!»

They leave the road to me
To walk in saying naught
Perhaps but to a tree
Inaudibly in thought,
'From you the road receives
A priming coat of leaves.

'And soon for lack of sun,
The prospects are in white
It will be further done,
But with a coat so light
The shape of leaves will show
Beneath the brush of snow.'

And so on into winter
Till even I have ceased
To come as a foot printer,
And only some slight beast
So mousy or so foxy
Shall print there as my proxy.

ESCAPIST—NEVER

He is no fugitive—escaped, escaping.
No one has seen him stumble looking back.
His fear is not behind him but beside him
On either hand to make his course perhaps
A crooked straightness yet no less a straightness.
He runs face forward. He is a pursuer.
He seeks a seeker who in his turn seeks
Another still, lost far into the distance.
Any who seek him seek in him the seeker.
His life is a pursuit of a pursuit forever.
It is the future that creates his present.
All is an interminable chain of longing.

И я один иду
По стершемуся следу,
С деревьями веду
Неслышную беседу:
«Листвой обожжены,
Дороги чуть видны».

А солнце все тусклей,
И скоро белым станет
Цветной покров полей,
Но лист резной проглянет
На тропках, под сквозной,
Шуршащей белизной.

От зимних холодов
Я закрываю двери,
Нет на снегу следов,
И лишь лесные звери –
Лиса и мышь – зимой
След продолжают мой.

Перевод Р. Дубровкина

ОН УСТРЕМЛЕН ВПЕРЕД

Он не беглец уклончивый, пугливый.
С оглядкой он не шел, не спотыкался.
Не позади опасность, а с ним рядом,
По обе стороны, и потому
Порой извилист путь его прямой.
Он устремлен вперед. Ведь он искатель.
Такого же искателя он ищет,
Который ищет вдалеке другого
И в нем себе подобного находит.
Вся жизнь его – искание исканий.
Он будущее видит в настоящем.
Он весь – цепь бесконечная стремлений.

Перевод М. Зенкевича

AUSPEX

Once in a California Sierra
I was swooped down upon when I was small
And measured, but not taken after all
By a great eagle bird in all its terror.

Such auspices are very hard to read.
My parents when I ran to them averred
I was rejected by the royal bird
As one who would not make a Ganymede.

Not find a barkeep unto Jove in me?
I have remained resentful to this day
When any but myself presumed to say
That there was anything I couldn't be.

THE DRAFT HORSE

With a lantern that wouldn't burn
In too frail a buggy we drove
Behind too heavy a horse
Through a pitch-dark limitless grove.

And a man came out of the trees
And took our horse by the head
And reaching back to his ribs
Deliberately stabbed him dead.

The ponderous beast went down
With a crack of a broken shaft.
And the night drew through the trees
In one long invidious draft.

The most unquestioning pair
That ever accepted fate
And the least disposed to ascribe
Any more than we had to to hate,

АВГУР

Страшна калифорнийская сиерра:
Ребенком как-то в горы я забрел,
И на меня набросился орел
Почти невероятного размера.

Но не схватил,—в чем тут вина моя?
Мне смысл подобных знамений неведом.
Отец сказал: не быть мне Ганимедом,
Мол, птицей царственной отвергнут я.

Признать, что мне не по плечу работа
Буфетчика!—я злюсь с тех самых пор,
Когда вокруг меня заводят спор,
Что я не подошел бы для чего-то.

Перевод Р. Дубровкина

ТЯГЛОВАЯ ЛОШАДЬ

Наш фонарь погас на ветру,
Ну а темень—ни зги в полушаге:
Сквозь зловещий бескрайний лес
Мы на шаткой плелись колымаге.

Вдруг какой-то возник человек
Меж деревьев и, глянув недобро,
Лошадь нашу схватил под уздцы
И железо вонзил ей под ребра.

Тяжко рухнул упряжный конь,
Глухо в землю вдавились колеса,
Ветер в чаще завыл, и ночь
Отозвалась хриплоголосо.

Мы безропотны—ты и я,—
Мы не скажем против ни слова,
Да и глупо не видеть вокруг
Ничего, кроме умысла злого.

We assumed that the man himself
Or someone he had to obey
Wanted us to get down
And walk the rest of the way.

QUANDARY

Never have I been sad or glad
That there was such a thing as bad.
There had to be, I understood,
For there to have been any good.
It was by having been contrasted
That good and bad so long had lasted.
That's why discrimination reigns.
That's why we need a lot of brains
If only to discriminate
'Twixt what to love and what to hate.
To quote the oracle of Delphi,
Love thou thy neighbor as thyself, aye,
And hate him as thyself thou hatest.
There quandary is at its greatest.
We learned from the forbidden fruit
For brains there is no substitute.
'Unless it's sweetbreads,' you suggest
With innuendo I detest.
You drive me to confess in ink:
Once I was fool enough to think
That brains and sweetbreads were the same,
Till I was caught and put to shame,
First by a butcher, then a cook,
Then by a scientific book.
But 'twas by making sweetbreads do
I passed with such a high I.Q.

Видно, так ему повелел
Некто высший, неумолимый,
Чтобы весь остаток пути
Непрерывно пешком прошли мы.

Перевод Р. Дубровкина

ОСЛОЖНЕНИЕ

Меня нисколько не тревожит,
Что до сих пор не уничтожит
Никто такую вещь, как Зло:
Что бы с Добром произошло,
Не будь на свете Зла?—едва ли
Они бы просуществовали,
Не различаясь меж собой,
И потому из нас любой,
Мозгами пораскинув, видит,
Что любит он, что ненавидит.
Возлюбим ближних, как себя,
Возненавидим их, любя,
Как и себя,—вот мудрость пифий,
Сокрытая в дельфийском мифе,
Но в том и трудность вся, пойми!—
С тех пор, как стали мы людьми,
С тех пор, как плод запретный съеден,
Мозги—наш бог. Так чем же вреден
(Вы спросите) желудок нам?
Готов признаться, что я сам,
Желудок путая нередко
С мозгами, был осмеян едко
И поваром, и мясником,
И книгой с толстым корешком,
Но не за счет мозгов, бывало,
Сходил за интеллектуала.

Перевод Р. Дубровкина

QUESTIONING FACES

The winter owl banked just in time to pass
And save herself from breaking window glass.
And her wings straining suddenly aspread
Caught color from the last of evening red
In a display of underdown and quill
To glassed-in children at the window sill.

ON BEING CHOSEN
POET OF VERMONT

Breathes there a bard who isn't moved
When he finds his verse is understood
And not entirely disapproved
By his country and his neighborhood?

THE OBJECTION
TO BEING STEPPED ON

At the end of the row
I stepped on the toe
Of an unemployed hoe.
It rose in offence
And struck me a blow
In the seat of my sense.
It wasn't to blame
But I called it a name.
And I must say it dealt
Me a blow that I felt
Like malice prepense.
You may call me a fool,
But *was* there a rule
The weapon should be

ЛЮБОПЫТНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

О стекла не ударившись едва,
Взметнулась к небу серая сова,
И крыльев неожиданный размах
Стал алым от заката, и впотьмах
Блеснула проседь перьев и когтей,—
В глазах прижавшихся к стеклу детей.

Перевод Р. Дубровкина

НА ИЗБРАНИЕ ПОЭТОМ
ВЕРМОНТА

Какое сердце этот миг не тронет,
Кем из поэтов не был он возжаждан?—
Ты наконец прочитан, узнан, понят
И все равно любезен для сограждан!

Перевод Р. Дубровкина

НИКТО НЕ ЛЮБИТ,
КОГДА НА НЕГО НАСТУПАЮТ

Я мимо грядки проходил
И на мотыгу наступил,
Мотыга же, что было сил,
По голове меня огрела,
И что бы я ни говорил,
А шишка мне была за дело.
Хоть был я поначалу зол,
Но очень быстро отошел,
А успокоившись, нашел,
Что сам был виноват тогда.
Святым писаньем навсегда
И всем завещано, что нужно
Перековать свое оружие
В орудья мирного труда.

Turned into a tool?
And what do we see?
The first tool I step on
Turned into a weapon.

* * *

In winter in the woods alone
Against the trees I go.
I mark a maple for my own
And lay the maple low.

At four o'clock I shoulder axe
And in the afterglow
I link a line of shadowy tracks
Across the tinted snow.

I see for Nature no defeat
In one tree's overthrow
Or for myself in my retreat
For yet another blow.

AWAY!

Now I out walking
The world desert,
And my shoe and my stocking
Do me no hurt.

I leave behind
Good friends in town.
Let them get well-wined
And go lie down.

Don't think I leave
For the outer dark

Заветы хороши. Но их,
Не наступая на других,
Учитесь соблюдать. Иначе
Дать и мотыга может сдачи.

Перевод Б. Хлебникова

* * *

Один в непроходимый бор
Зимою я входил,
Ствол выбирал, и мой топор
На снег его валил.

Мерк за полдень недолгий свет,
Я уходил, и стыл
На снежном поле темный след,
Как пятнышки чернил.

Для леса сокрушенный ствол
Не пораженьем был,
И я не насовсем ушел,
А только отступил.

Перевод Б. Хлебникова

ПОСЛЕДНЕЕ

На последнем пороге,
Не прощаясь, стою,
Я на этой дороге
Башмаков не собью.

Что ушел – не грустите,
Не моя тут вина,
Мне грехи отпустите
За стаканом вина.

Не от божьего гнева
Я спасаюсь, друзья,

Like Adam and Eve
Put out of the Park.

Forget the myth.
There is no one I
Am put out with
Or put out by.

Unless I'm wrong
I but obey
The urge of a song:
I'm - bound - away!

And I may return
If dissatisfied
With what I learn
From having died.

Как Адам или Ева,–
Сам себе я судья.

Не из райского сада
Ухожу я во тьму.
Возвращать мне не надо
Ничего – никому.

Если нынче я вышел,
Не дождавшись утра,
Значит, песню я слышал:
«Мне в дорогу пора!»

Но вернусь я, поверьте,
Если что не по мне,
После жизни и смерти
Умудренный вдвойне.

Перевод Р. Дубровкина

Приложение

К СЕБЕ

Я бы хотел, чтоб этот лес дремучий,
Невозмутимый, древний и могучий,
Не просто был личиной тьмы, но чащей,
В даль без конца и края уводящей.

Туда уйду я и в безбрежность кану,
Не опасаясь встретить ни поляны,
Ни большака, где возчик засыпает
И колесо песок пересыпает.

Но почему я должен возвращаться?
И почему бы им не попытаться
Догнать меня – тем, кто со мною дружен,
Кому, быть может, до сих пор я нужен?

Они увидят: я не изменился,
Лишь в прежней вере крепче утвердился.

Перевод Г. Кружкова

ВО ГЛУБЬ СЕБЯ

Я одного желанья не таю:
Дерев под ветром дружную семью
Увидеть не дубравую ночной –
Оправою, вобравшей мир земной.

Я был бы добровольно заключен
В просторном протяженьи вне времен,
Где только вглубь уводят тропы все –
И ни одна не тянется к шоссе.

Но не всегда, уйдя, уйдешь навек.
А может быть, найдется человек,
Которому меня недостает,
И вглубь – узнать, мне дорог ли, – войдет.

Итог моих скитаний внешне мал:
Лишь тверже стал я верить в то, что знал.

Перевод В. Топорова

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Моя Печаль все шепчет мне
О днях осеннего ненастья,
Что краше не бывает дней –
Деревья голые в окне,
Луг, порыжевший в одночасье...

Все шепчет мне, что осень – рай.
Все хочет повести с собою:
Как тихо после птичьих стай!
Как славно стынет сонный край,
Одетый звонкой сединою.

Нагие сучья на ветру,
Туманы, вязкая земляца –
И снова шепчет: все к добру,
И если я глаза протру,
То не смогу не согласиться.

Как объяснить, что не вчера
Я полюбил ноябрь тоскливый.
И стоит ли... Моя сестра,
Печаль... Ненастная пора
Со слов твоих – вдвойне красивой.

Перевод В. Топорова

НОЯБРЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Вслед за печалью я иду,
Она всему как будто рада,
Встречая долгий дождь в саду,
И выцветшую лебеду,
И легкий шелест листопада.

Она расскажет терпеливо,
Полоской берега ведя,
Как величаво-молчаливы
Осенне-серые заливы
Под серой дымкою дождя.

Все проще: выцвели кусты,
Земля поблекла, тучи злобны,
И ветер рвется с высоты,—
А доводы ее пусты
И лишь тоску нагнать способны.

Я знал осеннюю тревогу,
Люблю закат ноябрьских дней
И первый иней у порога—
Но красота ее, ей-богу,
Беднее, чем слова о ней.

Перевод А. Кутиковой

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Когда деревьев шум прискучит мне
И от тоски уж никуда не деться,
Ложусь на край холма, чтоб приглядеться
К безоблачной рассветной тишине.
Здесь я невидим. Но зато вполне
Мне различимы дальние жилища
И даже деревенское кладбище
На противоположной стороне.

А надоест к полудню этот вид
Людей живых и мертвых, то от края
Так просто отвернуться, замечая,
Как легкий вздох цветы зашевелит,
И терпкий аромат земли вдохнуть,
И в рыжий муравейник заглянуть.

Перевод Б. Хлебникова

ВЕТЕР И ЦВЕТОК НА ОКНЕ

Влюбленные, вот вам рассказ
О том, что такое любовь.
Она была розой в окне,
Он – ветром ночных холодов.

Заметил ее он, когда
Январское солнце взошло,
И в клетке проснулся щегол,
И разынделовело стекло,

Заметил ее он в окне,
Не ведая, что предпринять, –
Заметил – и прочь полетел,
Чтоб ночью вернуться опять.

Но лишь зимним ветром он был. –
Зимою же все естество
Скрывается в спячку, в снега... –
Не знал о любви ничего.

И все-таки он тосковал,
И рамы оконные тряс,
Чтоб роза не вздумала спать
Сейчас, когда здесь он как раз.

И может, она бы сдалась
И с ним ускользнула во мрак
Оттуда, где тишь и покой,
Где зеркало, стол и очаг,

Но нечего было сказать
Ей зимнему ветру в ответ –
И в тысяче миль от нее
Он встретил назавтра рассвет.

Перевод В. Топорова

ДОМ С ПРИВИДЕНЬЯМИ

Я был здесь – и вот я вернулся обратно.
А дом этот сгинул давно безвозвратно.
Подвальные своды одни предо мной,
И светит в подвальный провал свет дневной, –
И дикой малины кровавые пятна.

Висит виноград одичавший вокруг,
Лесные деревья вступили на луг,
Садовые стали угрюмою рощей,
Тропинка к ручью оказалась заросшей,
И дятла прерывистый слышится стук.

А сердце томится в неясной тревоге
При виде заброшенной здешней дороги,
Где жабе раздолья в пыли не найти.
Здесь жизнь исчезает... исчезла почти...
Летучие мыши да месяц двурогий.

Здесь жалобным криком кричит козодой,
И нет никого, чтоб сказать ему: стой,
Хоть сделать такое давно не мешало б.
Находит он повод для тысячи жалоб,
Покуда не выплачет все до одной.

Во тьме, не рассеянной звездами лета,
Не знаю, кто здешний народец отпетый,
Что делит со мною нехитрый ночлег.
Легли здесь могильные плиты навек,
Но давние надписи мохом одеты.

Бродяги, скитальцы – все грусти полны.
Лишь двое, в сторонке, друг с дружкой нежны.
Никто не поет – и, пожалуй, не надо.
И все ж постояльцы пустынного сада
Точь-в-точь таковы, как быть люди должны.

Перевод В. Топорова

ОТТЕПЕЛЬ

Южный ветер, вей над нами!
Балуй вешними дождями!
Лед на реках растопи!
Птичью песнь поторопи!
Землю от снегов очисти!
И туда, где ночь все мгlistей, –
Постучись в мое окно,
Чтоб оттаяло оно.
Чтобы стекла потеплели,
Чтобы рама в тихой келье
Как распятие была.
Скинь тетради со стола,
Все страницы перепутай,
Чтоб из зимнего закута
Вдаль дорога пролегла.

Перевод В. Топорова

ОТКРОВЕНИЕ

Мы спрятались за блеском строк,
В стихах нашли себе приют, –
Но сколько страхов и тревог,
Пока нас люди не найдут!

Сперва мы новое творим
И непривычное совсем,
Потом – все проще говорим,
Лишь было бы понятно всем.

Как в прятках нашей детворы,
Как в тайнах нашего Творца,—
Чтобы не выйти из игры,
Нельзя таиться без конца!

Перевод В. Топорова

ЦВЕТОЧНЫЙ ОСТРОВОК

Я на покос пришел в начале дня
За тем, кто тут работал до меня.

Он луг скосил по утренней росе,
Поблескивавшей на его косе.

Я взглядом поискал его, да зря—
Нигде не видно было косаря.

Ушел косарь, а мне, как и ему,
Работать предстояло одному.

«У каждого всегда своя забота,
Пусть даже вместе делается что-то!»

Лишь я подумал это, из-под ног
Стремительно метнулся мотылек

И полетел, оправясь от испуга,
Вчерашние цветы искать по лугу.

Он облетал его за кругом круг,
Не узнавая оголенный луг,

Потом внезапно скрылся вдалеке,
И я почти забыл о мотыльке.

Я сено ворошил. Но вдруг привлек
Опять мое вниманье мотылек.

Он над ручьем порхал, где у воды
Я разглядел чудесные цветы.

Цветочный островок с его красой
Был почему-то пощажен косой,

Хотя цветы, по-видимому, спас
Косарь не для кого-нибудь из нас.

Он просто пожалел их от души,
Так они утром были хороши.

Но, что бы ни подумал он при этом,
Они остались дружеским приветом,

И я услышал пенье птиц в лесу,
И рядом его звонкую косу,

И не один я был в глуши лесной,
А друг работал сообща со мной,

С которым вместе можно отдохнуть,
Поговорить в тени о чем-нибудь.

Я только что совсем его не знал,
Но он понятен мне и близок стал.

«Ведь всякий труд есть общая работа,
Пусть даже порознь делается что-то!»

Перевод Б. Хлебникова

СМЕХ ДЕМИУРГА

То было в густой первозданности леса.

Я знал, что не богом она создана.

Я шел по следам окаянного беса,

Выслеживал беса в лесу дотемна.

И вдруг я услышал – услышал такое,

Что долгие годы не знаю покоя.

Не спереди звук доносился, а сзади –
Утробное бульканье из-под деревьев.

Забывчив и заспан, в похабном наряде,
Со смехом из лужи своей вылез бес,
С век грязь он соскреб—и мгновенно я понял,
Что он меня вспомнил, заметил и пронял.

Вовек не забуду я этого смеха:
Ловец стал добычей—вот бесу потеха.
Я прынул—ему показать поскорей,
Мол, что-то ищу (не его!) меж ветвей,
А он меня принял за тень или эхо—
И пал я, пристыженный, возле корней.

Перевод В. Топорова

РОПОТ

В лесах я бродил и в лугах,—
Была не преградой ограда,—
Всходил на вершину холма,
И в мире царила отрада.
Но вот я на землю сошел—
И всюду приметы распада.

На землю листва полегла.
Лишь та, на дубу, на вершине,
Трепещет до самой зимы,—
Но рухнет—и в горькой гордыне .
Метаться по снегу пойдет,
Укрывшему падшую ныне.

Вповалку листва полегла.
Война ли прошла здешним краем?
Последний цветок облетел.
Мир словно бы необитаем.
И вскинется сердце искать,
Но где, но кого—не узнаем.

Но разве покорна душа
Измене, что в мире творится?

Но разве согласна она
В опавшие листья зарыться?
И лето пройдет, и любовь,
Но с этим вовек не смириться.

Перевод В. Топорова

ПОЧИНКА СТЕНЫ

Есть что-то, что не любит ограждений,
Что осыпью под ними землю пучит
И сверху сбрасывает валуны,
Лазейки пробивает для двоих.
А тут еще охотники вдобавок:
Ходи за ними следом и чини,
Они на камне камня не оставят,
Чтоб кролика несчастного спугнуть,
Поживу для собак. Лазейки, бреши,
Никто как будто их не пробивает,
Но мы всегда находим их весной.
Я известил соседа за холмом,
И, встретившись, пошли мы вдоль границы,
Чтоб каменной стеной замкнуться вновь,
И каждый шел по своему участку
И собственные камни подбирал –
То каравай, а то такой кругляш,
Что мы его заклятьем прикрепляли:
«Лежи вот здесь, пока мы не ушли».
Так обдирали мы о камни пальцы,
И каждый словно тешился игрой
На стороне своей. И вдруг мы вышли
Туда, где и ограда ни к чему:
Там – сосны, у меня же – сад плодовый,
Ведь яблони мои не станут лазить
К нему за шишками. А он в ответ:
«Сосед хорош, когда забор хороший».
Весна меня подбила заронить
Ему в мозги понятие другое:
«Но почему забор? Быть может, там,
Где есть коровы? Здесь же нет коров.
Ведь нужно знать, пред тем как ограждаться,

Что ограждается и почему,
Кому мы причиняем неприятность.
Есть что-то, что не любит ограждений
И рушит их». Чуть не сказал я «эльфы»,
Хоть ни при чем они,—я ожидал,
Что скажет он. Но каждую рукою
По камню ухватив, вооружился
Он, как дикарь из каменного века,
И в сумрак двинулся, и мне казалось —
Мрак исходил не только от теней.
Пословицы отцов он не нарушит
И так привязан к ней, что повторил:
«Сосед хорош, когда забор хороший».

Перевод М. Зенкевича

ДРУГАЯ ДОРОГА

В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.

Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла;
А впрочем, заросшими были обе.

И обе манили, радуя глаз
Сухой желтизной листвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.

Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть —
И это решило всё остальное.

Перевод Г. Кружкова

ЛЯГУШАЧИЙ РУЧЕЙ

Примолк к июлю горный наш ручей,
Что по весне бурлил и клокотал,
Теперь иссох он, меж камней пропал.
И жаб древесных нет среди ветвей,
И бубенцами больше не звенят
Оравы бойких, звонких лягушат.
Как полноводен был ручей и чист,
Когда над ним раскрылся первый лист.
Когда ж листва на землю упадет –
Струю лишь памятный взор найдет.
Не о таких ручьях поэт поет.
Ручей хоть на себя и не похож,
Но по милу он нам всегда хорош.
Невидящим у нас ответ один:
Любимое мы любим без причин.

Перевод И. Кашкина

КОМОК СЛЕЖАВШЕГОСЯ СНЕГА

Комок слежавшегося снега
В углу двора лежит,
Как будто старый лист бумаги
Дождем к земле прибит.
Как точки шрифта, брызги грязи
Чернеют на снегу –
Немые новости былые,
Что вспомнить не могу.

Перевод И. Фрадкина

НЕДОЛОГ ЗЛОТИСТЫЙ ЦВЕТ

Природа дарит нам на час
Тот цвет, что радует всех нас.
С рожденья золотист цветок,
Он свеж, но за листком листок,

Срываясь, улетает вдаль.
Рай погружается в печаль,
И переходит в день рассвет...
Недолог золотистый цвет.

Перевод И. Фрадкина

ОСТАНОВИВШИСЬ НА ОПУШКЕ В СНЕЖНЫХ СУМЕРКАХ

Чей это лес – я угадал
Тотчас, лишь только увидал
Над озером заросший склон,
Где снег на ветви оседал.

Мой конь, задержкой удивлен,
Как будто стряхивая сон,
Глядит – ни дома, ни огня,
Тьма да метель со всех сторон.

В дорогу он зовет меня.
Торопит, бубенцом звеня.
В ответ – лишь ветра шепоток
Да мягких хлопьев толкотня.

Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок;
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.

Перевод Г. Кружкова

ГЛЯДЯ НА ЛЕС СНЕЖНЫМ ВЕЧЕРОМ

Мне кажется, я знаю чей
Огромный лес, но из своей
Глуши он вряд ли различает
Меня и след моих саней.

Мою лошадку удивляет,
Что нас к жилью не приближает
Наш путь: меж лесом и прудом
Замерзшим мрак нас настигает.

Она тряхнула бубенцом,
Мол, все ли так, туда ль идем.
И вновь беззвучна тишина.
Лишь ветер ходит надо льдом.

Лес дивен: мрак и глубина.
Но обещаниям верна
Душа. И много миль до сна.
И много миль еще до сна.

Перевод Т. Гутинной

КЛАДБИЩЕ,
ГДЕ БОЛЬШЕ НЕ ХОРОНЯТ

Живые часто бродят тут
Среди травы и старых плит;
Но мертвым вход давно закрыт –
Сюда их больше не везут.

«Сегодня, – с камня стих твердит, –
Твой взгляд по мне едва скользит.
Но завтра мертвый мрамор плит
Тебя навеки приютит».

Как мрамор в смерти убежден!
И лишь одним встревожен он:
Нет мертвых, хоть взывает стих.
Что так отпугивает их?

Но если б плитам мы сказали,
Что больше нас не проведешь,
Что умирать мы перестали –
Они поверили бы в ложь.

Перевод Г. Подольского

ЗИМНИЕ КУЩИ

В ольховой роще посреди болот
Зимой, едва немного припечет
И зайцы на снегу замельтешат,
Не райский разве чудится уклад?

Снега не просто землю замели,
Но бытие приподняли с земли,
Пусть на ступень, а все же – к небесам,
И гроздь лета пламенеют там.

А яблоне не люб такой нанос:
Зверь-объедала словно бы подрос.
Он лакомится нежною корой:
Там пир его, докуда снег зимой.

Небесных кущ покой царит и в том,
Что птицам быть не хочется вдвоем –
Поодиночке, без былой возни,
Досматривают почки здесь они.

Мгновенно потемнели небеса.
В таком раю день длится два часа.
Свет только-только вспыхнул – и угас.
Достаточно ли этого для нас?

Перевод В. Топорова

ЗНАКОМСТВО С НОЧЬЮ

Ночь, я с тобой воистину знаком!
Я шел туда, где нету городов, –
Туда под дождь, обратно под дождем.

Вал городской, за ним – угрюмый ров.
Я мимо стража молча проходил,
Не зная, как сказать, кто я таков.

Я замирал, и шум шагов гасил,
И слышал слабый крик издали,
(Хоть там кричали, не жалея сил), –

Но не по мне звучала в нем тоска.
А наверху, в пространстве неземном,
Часы, что отмеряют нам века,

Внушали: Время – над добром и злом.
Ночь, я с тобой воистину знаком!

Перевод В. Топорова

ЗАПАДНАЯ РЕКА

«Где север, Фред?»

«Где север? Да вон там!
Река течет на запад».

«Значит, вот что,
Пусть она будет Западной рекой.
(Так до сих пор ее и называют.)
Течет на запад – вот ведь какова!
Все остальные норуют к востоку –
Там океан. Упрямится она,
Уверенная в собственном упрямстве,
Как я в тебе, а ты во мне. А мы –
А кто мы?..»

«Смельчаки?»

«В каком-то смысле.
Мы оба. Нет, мы трое. Мы с рекой.
Как мы с тобой повенчаны друг с другом,
Так с нею мы повенчаны. Давай
Построим мост через нее! Он будет
Рукою, обнимающей ее.
Смотри, она кивает нам волною!
Она нас слышит!»

«Как ты увлеклась.
Там камень, а поэтому и волны.
(Черным-черна, вода во весь опор
Там ударялась о подводный камень
И в белой пене пятилась назад,

Не обретая, но и не теряя,
Как будто белый птичий пух застлал—
А птица побывала в передрыге—
Стремительную тьму речной воды
И черное пятно водоворота
И зарябил на дальнем берегу.)
Там камень, а поэтому и волны.
Так повелось с тех пор, как на земле
Есть реки. Нет, она нам не кивает».

«Кивает! Может, только мне одной.—
Кивает, призывает, зазывает».

«Тебе одной? Но, если ты права
И перед нами царство амазонок,
Мужчина вправе только проводить,
А дальше отправляйся в одиночку.
Река твоя, и кончен разговор».

«Нет, ты не договариваешь что-то».

«Что ж, возвращаясь к спорам о реке:
Смотри, как возвращается теченье
От камня... Ведь вода нас породила,
Вначале были воды, только воды.
И вот мы возвращаемся сюда—
К началу всех начал, к истоку жизни,
К реке, текущей вдаль и вечно вдаль.
Жизнь неподвижна, говорят одни,
Молниеносна, говорят другие,
А жизнь течет по руслу, как река,
Течет печально и неторопливо,
Чтоб пустоту наполнить пустотой.
Течет—и мимо нас, как эти воды,
А все-таки—над нами. И меж нас
Течет она в тоскливые мгновенья.
Над нами и меж нас она течет—
И вместе с нами... Время, сила, пламя,
Любовь и жизнь—и все, что есть,—все в ней.
И даже смерть, с ее вселенским ливнем
Небытия вне правил и преград,
Подвластна жизни, пусть и не покорна,

И возвращает все, что ни возьмет,—
В раскаянье или в благоговенье.
Жизнь вечно переполнена собой—
И, расточив последние запасы,
Тем самым жизнь чему-нибудь дает.
Часы приводим в действие мы жизнью,
А жизнь приводит в действие река,
А реку в действие приводит солнце,
И нечто есть, что движет и его,—
И все стремится к своему истоку:
Против течения, что уносит нас
И хочет утянуть, плывем к истоку.
В природе подглядели это мы—
И переняли».

«Этими словами
Отмечен нынче день».

«Нет, он отмечен
Твоим открытием: Западной рекой».

«Отмечен нынче день и тем, и этим».

Перевод В. Топорова

ПУСТЫНИ

Я ехал вдаль дорогою ночной.
Устало проплывали предо мной
Поля. Земля порошею покрылась,
И лишь бурьян проглядывал порой.

Над этим миром, мрачен и высок,
Поднялся лес. Средь ледяных дорог
Лишь он царит. Забились звери в норы,
А я—не в счет. Я слишком одинок.

От одиночества и пустоты
Спасенья нет. И мертвые кусты

Стоят над мертвой белизной снега.
Вокруг – поля. Безмолвны и пусты.

Мне не страшны ни звезд холодный свет,
Ни пустота безжизненных планет.
Во мне самом такие есть пустыни,
Что ничего страшнее в мире нет.

Перевод А. Казарновского

ЗОВ

Я вечером к лесу пришел.
Пел дрозд, и еще была
Опушка светла, но за ней
Уже воцарилась мгла.

В лесу стало так темно,
Что птице было пора
Устроиться на ночлег,
О песнях забыв до утра.

Однако закатный свет
Пред тем, как совсем угас,
Помедлил на миг, чтоб дрозд
Попеть мог в последний раз.

В вечерней песне его
Мне вдруг почудился зов,
Как будто к себе звала
Печальная мгла лесов.

Но я, дожидаясь звезд,
Решил, что, песней маня,
Не мне пел сегодня дрозд
И звал еще не меня.

Перевод Б. Хлебникова

CARPE DIEM

На юных смотрит Старость –
А те идут в обнимку,
Не то домой, в деревню,
Не то резвиться в рощу,
Не то венчаться в церковь.
И Юности прошедшей
Желает Старость счастья:
«Желаю счастья, счастья,
Желаю вам не думать
О том, что все минует.
Хоть подобает старым
Осанистая поза
И трезвые советы,
Порой – и в виде песни,
Чтоб образумить юных
И указать пределы
Отмеренному счастьем, –
Живем, мол, лишь сегодня, –
Но вовсе не сегодня
Живем: скорее – завтра,
А в еще большей мере –
Вчера... Живем сегодня
Сиюминутным чувством,
Сегодняшним смятением, –
Чтоб петь о них назавтра».

Перевод В. Топорова

ЕДВА ЛИ НЕ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Во всей вселенной, думал, одинок.
Он говорил, взывал – а отвечал
Насмешливого эха голосок
С одетых лесом заозерных скал.

И стало как-то раз ему невмочь
И закричал на весь безлюдный свет,
Что не повтор – пусть и звучит точь-в-точь –
Словам любви потребен, а ответ.
И вот что в тот же миг произошло:
С далеких скал донесся резкий треск,
И что-то в воду пало тяжело,
И по воде прошел протяжный плеск.
Он расстоянье вымерил на глаз
И начал ждать, когда же приплывет
То, что не эхом было в этот раз.
Вихрь пены, водопад, водоворот
Мешал увидеть, кто в воде встает,
Уже почуяв дно внизу, – пока
Зверь не рванулся на берег, вперед,
Круша рогами ветки сушняка.

Перевод В. Топорова

ПУТЬ

Дорога, на крутой подъем
Вбежав, оборвалась
Внезапно, будто в месте том
На небо вознеслась,

И дальний поворот исчез,
Пропал в зеленой мгле,
Там, где прирос корнями лес
Навек к родной земле.

Изобретен автомобиль,
К нему – особый сок,
Чтобы проехать сотни миль
И множество дорог,

Но есть ли вправду где-нибудь
Такая среди них,
Чтоб был высок, как небо, путь
И, как поляна, тих?

Перевод Б. Хлебникова

ЛЮБОГО РАЗМЕРА

Никто не замечал, что одиноко,
Как часовой в безумном удаленье,
Он погрузился в тайну откровенья,
Стесняясь самого себя немного.
В пространство руки он простер,
Держа их совершенно параллельно,
И, к вечности взывая беспредельной,
Обняв себя, вдруг бросил: «Черт».
О если бы он смог все мирозданье
Замкнуть в себе, храня его и грея,
То знание о мире самом дальнем
Не трогало б тревожностью своею.
Но кошелек нащупав слева незабвенный,
Собой он стал доволен и вселенной.

Перевод А. Ткаченко

ИЗБРАВШИ ЧТО-ТО, КАК ЗВЕЗДУ...

Звезда (ты светишь с высоты),
Не возражаем мы, чтоб ты
За облаком свой свет затмила,
Но по ночам средь темноты
Твои лучи светлы, чисты.
Всегда таинственно светило,

Но все ж нельзя, чтоб никогда
Ты звездной тайны не открыла.
Скажи нам что-нибудь, звезда,
Чтоб повторять наедине.

Ответ: «Пылаю я всегда».

Но сколько градусов в огне
По Цельсию иль Фаренгейту,
Какие элементы там
Твой свет несут к другим мирам,
Понятным языком сумей ты
Хоть что-нибудь поведать нам.
И как пустынный Китса, строго
Звезда далеких светлых сфер
Дает нам твердости пример
И требует не так уж много –
Хулят иль славят благосклонно,
Не верьте низкому суду.
Избравши что-то, как звезду,
Держите путь свой неуклонно.

Перевод М. Зенкевича

Комментарии

При написании комментариев использовалась биографическая, мемуарная и критическая литература, посвященная Р. Фросту и его поэзии. «Фростиана» насчитывает многие сотни книг и статей. Здесь мы ограничимся перечислением только основных:

Sergeant E. *Robert Frost: The Trial by Existence*, New York, 1960.

The Letters of Robert Frost to Louis Untermeyer, New York, 1963.

Selected Letters of Robert Frost. Ed. by L. Thompson. New York, 1964.

Education by Poetry: Selected Prose of Robert Frost. Ed. by Hyde Cox & Edward Lathem, New York, 1966.

Interviews with Robert Frost. Ed. by Edward Lathem, New York, 1966.

Thompson L. *Robert Frost. The Early Years*, New York, 1966.

Thompson L. *Robert Frost. The Years of Triumph*, New York, 1970.

Thompson L. and Winnick R. H. *Robert Frost. The Later Years*, New York, 1976.

Gerber P. *Robert Frost*, Boston, 1982.

Critical Essays on Robert Frost. Ed. by P. Gerber, Boston, 1982.

Поэзия Роберта Фроста переводится на русский язык уже свыше пятидесяти лет. За это время в СССР вышло два небольших сборника избранных стихов поэта, стихи Фроста включались во все антологии американской поэзии, неоднократно печатались в периодике. Достаточно полный перечень изданий Фроста на русском

языке содержится в кн.: Либман В. А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография 1776–1975. Москва, Наука, 1977.

A Boy's Will

Первая книга стихов Фроста увидела свет в Англии в издательстве 'David Nutt' в 1913 г. В нее вошли стихи, написанные с 1892 по 1912 г.

Юношеские стихи Фроста не избежали влияния английских и американских романтиков. Составляя уже зрелым человеком свой первый сборник, Фрост почти каждое стихотворение снабдил ироническим подзаголовком.

Все стихи, вошедшие в сборник, Фрост разделил на три части, как бы символизирующие три этапа становления молодого человека.

В первую часть входили следующие стихотворения: 'Into My Own', 'My November Guest', 'A Late Walk', 'A Dream Pang', 'Wind and Window Flower', 'Ghost House', 'To the Thawing Wind', 'In a Vale', 'Storm Fear', 'Stars', 'Going for Water'.

Вторая часть включала в себя 'Revelation', 'The Tuft of Flowers', 'Pan with Us', 'The Demiurge's Laugh'.

В третью входили 'A Line-Storm Song', 'October', 'Reluctance'.

В последующих изданиях подзаголовки и деление на части Фрост снял.

Название книги заимствовано из стихотворения Лонгфелло 'My Lost Youth'.

A boy's will is the wind's will
And the thoughts of youth are long, long thoughts.

В советской американистике за этим сборником закрепилось название «Воля мальчика», которое является дословным переводом. Ни стихотворение Лонгфелло, ни сам сборник Фроста оснований для такого перевода не дают. У Лонгфелло речь идет о том, что желания, намерения или настроения мальчика (подростка,

юноши) непостоянны как ветер. Содержательный перевод этого заглавия должен учитывать и его метафорическое значение.

INTO MY OWN (с. 40)

В первом издании книги *A Boy's Will* сонет имел следующий подзаголовок: 'The youth is persuaded that he will be rather more than less himself for having forsworn the world'.

Мотив бегства от мира, ухода и отступления – один из основных в творчестве поэта. Как видно уже из этого стихотворения, Фрост не ограничивался такой романтической идеей. Бегство и отступление у него всегда связано с передышкой, накоплением сил и решимости противостоять невзгодам этого мира.

Непосредственным литературным контекстом стихотворения является эссе Р. У. Эмерсона «Доверие к себе» и сонет 116 У. Шекспира. Ср. начало стихотворения с заключительными строками Шекспирова сонета:

Love alters not with his brief hours and weeks,
But bears it out even to the edge of doom.
If this be error, and upon me proved,
I never writ, nor no man ever loved.

MY NOVEMBER GUEST (с. 40)

В 1885 г., после смерти отца Фроста, семья переезжает из Сан-Франциско в Новую Англию, в городок Лоуренс (на границе штатов Массачусетс и Нью-Гемпшир). С этими местами (и с соседним штатом Вермонт) и будет связана почти вся дальнейшая жизнь Роберта. Окончив среднюю школу в Лоуренсе в 1892 г., Фрост ищет себе занятие и заработок. Впечатлительный, легко ранимый, неуживчивый, он нигде долго не задерживается. Дважды начинает учиться (в Дартмутском колледже – бросил через полгода – и в Гарвардском университете – не проучился и двух лет), пробует преподавать в школе, нанимается на фабрику, два лета работает по найму на ферме. В 1895 г. он женится на Элиноре

Уайт, но постоянного заработка по-прежнему не находит. От полной нищеты молодую семью спасает дед Фроста, который в 1900 г. покупает для Роберта ферму неподалеку от поселка Дерри в штате Нью-Гемпшир.

Первый год жизни на ферме в Дерри — один из самых трудных в жизни Фроста. И без того склонный к депрессиям, временное нездоровье он принимает за надвигающуюся смерть.

Стихотворение 'My November Guest' относится именно к периоду первой осени в Дерри (1900 г.). При публикации в 1913 г. Фрост снабдил его подзаголовком 'He is in love with being misunderstood'.

A LATE WALK (с. 42)

Любовная лирика Фроста весьма необычна. Хотя вся она обращена к жене Элинор, в ней нет образа возлюбленной, нет и самого понятия «любовь», стихи строятся на изображении переживаний автора, часто окрашенных чувством вины и грусти. (См. коммент. к 'A Dream Pang', 'Stars', 'Reluctance', 'The Pasture', 'Home Burial', 'The Telephone', 'Meeting and Passing', 'The Thatch'.)

В издании 1913 г. имелся подзаголовок 'He courts the autumnal mood'.

Написано на ферме в Дерри (между 1900 и 1909 гг.).

Первая публикация 'A Late Walk', не фиксируемая библиографами, относится к 1909 г. и вызвана следующими обстоятельствами.

Фермера из Фроста не получилось. Хозяйство свое он вел спустя рукава, долги росли, ферма хирела. Если бы не 500 долларов, которые он ежегодно получал по завещанию деда (тот умер в 1902 г.), то все его имущество давно бы пошло с молотка. В 1906 г. Фрост бросает «фермерство» и пытается устроиться на работу в близлежащую (всего две мили от его фермы) академию Пинкертона (академиями в США часто именуются средние школы-интернаты. В академии, основанной в Дерри шотландским переселенцем Пинкертоном в начале прошлого века, учились дети окрестных фермеров).

За шесть лет жизни в Дерри Фрост, державшийся с соседями замкнуто и порой высокомерно, нажил себе много недоброжелателей. Ему потребовалось немало усилий, чтобы получить место учителя английской литературы. Зато академия Пинкертона стала первым местом, где он проработал достаточно долго, целых пять лет, причем весьма успешно. Фрост не только перестроил программы преподавания английской литературы, но и поощрял литературное творчество своих учеников. В 1909 г. в школьной газете *Pinkerton Critic* появились два его собственных стихотворения: 'A Late Walk' и 'The Flower Boat'. Последнее он опубликует в одной из своих книг только в 1928 г.

THE VANTAGE POINT (с. 44)

Романтическая идея превосходства над людьми иронически снижалась подзаголовком '[He is] scornful, but there is no one hurt'.

A DREAM PANG (с. 44)

Отношения Фроста с Элинор Уайт складывались негладко. Их свадьбе в 1895 г. предшествовало долгое, едва не закончившееся трагически ухаживание Роберта (см. коммент. к 'Reluctance'). Сдержанность и даже отчужденность Элинор вызывали у него приступы хандры и самоуничтожения. Он часто повторял, что, заставив Элинор выйти за себя замуж, не принес ей ничего, кроме горя и разочарований.

'A Dream Pang' — одна из вершин фростовской любовной лирики. Подзаголовок в издании 1913 г. — 'He is shown by a dream how really well it is with him'.

WIND AND WINDOW FLOWER (с. 46)

Мать поэта Изабель Фрост, начитанная и литературно одаренная женщина (несколько ее стихотворений было опубликовано в американских газетах), родилась в Шотландии. Она много читала детям вслух. Первые книги, которые слушал в детстве Роберт Фрост, — «Поз-

зия пограничной Шотландии» Вальтера Скотта, стихи и баллады Оссиановского цикла Дж. Макферсона, стихи и баллады Бернса. Было бы, конечно, наивно объяснять приверженность поэта Фроста жанру баллады на всем протяжении его творчества только этим обстоятельством, но, тем не менее, в американской поэзии XX века из сколько-нибудь значительных поэтов к балладной форме постоянно прибегал только Фрост.

Подзаголовок в издании 1913 г. — ‘Out of the winter things he fashions a story of modern love’.

GHOST HOUSE (с. 48)

Подзаголовок в издании 1913 г. — ‘He is happy in society of his choosing’. При всей своей снижающей иронии он указывает на реальные обстоятельства фростовской биографии. В детстве и юности Фрост часто спасался от обид бегством в мечты и фантазии. Некоторые из таких фантазий, по собственному признанию Фроста, служили ему темами для школьных сочинений.

TO THE THAWING WIND (с. 50)

Подзаголовок в издании 1913 г. — ‘He calls on change through the violence of the elements’. Комментарий Фроста не может скрыть очевидного контраста по настроению между этим стихотворением и всеми остальными из первой части. (См. коммент. к *A Boy's Will*). Первые годы работы на ферме в Дерри (1900–1905) — пожалуй, самый трудный период в жизни Фроста: неустроенность, семейные тяготы, нехватка денег. Но весна всегда производила на него живительное воздействие.

IN A VALE (с. 50)

Ферму в Дерри (см. коммент. к ‘My November Guest’) и окрестности — сад, лес, болото — Фрост «населил» маленькими человечками: гномами, гоблинами и эльфами.

Он придумал и рассказал своим детям множество занятных историй про живущих вокруг фермы маленьких людей. Он уверял их, что, когда сам был ребен-

ком, то часто встречался и беседовал с лесными человечками. Старшая дочь Фростов Лесли писала в своем детском дневнике: «Эльфы и гоблины не больше папиной руки».

Первый вариант стихотворения 'In a Vale' Фрост написал еще школьником. Впервые оно было опубликовано через двадцать пять лет после возникновения замысла и в издании 1913 г. имело подзаголовок 'Out of old longings he fashions a story'.

STORM FEAR (с. 52)

'He is afraid of his own isolation',—написал Фрост в подзаголовке о лирическом герое этого стихотворения.

Фроста всю жизнь преследовали всевозможные страхи. Известно, что в детстве и юности он не переносил темноты. Очень боялся отцовских наказаний. Рано умерший Уильям Прескотт Фрост был суров и скор на расправу. Он любил повторять пословицу 'Spare the rod and spoil the child'.

Характерно, что впоследствии Фрост, который очень любил своих детей и проводил с ними много времени, за проступки и провинности наказывал их по методу своего родителя.

STARS (с. 52)

Летом 1900 г. заболел четырехлетний первенец Фростов Элиот. Врач осмотрел ребенка и прописал ему пилюли. Состояние ребенка стремительно ухудшалось. Когда родители пригласили другого врача, тот сказал, что время упущено и помочь ребенку уже нельзя. Он умер той же ночью.

Чувство вины не покидало Роберта Фроста всю жизнь: не раз впоследствии он глухо намекал, что на его совести жизнь сына. В отчаяние впала и его жена Элинор. Воспитанная в строгой пуританской среде, она тем не менее возроптала на бога. После смерти Элиота она сказала мужу: 'There is no oversight of human affairs'. Именно эти слова Фрост вынес в подзаголовок 'Stars' в издании 1913 г.

GOING FOR WATER (с. 54)

В сборнике *A Boy's Will* подзаголовков нет только у двух стихотворений: 'Going for Water', заключавшем первую часть, и 'Reluctance', завершавшем третью часть и всю книгу.

Безымянный ручей, протекавший недалеко от фермы в Дерри, воспет во многих фростовских стихотворениях. В то время как в Нью-Гемпшире все реки и речки текут к океану, т.е. на восток, этот ручей тек на запад (см. коммент. к 'West-Running Brook'). Обжившись на ферме, семейство Фростов стало называть его Лягушачьим ручьем (см. коммент. к 'Hyla Brook').

REVELATION (с. 56)

Это стихотворение открывало вторую часть в издании *A Boy's Will* 1913 г. Тон и настроение стихов в этой части заметно меняются, не меняется только ирония комментирующих подзаголовков: 'He resolves to become intelligible, at least, to himself, since there is no help else'.

THE TUFT OF FLOWERS (с. 56)

В десяти милях от Лоуренса (см. коммент. к 'My November Guest') находится деревня Сейлем (Salem). Этот маленький поселок фермеров занимает видное место на карте фростовской поэзии. Именно там летом 1889 г. пятнадцатилетний Фрост помогал фермеру Лоуренсу Бейли убирать сено. Впоследствии он вспоминал, что стихотворение 'The Tuft of Flowers' навеяно работой на сенокосе в Сейлеме (см. также коммент. к 'The Code' и 'The Grindstone').

Поскольку Фрост, по его собственному признанию, никогда не писал стихов по свежим впечатлениям (и никогда их не датировал), определить время написания большинства из них, как правило, невозможно. 'The Tuft of Flowers' написано не позднее 1897 г. — именно тогда Фрост представил его в качестве поэтического сочинения на занятиях по английскому языку и литературе

в Гарвардском университете. Преподаватель А. Шеффилд весьма критично отнесся к этому произведению, указав на банальность рифмы и некоторые другие формальные недостатки.

Стихотворение 'The Tuft of Flowers' не получило одобрения в университетских кругах, зато помогло Фросту получить место учителя в академии Пинкертонна (см. коммент. к 'A Late Walk'). Прочитав вслух это стихотворение перед советом школы, местный священник сумел убедить аудиторию, что недоучившийся в Гарварде фермер сможет обучать окрестных детей английскому языку.

Не вызывает сомнения, что автор 'The Tuft of Flowers' знал и любил стихотворение У. Вордсворта 'The Daffodils'. Любопытно, что, кроме общего настроения, у двух авторов совпадают рифмы пятой и шестой строк.

У Фроста:

I looked for him behind an isle of trees;
I listened for the whetstone on the breeze.

У Вордсворта:

Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze.

Подзаголовок в издании 1913 г. — 'He resolves... to know definitely what he thinks about fellowship'.

PAN WITH US (с. 60)

Юный лирический герой этого стихотворения, по автокомментария Фроста, 'resolves to know definitely what he thinks about art (his own)'.

Одно из самых сильных юношеских увлечений Фроста — поэзия П. Б. Шелли. В этом стихотворении заметна переключка (полемичная) с «Гимном Пана» английского поэта-романтика.

THE DEMIURGE'S LAUGH (с. 62)

Подзаголовок Фроста к этому стихотворению в издании 1913 г. почти полностью повторяет тот, что имело стихотворение 'Pan with Us'. Только на сей раз лири-

ческий герой определяет свое отношение не к искусству, а к науке.

Эволюционное учение Ч. Дарвина долгое время запрещали преподавать в США. Неудивительно, что дарвинизм для многих американцев, в том числе и для Фроста, был символом и основным достижением научного мышления. Противопоставление «наука–религия» у Фроста почти всегда выступает в виде «дарвинизм–религия». Фрост всю жизнь будет мучительно размышлять над аргументами в пользу знания или веры.

В частных беседах со своим биографом Л. Томпсоном (L. Thompson) Фрост не раз говорил, что 'The Demiurge's Laugh'–стихотворение о дарвинизме.

Демииург Фроста, видимо, заимствован из Платона («Тимей») и понимается как творец всего сущего из со-вечной ему материи. И как таковой он, естественно, противопоставлен христианскому творцу, создавшему мир из ничего. (Фрост изучал Платона в Гарвардском университете.)

В связи с этим стоит упомянуть и об охоте мифологического Мидаса за Селеном; Селен в некоторых вариантах мифа после поимки раздражается демоническим смехом.

A LINE-STORM SONG (с. 62)

Подзаголовок в издании 1913 г.–'It is the autumnal mood with a difference'.

OCTOBER (с. 64)

Стихотворение написано на ферме в Дерри (начало 1900-х годов).

Фрост любил и знал английских романтиков, их влияние на творчество Фроста (особенно раннего) несомненно. Но уже в этом стихотворении мягкий фростовский юмор исподволь разрушает каноны романтического мышления.

Подзаголовок в издании 1913 г.–'He sees days slipping from him that were the best for what they were'.

RELUCTANCE (с. 66)

Это стихотворение, завершавшее *A Boy's Will*, связано со следующим драматическим эпизодом из жизни Фроста.

Роберт Фрост и Элинор Уайт тайно обручились в 1892 г. Элинор поступила в Сент-Лоренсовский университет (г. Кантон), а Роберт остался работать в родном городе. Переписывались они регулярно. В каждый приезд Элинор на каникулы домой Роберт настаивал на немедленной свадьбе. Элинор отказывалась. Роберту стало казаться, что его разлюбили, и осенью 1894 г., измученный сомнениями и ревностью, он решает поехать в Кантон, все выяснить и положить конец неопределенности. Перед отъездом он на собственные деньги печатает в местной типографии книгу, состоящую из двух его юношеских стихотворений, всего в двух экземплярах — для себя и своей возлюбленной. Книжечка имела роскошный переплет и называлась 'Twilight'.

Приехав в Кантон рано утром, Роберт отправился искать пансион, в котором Элинор снимала комнату. Нравы пансиона были строги — посещения разрешались только вечером, в отведенные для этого часы. Приезд Фроста удивил и разгневал Элинор. Книжечку она взяла, а самого Фроста выставила за порог, сказав, что разговаривать с ним будет только дома (т.е. в Лоуренсе).

Убитый горем Фрост, уверившись в худших своих подозрениях, решает, что жить больше не стоит. Он рвет в клочки книжку (второй, и ныне единственный экземпляр сохранился) и решает покончить с собой. Правда, способ он выбрал весьма необычный — он решил сгинуть в 'Dismal Swamp' (буквально — Зловещее болото). Dismal Swamp — громадное, почти непроходимое лесистое болото, находилось в штате Виргиния, в полутора тысячах миль от места жительства Роберта. Не сказав ни слова родным и знакомым (пусть помучаются!), он три дня добирался до Норфолка на поездах и пароходе, а оставшийся путь проделал пешком. Добравшись к вечеру до болота, он пошел вглубь. Реальных опасностей ночью на болоте было немало — топи, гремучие змеи, крупные хищники. К счастью для Роберта,

светила полная луна. Он шел до полуночи по едва видимым тропинкам и просекам и вышел к каналу, который пересекает Dismal Swamp с востока на запад. Здесь его взяли на свой катер охотники. Выспавшись в каюте катера, наутро он отказался от мысли о самоубийстве. Но что было делать дальше? Денег не было, посылать домой телеграмму о помощи не позволяла гордость, а до дома много сотен миль пути. Одиссея Роберта продолжалась двадцать три дня — он нанимался на случайные работы, ехал в товарных вагонах вместе с бродягами, шел пешком. В конце концов гордостью пришлось поступиться и на присланные матерью деньги Роберт возвратился домой.

Мысль о самоубийстве приходила к Фросту в молодости не единожды. Трудно судить, были ли его намерения серьезными, или же то была своеобразная игра в отчаяние и отверженность. В 1897 г., учась в Гарварде, Р. Фрост прочитал эссе американского философа Уильяма Джеймса «Стоит ли жить?» ('Is Life Worth Living?') и вместе с автором убедился, что стоит. Это, впрочем, не помешало ему вынашивать трагические планы уже на ферме в Дерри (начало 1900-х годов).

North of Boston

Первое издание книги вышло в Англии в 1914 г. Кроме уже привычной для читателей *A Boy's Will* медитативной лирики, она в основном содержала новые для Фроста поэтические формы — так называемые драматические диалоги-повествования. Написанные белым пятистопным ямбом, они рисовали картины из жизни фермеров Новой Англии.

Работа над книгой совпала по времени с разработкой Фростом теории белого стиха, который, по его мнению, держится на столкновении метро-ритмического рисунка стиха с нерегулярным ритмом естественной речи. Он, в частности, писал по этому поводу:

'...there are the very regular preestablished accent and measure of blank verse; and there are the very irregular accent and measure of speaking intonation. I am never more

pleased than when I can get these into strained relation. I like to drag and break the intonation across the meter as waves first comb and then break stumbling on the shingle.' (*Selected Letters of Robert Frost*, Ed by L. Thompson, New York, 1964, p. 128; далее: *Selected Letters*).

Нельзя сказать, чтобы этот принцип был абсолютно нов. Сам Фрост признавал, что у него были предшественники (Вергилий – в эклогах, Шекспир – в драмах, Вордсворт – в лирике), однако Фрост добился в своих диалогах такой естественности звучания, что несмотря на, в целом, книжную лексику фростовских «эклог», они многими читателями и критиками воспринимаются как просторечные.

Прежде чем Фрост остановился на названии *North of Boston* (что обозначает ту часть Новой Англии, в которой жил Фрост), он перепробовал немало других: 'Farm Servants', 'New England Eclogues', 'New Englanders', 'New England Hill Folk.'

Своеобразным эпиграфом к книге *North of Boston* могли бы послужить слова самого Фроста:

'...one of the things that makes you go is making a hero out of somebody that nobody else had ever noticed was a hero' (*Interviews with Robert Frost*. Ed by E. Lathem, New York, 1966, p. 172; далее *Interviews*).

THE PASTURE (с. 72)

Это стихотворение, впервые опубликованное в сборнике *North of Boston*, почти во всех последующих избранных и полных собраниях стихов Фроста, помещалось в качестве заглавного (эпиграфического) ко всей книге.

Написано, по всей вероятности, в Англии в 1913 г., наваяно жизнью на ферме в Дерри (1900–1909).

Э. А. Ричардс (E. A. Richards) в статье 'Two Memoirs of Frost' (*Touchstone*, Amherst, Mass. Vol. IV, No. 3, p. 20) приводит следующие слова Фроста о стихотворении 'The Pasture': 'There is a poem about love that's new in treatment and effect. You won't find anything in the whole range of English poetry just like that'. См. также коммент. к 'A Late Walk'.

MENDING WALL (с. 72)

В 1936 г., вспоминая на поэтическом вечере в Уэслейнском университете об обстоятельствах написания этого стихотворения, Фрост скажет: 'I wrote the poem "Mending Wall" thinking of the old wall that I hadn't mended in several years and which must be in a terrible condition. I wrote that poem in England when I was very homesick for my old wall in New England'. (L. Thompson, *Robert Frost. The Early Years*, New York, 1966, pp. 432–433; далее: *The Early Years*.)

В вышеприведенном отрывке Фрост вспоминает свою ферму в Дерри, которая с юга граничила с фермой Наполеона Гея. Действительно, на участке у Гея росли сосны, а у Фроста – яблоки. Реальный Наполеон Гей был милым и внимательным соседом, хотя и придерживался старинной поговорки 'Good fences make good neighbours'. Во время ежегодных летних отлучек Фростов он присматривал за их коровой и курами. Стоит упомянуть еще одно стихотворение Фроста, где прототипом героя был все тот же Наполеон Гей. В стихотворении 'The Ax-Helve', не вошедшем в наш сборник, Наполеону Гею воздано по справедливости – он действительно делал прекрасные топоры и многому научил самого Фроста.

THE MOUNTAIN (с. 74)

Написано в Англии в 1913 г. Почти как всегда у Фроста, стихотворение имеет конкретную топографию. Гора Ног (Ор) находится на севере штата Вермонт у озера Уиллоубай, где Роберт Фрост отдыхал со своей семьей в 1909 г. Есть в штате Вермонт и город Луненбург, правда, находится он в пятидесяти милях от горы Ор.

Выбор географических названий в этой истории едва ли случаен. Ор – библейский топоним, Луненбург – «город луны».

Можно прочитать этот диалог как мифологическую параболу. В противопоставлении Луна – Солнце, мифологическая луна – обычно отрицательный персонаж. Мировая гора (аналог мирового древа) трехчленна. На ее

вершине обитают боги, посередине – человеческий род, внизу – злые духи.

Правда, мифологические сюжеты Фрост чаще использовал в самом раннем периоде своего творчества (см., например, ‘Pan with Us’ и ‘The Demiurge’s Laugh’). Для зрелого и позднего Фроста привычнее многозначная притча.

НОМЕ BURIAL (с. 82)

Роберт Фрост не раз говорил, что поводом для написания ‘Nome Burial’ ему послужила реальная судьба Леоны Харвей. Леона – старшая сестра Элинора, жены Фроста, разошлась со своим мужем после смерти их ребенка в 1895 г. Он также говорил, что стихотворение написано в Англии в 1912 или 1913 г.

Фрост нередко искажал или приукрашивал факты своей биографии. Есть много оснований считать, что в ‘Nome Burial’ отражено и горе потери первого сына, пережитое Фростами в 1900 г. (См. коммент. к ‘Stars’). Дело не только в том, что описание места действия (лестницы на второй этаж с окном на площадке) соответствует интерьеру дома Фростов в Дерри, или что героиня поэмы произносит фразу ‘But the world’s evil’, которую после смерти сына постоянно произносила жена Фроста. Мотив непонимания между мужем и женой не раз встречается в поэзии Фроста. Стоическая позиция мужа – это позиция самого Фроста, к которой он пришел после мучительных испытаний молодости.

THE CODE (с. 88)

История, рассказанная Фростом в этом диалоге, связана с дорогими его сердцу местами. Именно в деревне Сейлем прошел он у фермера Лоренса Бейли всю науку уборки сена (см. коммент. к ‘The Tuft of Flowers’). В Сейлеме он жил и летом 1893 г. с сестрами Уайт.

Сам Фрост был, по многочисленным свидетельствам, не очень умелым фермером. По-настоящему ему пришлось заниматься фермерским трудом только два летних периода в юности (в 1889 и 1891 гг.), когда он на-

нимался на фермы ради заработка. Прожив в сельской местности значительную часть своей жизни, он не зарабатывал денег фермерским трудом. В Дерри до устройства на работу в академию Пинкертонна он, правда, разводил кур, но если бы не помощь Карла Баррела (см. коммент. к 'The Self-Seeker'), который жил с ним на ферме первые три года и выполнял все основные работы, он едва ли сумел бы свести концы с концами. С отъездом Баррела дела постепенно расстроились. Сам Фрост, однако, охотно поддерживал миф о себе, как о «человеке из народа, фермере-поэте из Новой Англии».

THE FEAR (с. 96)

Фрост страдал сенной лихорадкой. Поэтому начиная с 1903 г. на период цветения полевых цветов он уезжал с семьей со своей фермы в Нью-Йорк (в 1903 г.), а потом – в горы Вермонта.

Летом 1906 г. он познакомился с семьей фермеров-ирландцев Линчей и с тех пор летом приезжал к ним со своими домочадцами в поселок Вифлеем. Днем он бродил по окрестностям, играл с детьми, а вечером все собирались вместе и рассказывали друг другу истории, некоторые из них впоследствии легли в основу стихов Фроста.

Однажды Фрост прогуливался после обеда с пятилетним сыном Кэрролом по проселочной дороге, соединяющей Вифлеем с поселком Франкония. Возвращались домой уже в сумерки. Увидев приближающуюся двуколку, сошли с дороги. Фрост заметил, что проезжающая мимо женщина нервно стегнула лошадь. Двуколка свернула за угол дома, послышались голоса, зажегся фонарь. Потом женщина вышла на дорогу, оглядела прохожих и подозрительно спросила, что это они высматривают у ее дома. Фрост ответил, что они просто прогуливаются, а живут неподалеку, на ферме Линчей.

В тот же вечер Фрост рассказал миссис Линч о странной женщине, на что та поведала ему печальную историю. Одна из местных девушек училась в Бостоне и вышла там замуж. Работая медсестрой в больнице, влюбилась в пациента и сбежала с ним от мужа и ребенка. «И теперь, несмотря на большое расстояние

от Бостона и нашу глухомань, живет в вечном страхе, что муж найдет и убьет ее».

Тема страха и его преодоления всегда волновала Фроста. Все, отвечавшее его вере в то, что обыденная жизнь требует от человека мужества, вызывало у него искренний и глубокий интерес.

THE DEATH OF THE HIRED MAN (с. 102)

Когда Фрост опубликовал в Англии свой первый сборник стихов *A Boy's Will*, он задумал написать роман о фермерах Новой Англии, положив в основу сюжета конфликт старого опытного фермера с молодым выпускником колледжа. Роман так и не был написан. Но отголоски этого плана видны в драматическом диалоге 'The Death of the Hired Man'.

Америка практически не знала своего великого поэта до 1915 г. (правда, первые положительные рецензии в американской прессе поэтов Эзры Паунда, жившего тогда в Лондоне, и Эми Лоуэлл появились в 1913 и 1914 гг.). Когда в 1915 г. в США вышло первое американское издание *North of Boston*, среди появившихся, в основном хвалебных, рецензий была и такая. Переписав в прозаическую строку без заглавных букв начало 'The Death of the Hired Man', известный тогда журналист Ф. П. Адамс (F. P. Adams) заключил: 'We confess to disappointment in Robert Frost's *North of Boston*. Intellectuals broader and riper than ours have acclaimed it as fine poetry. Mr. Frost begins his lines with capital letters just the same as the poets we greatly admire. One test of poetry is to set it as prose... There is, to our constricted notion, as much poetry as in a boxscore or a weather forecast' (*Tribune*, 11 June 1915).

Осенью 1915 г. в Бостоне актеры-любители поставили два драматических диалога Фроста. Фрост был приглашен на представление. Его взбесила игра исполнителей ролей Уоррена и Мэри в 'The Death of the Hired Man'. Образованные городские жители, они решили, что сельских жителей надо изображать, неуклюже ступая

по сцене и разговаривая грубыми голосами. После представления Фрост был приглашен за кулисы, где и набросился на исполнителей. «Неужели не ясно, – кричал он, – что Мэри и Уоррен неглупые интеллигентные люди? Ах, не ясно? Так знайте же, что и он, и она окончили колледж».

AFTER APPLE-PICKING (с. 112)

С 1912 по 1915 г. Фрост жил в Англии, где и были опубликованы две его первые книги стихов. Многие из этих стихов написаны в молодости. После опубликования первых двух книг Фроста стали посещать страхи, что он выдохся как поэт, что лучшее им уже написано. Вот что он писал в письме Л. Унтермейеру (L. Untermeyer) 4 мая 1916 г.: 'I am going to tell you something I never but once let out of the bag before and that was just after I reached London and before I had begun to value myself for what I was worth... It is this: The poet in me died nearly ten years ago.' (*Selected Letters*, p. 201).

Не исключено, что в этом письме Фрост намекает именно на стихотворение 'After Apple-Picking', которое многие комментаторы склонны рассматривать как притчу о поэтическом творчестве.

THE SELF-SEEKER (с. 114)

Когда в 1888 г. четырнадцатилетний Роберт учился в средней школе Лоуренса, он подружился с одноклассником Карлом Баррелом (Carl Burrell). Однокласснику было тогда двадцать четыре года, и он уже успел многое повидать. Эта дружба будет играть значительную роль в жизни Фроста вплоть до 1902 г. Карл Баррел был человеком пытливым и начитанным. Он познакомил Роберта с эволюционной теорией Дарвина и заронил в его душу первые семена если не атеизма, то во всяком случае скепсиса. У Баррела было увлечение, которым он впоследствии заразил и Фроста: он был страстным собирателем гербариев. Его особенно интересовали мхи и орхидеи. Под его руководством Фрост познакомился с флорой Новой Англии и потом уже не бросал увлечения ботаникой до конца своих дней.

Карл Баррел не прерывал отношений с Фростом, даже уехав из Лоуренса.

В 1896 г. Баррел работал на лесопилке в деревне Пемброук (штат Нью-Гемпшир) и нашел для молодоженов Элинора и Роберта летний дом в соседней деревне Алленстаун. В то лето Карл и Роберт много бродили по лесам и полям, собирая цветы и мхи. Обилию цветов в своих стихотворениях Фрост во многом обязан Баррелу.

Отдых четы Фростов был нарушен несчастным случаем, который произошел с Баррелом. Пола его куртки попала в ременный привод пилы, Баррела затянуло в механизм, и он серьезно поранил себе ноги. Разговор Карла с юристом о денежной компенсации происходил на глазах Фроста.

Много лет спустя, видимо, чтобы сделать приятное своему другу, Фрост в стихотворении 'The Self-Seeker' погрешил против ботаники, заставив цвести одновременно три самых любимых орхидеи Баррела -- *Ram's Horn*, *Yellow Lady's Slipper* и *Purple Lady's Slipper*. В Новой Англии они никогда не цветут в одно время.

Неизвестно, переписывался ли реальный Карл Баррел с крупнейшим американским натуралистом и философом Джоном Барроузом, но у Баррела действительно была превосходная ботаническая библиотека, и сам он много писал на ботанические темы.

В этом стихотворении Фрост -- еще в начале века -- предвосхитил основную экологическую проблему нашего времени. Человек, по Фросту, в своих отношениях с природой, подобен змее, кусающей себя за хвост. Даже влюбленный в природу герой драматического диалога, зарабатывает себе на жизнь тем, что способствует уничтожению тех ее видов, которые пока не стали редкими.

Роберт Фрост считал Уильяма Батлера Йейтса одним из величайших англоязычных поэтов. В рассказе героя о кувшинках (*the Hearts*) слышна переключка с ранней пьесой Йейтса 'The Land of Heart's Desire', которую Фрост очень любил и ставил со своими учениками в академии Пинкертона.

THE WOOD-PILE (с. 130)

Если сравнить лирику Фроста и его драматические повествования, то может показаться, что они написаны двумя разными поэтами—столь различны они и по форме и по содержанию. Лирика Фроста вся концентрируется на внутреннем мире и очень интимных переживаниях, драматические же диалоги—всегда истории с сюжетом и действующими лицами, полудрамы-полунovelлы. И только в очень немногих стихах, в частности в 'The Wood-Pile', эти две ипостаси Фроста сближаются.

Mountain Interval

Третья книга стихов Р. Фроста увидела свет в 1916 г. в нью-йоркском издательстве Henry Holt & Co, с которым отныне и будет связана литературная судьба Роберта Фроста.

Стихи, вошедшие в эту книгу, написаны в течение двадцатилетнего периода (с 1896 по 1916 г.).

Первое издание *Mountain Interval* было опубликовано со следующим посвящением жене:

TO YOU

Who least need reminding that before this interval of the South Branch under black mountains, there was another interval, the Upper at Plymouth, where we walked in spring beyond the covered bridge, but that the first interval of all was the old farm, our brook interval, so called by the man we had it from in sale.'

Посвящение содержит намек на три места жительства семьи Фростов: поселок Франкония в горах Грин-Маунтин (1915–1920), штат Вермонт; г. Плимут в горах Уайт-Маунтин, штат Нью-Гемпшир, где Фрост преподавал целый год в школе (1911–1912) до отъезда в Англию; и ферму в Дерри (1900–1909).

THE ROAD NOT TAKEN (с. 136)

В 1913 г. в Англии Фрост познакомился с писателем Эдвардом Томасом (Edward Thomas). Как правило, отношения Фроста с коллегами по перу складывались сложно — к собратьям по ремеслу он часто был ревнив и подозрителен. С Томасом же сразу завязалась дружба, да причем такая, что и Фрост, и Томас не раз признавались, что более близкого друга каждый из них в жизни не имел.

Сближало их многое — общие поэтические вкусы, схожесть темпераментов и характеров, увлечение ботаникой. Когда Фрост в 1915 г. вернулся в США, Томас серьезно обдумывал возможность переехать в Америку и поселиться в Нью-Гемпшире рядом со своим другом.

Э. Томас принимал решения только после мучительных колебаний, а приняв, часто сомневался, правильный ли выбор сделал. Фрост, воспитанный по стоику-пуританскому принципу «Добрый пахарь никогда не оглядывается», часто подтрунивал над своим другом, повторяя: 'No matter which road you take, you'll always sigh, and wish you'd taken another.' (L. Thompson. *Robert Frost. The Years of Triumph*, New York, 1970. p. 88; далее: *The Years of Triumph*).

Уже вернувшись в США, Фрост прислал Томасу свое новое стихотворение 'The Road Not Taken' без каких-либо пояснений. Томасу стихотворение понравилось, намек на собственную нерешительность он в нем не увидел. В следующем письме Фрост мягко объяснил другу, что 'The Road Not Taken' написано не без иронии. Но и это объяснение не изменило мнения Томаса. Он ответил Фросту:

'You have got me again over "Path not taken" ... I doubt if you can get anyone to see the fun of the thing without showing them and advising them what kind of laugh they are to turn on' (из письма Э. Томаса Р. Фросту от 11 июля 1915 г.; цит. по: *The Years of Triumph*, p. 89).

Элемент пародии в стихотворении, безусловно, есть, но только пародией оно не исчерпывается. Фростовские притчи никогда не были прямолинейными и практически всегда учитывали «правду» разных сторон. Что же ка-

сается мнения самого Фроста об этом стихотворении, то в течение жизни он менял его не раз. Самой близкой к истине представляется его оценка, высказанная в 1961 г., уже незадолго до смерти: 'You have to be careful of that [*'The Road Not Taken'*—Ю. З.]; it's a tricky poem, very tricky.'

THE OVEN BIRD (с. 136)

Написано на ферме в Дерри скорее всего в 1906 или 1907 г., в течение так называемого «сонетного периода» творчества Фроста.

RANGE-FINDING (с. 138)

Написано не позднее 1911 г.; было послано в качестве рождественского поздравления Сьюзен Уорд (Susan H. Ward), заведовавшей отделом поэзии журнала *Independent*, который с 1892 по 1911 г. опубликовал шесть стихотворений Фроста.

BOND AND FREE (с. 138)

Фрост говорил, что это стихотворение написано в период между 1896 и 1900 г. Хотя сам Фрост часто путал или намеренно искажал время написания своих стихотворений, есть основания считать, что в данном случае он прав. 'Bond and Free' по настроению похоже на другие стихи его раннего, «романтического» периода.

THE TELEPHONE (с. 140)

Написано в Дерри между 1900 и 1909 г. Одно из любовных посланий Роберта Элинора Фрост.

MEETING AND PASSING (с. 142)

Летом 1895 г., незадолго до женитьбы, Фрост отдыхал на озере Уиннепесоки (Нью-Гемпшир) с сестрами Элинора и Леоной Уайт. Сестры снимали номер в гостинице, а Фрост, не имея денег, ночевал неподалеку в заброшенной хижине лесорубов. Следы Элинора и Робер-

та действительно пересекались там в разных направлениях, и в то время они и в самом деле были уже 'less than two, but more than one as yet'. Свадьба Элинор и Роберта Фроста состоялась 19 декабря 1895 г.

Написано, скорее всего, в Дерри в 1906 или 1907 г., когда Фрост много экспериментировал с сонетной формой.

HYLA BROOK (с. 144)

Лягушачьим ручьем (Hyla Brook) семья Фростов называла безымянный ручей, текущий к западу, на ферме в Дерри (см. коммент. к 'West-Running Brook').

BIRCHES (с. 144)

Написано в Англии в 1913 или 1914 г. Роберт Фрост говорил, что написал его, скучая по Новой Англии.

В 1896 г., когда Роберту было одиннадцать лет, семья Фростов жила в деревне Сейлем. В школе Роберт подружился с Чарльзом Пибоди (Charles Peabody), который «катался на березах» на ферме своего отца и научил этому Роберта.

Стихотворение состоит как бы из двух частей: лирического описания и морали. По этому принципу построено немало стихотворений Фроста. Причем «мораль» часто иронична и многозначна.

Существует много интерпретаций заключительной части этого стихотворения – писали о символическом изображении физического и духовного, светского и религиозного, практического и теоретического, видели в ней параболу труда и отдыха, творчества и рутины и т.д.

Очень интересен следующий отрывок:

May no fate will fully misunderstand me
And half grant what I wish and snatch me away
Not to return. Earth's the right place for love:
I don't know where it's likely to go better.

Фрост хорошо был знаком не только с классической литературой (латинской и греческой), но и с античной философией. В Дартмутском колледже он изучал философию Платона, а в Гарварде слушал курс лекций

по истории философии, который читал известный американский философ Джордж Сантаяна.

К философии Платона Фрост относился в целом отрицательно. В 1938 г. он напишет: ‘...I am not the Platonist... By Platonist I mean one who believes what we have here is an imperfect copy of what is in heaven.’ (*Selected Letters*, p. 462).

Приведенные выше строки из стихотворения ‘Birches’ полемизируют с «Пиром» Платона, где говорится о любви как постепенном восхождении по ступеням красоты к прекрасному (речь Сократа).

THE EXPOSED NEST (с. 148)

В стихотворении описан реальный случай, произошедший на ферме в Дерри; написано во Франкони (штат Вермонт) уже после возвращения из Англии.

LOCKED OUT & THE LAST WORD OF A BLUEBIRD (с. 150)

Оба стихотворения написаны Фростом в Дерри для его детей. Лесли – старшая дочь Фростов, которой ко времени опубликования этих стихов исполнилось семнадцать лет.

A GIRL'S GARDEN (с. 152)

Написано во Франкони (Вермонт) в 1915 или 1916 г. История маленького детского огорода, рассказанная с теплым юмором, содержит и скрытую самоиронию, связанную с мифом о Фросте-«фермере».

THE COW IN APPLE TIME (с. 154)

Написано в Англии, впервые опубликовано в *Poetry and Drama*, December 1914.

Фрост говорил, что стихотворение навеяно реальным случаем в Дерри, где однажды ему пришлось ловить убежавшую корову. Многие комментаторы видят в этом стихотворении пуританскую притчу о расплате за грех.

AN OLD MAN'S WINTER NIGHT (с. 156)

Написано в Дерри зимой 1906–1907 г. Недалеко от Фростов жил чудак, одинокий старик Чарльз Ламберт, который годами ни с кем ни общался.

'OUT, OUT-' (с. 158)

Описывает реальный случай в Вифлееме (Нью-Гемпшир), произошедший в марте 1910 г. (см. также коммент. к 'The Fear').

Шестнадцатилетнему Реймонду Фицджеральду, с которым во время приездов на ферму Линчей играли дети Фроста, пилой отрезало руку, и тот вскоре умер от болевого шока.

Мотив героико-стоического отношения к испытаниям и мужества, которого требует жизнь, пронизывает все творчество Фроста. В письме Л. Унтермейеру в 1920 г. он писал:

'And I suppose I am a brute in that my nature refuses to carry sympathy to the point of going crazy just because someone else goes crazy, or of dying just because someone else dies. As I get older I find it easier to lie awake nights over other people's troubles. But that's as far as I go to date. In good time I will join them in death to show our common humanity.' (*Selected Letters*, p. 248).

Название стихотворения отсылает к известному монологу шекспировского Макбета (курсив автора коммент.):

To-morrow, and to-morrow, and to-morrow,
Creeps in this pretty pace from day to day
To the last syllable of recorded time,
And all our yesterdays have lighted fools
The way to dusty death. *Out, out, brief candle!*
Life's but a walking shadow, a poor player
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more: it is a tale
Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing.

THE BONFIRE (с. 160)

Написано во Франкони не позднее июня 1915 г.; впервые опубликовано в *The Seven Arts*, November 1916.

Весной на ферме в Дерри собирали сухие листья, старые сучья и, к радости детей, зажигали большой костер. Весной 1905 г. огонь из-за сильного ветра вышел из повиновения, загорелась сухая трава на ферме до Лягушачьего ручья и проселочной дороги. Дети спрятались в испуге, а Роберт Фрост снял с себя пальто и сбивал им огонь, спасая дом и сарай.

Стихотворение содержит скрытый намек на немецкие бомбардировки Англии с дирижаблей во время первой мировой войны.

THE SOUND OF TREES (с. 166)

Написано в Англии в 1914 г., впервые опубликовано в *Poetry and Drama*, December 1914.

По свидетельству Фроста, навеяно его пребыванием в доме английского поэта Л. Аберкромби (L. Abercrombie), в графстве Глостершир, перед домом которого росли могучие вязы.

New Hampshire

Книга стихов *New Hampshire* вышла в издательстве 'Henry Holt' в 1923 г. и имела необычную композицию, которая раскрывалась вторым заглавием: 'A Poem with Notes and Grace Notes', т.е. «Поэма с примечаниями и орнаментикой». Заглавная поэма 'New Hampshire' действительно имела отсылки к нескольким стихотворениям, входящим в раздел 'Notes'. Большинство стихотворений (тридцать лирических миниатюр) были собраны под музыкальной рубрикой 'Grace Notes' («Мелизмы»).

За книгу стихов *New Hampshire* Р. Фрост был удостоен Пулитцеровской премии, высшей литературной премии США.

NOTHING GOLD CAN STAY (с. 174)

С начала двадцатых годов Фрост много работает над гномическими формами, ищет лаконичных, экономных решений. Первый из шести известных вариантов 'Nothing Gold Can Stay' имел три строфы по восемь строк каждая. Отказавшись от первой строфы, две последние Фрост «ужал» до восьми строк.

TO EARTHWARD (с. 176)

Стихотворение интересно тем, что своеобразно отражает отход зрелого Фроста от христианской идеи стремления к совершенству, заимствованной у Платона: 'Be ye therefore perfect, even as your Father in Heaven is perfect'.

Вот признания самого Р. Фроста:

'One of the greatest changes my nature undergone is of record in "To Earthward"... In my school days I simply could not go on and do the best I could with a copy book I had once blotted. I began life wanting perfection and determined to have it. I got so I ceased to expect it and could do without it. Now I find I actually crave the flaws of human handwork. I gloat over imperfection.' (*Selected Letters*, p. 482).

TO E. T. (с. 178)

Стихотворение посвящено Эдварду Томасу (см. коммент. к 'The Road Not Taken'). При всей своей нерешительности Томас умел принимать важные решения. В 1915 г. он ушел добровольцем на фронт и погиб в горах Вими под Аррасом 9 апреля 1917 г.

Фрост много сделал для увековечения памяти друга. Сборник стихов, упоминаемый в стихотворении, был издан в США стараниями самого Фроста уже после гибели друга. Да и стихи Эдвард Томас начал писать под влиянием Фроста, который разглядел у Томаса недюжинный поэтический дар.

Как уже отмечалось, Фрост не умел писать по горячим следам. Обещание написать стихотворение на смерть друга он смог выполнить только через два с

половиной года. Отношение поэзии Фроста к жизненно-му материалу хорошо характеризуют строки из его письма литературоведу профессору Уилбуру Кроссу (Wilbur Cross): 'I have wanted to say a word to you to explain my failure to do anything about Edward Thomas. I find he was too near me. Some time I shall write about him. Perhaps it will come to me to write in verse. As yet I feel too much the loss of the best friend I ever had. And by that I don't mean I am overwhelmed with grief. Something in me refuses to take the risk—angrily refuses to take the risk—of seeming to use grief for literary purposes. When I care less I can do more' (*Selected Letters*, p. 225).

STOPPING BY WOODS

ON A SNOWY EVENING (c. 180)

В американской поэзии XX века трудно найти другое стихотворение, которое чаще включалось бы в антологии англоязычной поэзии. Сам Фрост не раз называл его самым любимым своим стихотворением и даже 'My best bid for remembrance' (R. Frost. *Letters to Untermeyer*, p. 163).

Семейное предание Фростов гласит, что в этом стихотворении изображен большой пруд на пути от фермы в Дерри к поселку у железнодорожной станции. В то время Роберт Фрост часто ездил по этой дороге на лошади за продуктами.

Фрост неоднократно говорил, что 'Stopping by Woods...' он написал сразу без единой пометки. Когда были найдены черновики, выяснилось, что в этом утверждении больше желания отвечать романтической идее пророческого озарения, чем правды. Стихотворение до обретения окончательной формы имело много правок.

Как-то Фрост сказал, что хотел бы видеть 'Stopping by Woods...' напечатанным с сорока страницами примечаний. К настоящему времени опубликованы уже сотни страниц комментариев к одной только последней строфе (см., например, John Ciardi. 'Robert Frost: The Way to the Poem' in: *Dialogues with an Audience*, 1963, pp. 147–157).

Одна из немногих пародий на Р. Фроста была опубликована в газете *Student* колледжа Амхерста 7 января 1924 г.

SHOPPING IN WOODS
ON A SNOWY EVENING

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
This is his still that I see here
From which the goodly liquids flow.

My little horse must think it queer
That I don't jump to get the beer
He does not know the game is up—
Police are closing in the rear.

He gives his harness bells a shake.
Thank God there must be some mistake!
They do not come to pull me in,
My thirst once more I now can slake.

Один из крупнейших американских поэтов XX века Э. А. Робинсон не раз говорил, что последнее четверостишие стихотворения 'Stopping by Woods...'—лучшее во всей современной поэзии. Вырезанное на дереве, оно висело у него над кроватью.

FOR ONCE, THEN, SOMETHING (с. 184)

Фрост, выросший в религиозной среде, не раз совершал в своей поэзии самый страшный для верующего грех—подвергал сомнению существование всевышнего.

Если Библия гласит, что бог создал человека по образу и подобию своему, то лирический герой 'For Once, Then, Something' видит себя 'godlike' 'in the summer heaven', т. е. как бы переиначивает библейскую схему: человек создал бога по образу и подобию своему и силой своего воображения поместил его на небеса.

'Truth... at bottom', видимо, связано с известным высказыванием, которое приписывается древнегреческо-

му философу Демокриту (IV в. до н.э.): «Об истине мы не знаем ничего, ибо истина лежит на дне колодца».

GOOD-BY AND KEEP COLD (с. 188)

Написано в 1920 г. на ферме во Франкони (Вермонт).

Завершив стихотворение, Фрост послал его в Массачусетский сельскохозяйственный колледж профессору Ф. К. Сиарсу с просьбой проверить помологические детали. Известный помолог, подтвердив правильность фростовских наблюдений, нашел, что в стихотворении кое-где хромает ритм, и предложил соответствующие поправки. Фрост, естественно, не учел поправок ботаника, но всегда рассказывал это как анекдот в публичных выступлениях перед чтением стихотворения 'Good-by and Keep Cold'.

THE CENSUS-TAKER (с. 194)

Фрост с болью наблюдал за упадком традиционных фермерских хозяйств Новой Англии. Как видно из стихотворения 'The Census-Taker', эта проблема занимала его прежде всего в философско-теологическом плане. По христианской доктрине бог всемогущ и всеблаг. Автор строк:

The place is desert, and let whoso lurks
In silence, if in this he is aggrieved,
Break silence now or be forever silent.

серьезно усомнился, по крайней мере, во всеблагости всевышнего.

THE GRINDSTONE (с. 196)

В саду Лоренса Бейли (см. коммент. к 'The Tuft of Flowers') под старой корявой яблоней действительно стоял точильный станок, описанный в этом стихотворении.

Это одно из многих стихотворений, написанных зрелым Фростом на основе юношеских впечатлений.

West-Running Brook

Пятая книга стихов Фроста была опубликована в 1928 г.

Фрост назвал ее по стихотворению, занимающему в его творчестве особое место.

Эпиграфом к этой книге могла бы послужить строка из заглавного стихотворения 'West-Running Brook': 'Speaking of contraries...' Противоречия и противоположности у зрелого Фроста не исключают друг друга, но объединяются в диалектической общности более высокого порядка. Как он сам писал в одном из своих писем: 'Having ideas that are neither pro nor con is the happy thing. Get up there high enough and the differences that make the controversy become only two legs of a body the weight of which is on one in one period, on the other in the next' (*Selected Letters*, p. 324).

TREE AT MY WINDOW (с. 204)

На ферме в Дерри рядом с домом росла белоствольная береза. При сильном ветре ее ветви задевали за оконные стекла комнаты, в которой работал Фрост. Много лет спустя он описал это дерево в стихотворении 'Tree at My Window'.

Отношение к природе как к символу божественного провидения, характерное, в частности, для американских трансценденталистов, было в известной мере свойственно и Фросту. Но в природе он ищет не только и не столько провиденциального знака и благодати, а созвучности и родственности. Человек, по Фросту, — часть природы, но часть совершенно особая, с ней полностью не сливающаяся (см. также коммент. к 'The Most of It' и 'The Draft Horse').

SPRING POOLS (с. 204)

На одном из занятий по английской литературе в академии Пинкертон (1907 г., см. коммент. к 'The Tuft of Flowers') Фрост предложил ученикам на выбор четыре способа написания сочинений на вольную тему:

Необычное описание необычного (события, явления)
Обычное описание обычного
Обычное описание необычного
Необычное описание обычного

Мнения учеников, естественно, разделились. Сам Фрост высказался за четвертую из возможностей этой классификации. И нетрудно убедиться, что оставался верен ей в поэзии всю жизнь.

A PASSING GLIMPSE (с. 212)

В некоторых изданиях стихотворение имело посвящение американскому поэту и драматургу Р. Торренсу (1875–1950), с которым Фрост дружил многие годы. ‘To Ridgely Torrence on last looking into his “Hesperides”’. ‘Hesperides’ – сборник стихов Торренса, вышедший в 1925 г.

THE THATCH (с. 214)

Одно из любовных посланий, адресованное Элинор. Относится к 1914 г., когда Р. Фрост в Англии гостил у поэта Л. Аберкромби, дом которого имел соломенную крышу (a thatch). См. также коммент. к ‘The Sound of Trees’.

ACQUAINTED WITH THE NIGHT (с. 218)

Это мрачное по духу стихотворение перекликается с библейским: ‘... a man of sorrows, and acquainted with grief’ (*Isaiah* 53: 3).

В издании 1928 г. входило в рубрику ‘Fiat lux’, пародирующую библейское ‘Fiat lux’ («Да будет свет»).

SAND DUNES (с. 220)

Контрастные образы разрушительной мощи океана и стойкого терпения человека перекликаются с образным рядом из стихотворения ‘The Chambered Nautilus’ Оливера Уэнделла Холмса:

Build thee more stately mansions, O my soul,
 As the swift seasons roll!
 Leave thy low-vaulted past!
 Let each new temple, nobler than the last,
 Shut thee from heaven with a dome more vast,
 Till thou at length art free
 Leaving thine outgrown shell by life's unresting sea!

THE FLOWER BOAT (с. 220)

Написано в 1894 или 1895 г. (См. также коммент. к 'A Late Walk').

THE ARMFUL (с. 222)

Написано в 1927 г. Летом и осенью того года во время подготовки к изданию книги *West-Running Brook* Фроста одолевали семейные заботы. Болели жена, взрослые дети и внук. Множество мелких дел отвлекало от работы. Письма того времени полны жалоб на житейские неурядицы, стихи — спокойных размышлений о стоическом долге человека.

ACCEPTANCE (с. 224)

«Христианское смирение» (acceptance) вполне уживалось во Фросте с богоборчеством (см., например, 'The Census-Taker') и даже с издевкой над Священным писанием и всевышним. Ко времени написания 'Acceptance' относится и его письмо к дочери Лесли в связи с рождением внука: 'Mama was saying she hoped no mistakes would be made in the education of such a cute little fellow as Prescott [the newly born grandson]. Amen say I. You hear that, God? We are saying we hope no mistake will be made in the education of Prescott Frost, South Shaftsbury, Vermont, U.S.A. on the Earth. A word to the All-wise should be sufficient. There's nothing we can do about it if you ignore the hint. We are not threatening to stop going to church. (We've pretty well stopped already)... No disrespect intended. We believe in you. Go in and win. At any rate do the best you can. We are with you at every opening. We are in your fight

against the Older God—I mean Chaos Chronos Column (Newspaper) Saturn Satan or whatever alias he turns up under' (*The Years of Triumph*, p. 614).

WEST-RUNNING BROOK (с. 224)

Спор мужчины и женщины на берегу реки вобрал в себя многие философские проблемы, волновавшие Фроста. Непосредственным толчком для написания стихотворения послужила встреча Фроста с его бывшим студентом Э. Ричардсом (E. Richards) в 1920 г. (см. коммент. к 'The Most of It'), показавшим Фросту свое стихотворение 'Joe Wright's Brook', в котором двое влюбленных спорят о названии реки. Фрост тогда же заметил, что, задумай он драматический диалог о названии ручья, то написал бы его совсем не так. Как уже отмечалось, интерес к науке сочетался у Фроста с недоверием к научному мышлению. Не удивительно, что еще в 1911 г. Фрост испытал сильное влияние А. Бергсона, одного из наиболее активных ниспровергателей интеллекта в философии начала XX века.

Приняв аллегория жизни как реки (Лукреций), нетрудно найти в стихотворении 'West-Running Brook' аллегорическое изображение эволюционной теории Ч. Дарвина:

It is from that in water we are from
Long, long before we were from any creature;

взглядов английского психолога Хевлока Эллиса («жизнь как танец»):

Some say existence like a Pirout
And Pirouette, forever in one place,
Stands still and dances...;

идеи «жизненного порыва» (*élan vital*) А. Бергсона:

It is this backward motion toward the source,
Against the stream, that most we see ourselves in,
The tribute of the current to the source.

Философский и религиозный круг чтения Фроста подсказывает расшифровку аллюзий и в следующих отрывках:

It [life—Ю. З.] has this throwing backwards on itself
 So that the fall of most of it always
 Raising a little, sending up a little.

В «Первом послании к Коринфянам» апостола Павла говорится: «...то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (15 : 36).

Our life runs down in sending up the clock.
 The brook runs down in sending up our life.
 The sun runs down in sending up the brook.
 And there is something sending up the sun.

Лукреций в поэме «О природе вещей» говорит, что смерть не есть уничтожение, а лишь перераспределение материи в космосе (смерть земли рождает огонь, смерть огня рождает воздух, смерть воздуха рождает воду, а смерть воды рождает землю).

Трагический стоицизм, к которому склоняется автор в этом «полюбовно» закончившемся споре, предвосхищает более поздние философские искания на Западе.

THE BEAR (с. 228)

Фрост, разделявший убеждение Эмерсона, что «все сущее достойно поэтического изображения», в своих поэтических зарисовках всегда точен и конкретен. Но где он мог наблюдать медведей в естественных условиях? Ответ нашелся в одном из писем Фроста Л. Унтермейеру (август 1925 г.) из Франконии:

'We are enjoying a descent of bears upon this region. If we survive it there should be much to tell... A mother and two cubs went up the road by our house the other evening tearing down small cherry trees along the wall. You could see where one of the cubs had wiped his bottom on a large stone...' (*The Letters of Robert Frost to Louis Untermeyer*, New York, 1963, p. 176).

И, как всегда, за живой и узнаваемой картиной находится и другой, отвлеченный план. Интересна пародийная перековка этого стихотворения Фроста с отрывком из 'An Essay on Man' А. Попа (A. Pope):

Know then thyself, presume not God to scan,
 The proper study of mankind is Man.

Placed on this isthmus of a middle state,
 A being darkly wise and rudely great:
 With too much knowledge for the Sceptic side,
 With too much weakness for the Stoic's pride,
 He hangs between, in doubt to act or rest;
 In doubt to deem himself a God or Beast;
 In doubt his mind or body to prefer;
 Born but to die, and reasoning but to err;
 Alike in ignorance, his reason such,
 Whether he think too little or too much;
 Chaos of thought and passion, all confused;
 Still by himself abused and disabused;
 Created half to rise, and half to fall,
 Great lord of all things, yet a prey to all;
 Sole judge of truth, in endless error hurl'd;
 The glory, jest, and riddle of the world!

A Further Range

Шестая книга стихов Роберта Фроста появилась в 1936 г. Она, как и все предыдущие, была посвящена Элинор Фрост:

'To E. F. for what it may mean to her that beyond the White Mountains were the Green; beyond both were the Rockies, the Sierras, and, in thought, the Andes and the Himalayas—range beyond range even into the realm of government and religion.'

Ранее в советской американистике название книги переводилось как «Дальний хребет». Посвящение, расшифровывающее название (как, впрочем, и само название), не дает оснований для такого перевода.

За эту книгу стихов Фрост в очередной, уже третий, раз получил Пулитцеровскую премию; вторая была присуждена ему в 1931 г. за сборник «Избранные стихотворения».

THE GOLD HESPERIDEE (с. 236)

Впервые опубликовано в журнале *Farm and Fireside*, September 1921. В издании 1936 г. имело подзаголовок 'How to Take a Loss'.

Сочетание античного мифа о яблоках Гесперид с библейской притчей о «сотворении кумира» подчеркивает ироничность подзаголовка, пародирующего известную пуританскую заповедь.

Ахаз – библейский царь – вероотступник (2-ая Паралипоменон, 28).

IN TIME OF CLOUDBURST (с. 240)

В издании 1936 г. имело подзаголовок 'The Long View'.

A ROADSIDE STAND (с. 242)

Сын Фроста Кэррол, в отличие от отца, фермерствовал по-настоящему и продавал проезжающим мимо на машинах овощи и фрукты, – точно так, как это описано в стихотворении 'A Roadside Stand'.

Переселение мелких фермеров со своей земли в крупные поселки было одним из пунктов сельскохозяйственной программы «Нового курса» президента Ф. Д. Рузвельта. Равнодушно относясь к экономическим аспектам программы выведения страны из кризиса, Фрост критиковал ее с моральной точки зрения, защищая дорогой его сердцу быт и уклад фермерской Новой Англии.

В издании 1936 г. имелся подзаголовок 'On Being Put Out of Our Misery'.

AT WOODWARD'S GARDENS (с. 244)

В Сан-Франциско, где прошло раннее детство Фроста, был парк, принадлежащий некоему Вудварду (Woodward's Gardens), куда маленький Роберт ходил с матерью и сестрой. Там был и зоопарк. Именно в этом зоопарке с Робертом и произошел случай, описанный в стихотворении. Одна из раздосадованных обезьян выхватила зажигательное стекло из рук мальчика и зарыла его в солому «от греха подальше».

В издании 1936 г. имелся подзаголовок 'Resourcefulness Is More than Understanding', который звучит почти издевательски и тем самым еще более высвечивает

основную «мораль» притчи: в руках безответственных людей достижения технической мысли опасны для всего живого.

A BLUE RIBBON AT AMESBURY (с. 246)

Когда Фрост жил на ферме в Дерри и пытался разводить кур на продажу, на птичьей ярмарке в Эймсбери (штат Массачусетс), он познакомился с фермером Джоном Халлом. Весельчак и оригинал, Халл разводил домашнюю птицу. Его куры, гуси и утки всегда получали призы (голубые ленты) на ярмарке в Эймсбери.

Подзаголовок 'Small Plans Gratefully Heard Of' намекает на неприятие Фростом «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта. В частности, Фрост враждебно относился к планам социальной помощи фермерам, которые предполагали разрушение мелких хозяйств (см. также коммент. к 'A Roadside Stand').

A DRUMLIN WOODCHUCK (с. 250)

Подзаголовок в издании 1936 г. — 'Be Sure to Locate'.

Сквозь авторскую иронию проглядывает одна из центральных идей житейской философии Фроста: жизнь требует особого мужества — мужества терпения.

THE WHITE-TAILED HORNET (с. 252)

Впервые опубликовано в журнале *The Yale Review*, Spring 1936, с подзаголовком 'Doubts About an Instinct'. В книжном издании 1936 г. Фрост заменил подзаголовок на 'The Revision of Theories'.

Здесь Фрост в очередной раз обращается к теории происхождения видов Ч. Дарвина (см. также коммент. к 'The Demiurge's Laugh' и 'The West-Running Brook'). На часть вопросов, которые ставит Фрост, современная наука уже ответила.

DESIGN (с. 264)

Стихотворение навеяно идеями американского философа-прагматиста Уильяма Джеймса, которого Фрост

очень ценил. В книге *Pragmatism* Джеймс издевался над представлением о том, что всевышний продумал все детали физического мира, и писал: 'if design, [they] would argue on evil rather than a good designer' (W. James. *Pragmatism*, N. Y., 1935, p. 111).

Написано в 1911 г. и первоначально называлось 'In White', что указывало на переключку с Г. Мелвиллом («Моби Дик», глава «О белизне китов»).

THE BEARER OF EVIL TIDINGS (с. 266)

Вот высказывание самого Фроста об этой балладе: 'Anyone who would drag in Freud to explain my having failed to autograph a solitary check would naturally prefer my sexiest poem "The Bearer of Evil Tidings" to anything else of mine he ever saw' (*Selected Letters*, p. 482).

A Witness Tree

Седьмая книга Р. Фроста вышла в свет в 1942 г. с посвящением 'To K. M. for her part in it' (К. М. – инициалы Kathleen Morrison; см. коммент. к 'The Silken Tent').

За эту книгу стихов Фрост получил еще одну, четвертую, Пулитцеровскую премию – случай беспрецедентный в литературной истории США.

БЕЕЧН (с. 272)

Одно из двух заглавных стихотворений сборника *A Witness Tree*. Под стихотворением стояла подпись 'The Moodie Forester'. Moodie – девичья фамилия матери Фроста. Стихотворение 'Beech' метафорически определяло границу между внутренним миром Фроста и миром внешним. Вот второе заглавное стихотворение, 'Susamore':

Zaccheus he
Did climb the tree
Our Lord to see.

Это стихотворение не принадлежит перу Фроста. Он заимствовал его из газеты *The New England Primer*, дав ему только другое название.

Таким образом «дерево» Фроста было не только «свидетелем», но и наблюдательным пунктом.

THE SILKEN TENT (с. 272)

Впервые опубликовано в 1939 г. (*Virginia Quarterly Review*, Winter).

Весной 1938 г. умерла Элинор. Фрост впал в тяжелейшую депрессию. Элинор была не только женой и другом, но критиком и секретарем Роберта. В одном из его писем того времени читаем: 'Pretty near every one of my poems will be found to be about her if rightly read' (*Selected Letters*, p. 471).

Все шесть книг, вышедшие до 1938 г., Р. Фрост посвятил Элинор.

Своим возрождением к нормальной жизни Фрост во многом обязан Катлин Моррисон (Kathleen Morrison), с которой он познакомился в Гарвардском университете в 1936 г. Через какие-то полгода Фрост уже не представлял своей жизни и работы без Катлин. Он даже сделал ей предложение. К. Моррисон, которая была на двадцать лет моложе Фроста, решительно отказалась разводиться с мужем и выходить замуж за Фроста, но оставалась преданным секретарем поэта до конца его жизни.

Стихотворение посвящено К. Моррисон и в первоначальной редакции называлось 'In Praise of Your Poise'.

Фрост долгое время считал 'The Silken Tent' единственным сонетом в англоязычной поэзии, состоящим из одного предложения. Когда в 1953 г. американский поэт Роберт Фрэнсис (Robert Francis), автор стихотворения 'Apple Peeler', в котором есть такие строки:

Why the unbroken spiral virtuoso,
Like a trick sonnet in one long, versatile sentence?

указал ему на другие примеры подобных сонетов, Фрост не на шутку огорчился.

HAPPINESS MAKES UP IN HEIGHT FOR
WHAT IT LACKS IN LENGTH (с. 274)

В 1937 г. Р. Фрост писал своему другу, литературному критику Б. Де Вотто:

'Elinor gave me permission to be as depressed as I pleased in emergencies. This is a hard world and it becomes us to pay our respects to its hardness some of the time. But some of the time I was free to bask self-consciously in being generally understood. You may recall the poem I wrote in those stormy March days at Harvard. I named it "Happiness makes up in height for what it lacks in length" (*Selected Letters*, p. 453).

COME IN (с. 274)

Образный строй 'Come In', по-видимому, навеян хрестоматийным стихотворением Томаса Харди 'The Darkling Thrush' (1900), которым поэт встречал наступающий XX век. Приводим это стихотворение.

THE DARKLING THRUSH

I leant upon a coppice gate
When Frost was spectre-gray,
And Winter's dregs made desolate
The weakening eye of day.
The tangled bine-stems scored the sky
Like strings of broken lyres,
And all mankind that haunted high
Had sought their household fires.

The land's sharp features seemed to be
The Century's corpse outleant,
His crypt the cloudy canopy,
The wind his death-lament.
The ancient pulse of germ and birth
Was shrunken hard and dry,
And every spirit upon earth
Seemed fervourless as I.

At once a voice arose among
The bleak twigs overhead

In a full-hearted evensong
 Of joy illimited;
 An aged thrush, frail, gaunt, and small,
 In blast-beruffled plume,
 Had chosen thus to fling his soul
 Upon the growing gloom.

So little cause for carollings
 Of such ecstatic sound
 Was written on terrestrial things
 Afar or nigh around,
 That I could think there trembled through
 His happy good-night air
 Some blessed Hope, whereof he knew
 And I was unaware.

CARPE DIEM (с. 278)

Заглавие стихотворения отсылает к Горацию:
 ‘...Dum loquimur, fugerit invida
 Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero’.
 «...мы говорим, время же завистное
 Мчится. Пользуйся днем, меньше всего веря
 предыдущему».
 («Оды», I, II. Перевод С. Шервинского).

Развернутая цитата обнажает полемику Фроста с Горацием.

THE MOST OF IT (с. 282)

Р. Фрост дружил со многими из своих студентов, которых обучал в колледжах Амхерста, Дартмута или Мичиганском университете. В Анн Арборе (штат Мичиган) к нему часто приходил молодой поэт Уэйн Ван Дор (Wane Van Dore), который, подражая Торо («Уолден»), жил уединенно в лесу. В 1928 г. он принес Фросту свои новые стихотворения, два из которых и послужили поводом для написания Фростом ‘The Most of It’. Одно из них называлось ‘The Echo’.

Made mellow by a wall of trees
 My call came swiftly back to me.

My word the forest would not take
 Came bounding back across the lake.
 Through outer trees to shade grown black
 I peered and saw, like strips of snow
 That form in rocks the ages crack
 The trunks of birches, half aglow.
 Again I called, and now I stirred
 A fearful bird to swiftly fly.
 Far off I heard his angry scream,
 But not a gladdened human cry.
 It seemed I could not overthrow
 The brooding barrier of the trees.
 My voice grew swift, my call more keen,
 But always backward came the word
 Of it to me, that seemed to sigh
 For him I sought, for all reply.

Во втором стихотворении, 'Man Alone', были такие строки:

If he should loudly call, then stand and wait
 Until the sound had traveled far and made
 A voice reply, he'd know the forest held
 No mate for him. An echo would reply,
 Giving him back his lonely call and word.
 A deer might start...

В этих стихотворениях Фроста раздражали сентиментальность и попытка выпросить у природы то, что она дать не может. Природа у Фроста чаще всего равнодушна или даже жестока к человеку.

TO A MOTN SEEN IN WINTER (с. 284)

Написано на рубеже веков. По свидетельству самого Фроста, перед публикацией подверглось лишь незначительным изменениям.

THE DISCOVERY OF THE MADEIRAS (с. 290)

Название отсылает к классическому труду английского юриста и географа Ричарда Хаклюйта (Richard Hakluyt, ок. 1552–1616) – трехтомнику 'The Principal Navigations, Voyages, Traffics, and Discoveries of the English Nation' (1598–1600).

THE LESSON FOR TODAY (с. 298)

Впервые прочитано автором 20 июня 1941 г. (писалось с 1925 г.) на годовом собрании общества 'Phi Beta Kappa' Гарвардского университета.

'The Lesson for Today' – ответ Р. Фроста на распространенные тогда в США эсхатологические настроения. В одном из писем Р. Фроста того периода есть такие строки:

'But speaking of ages, you will often hear it said that the age of the world we live in is particularly bad. I am impatient of such talk. We have no way of knowing that this age is one of the worst in the world's history. Arnold claimed the honor for the age before this. Wordsworth claimed it for the last but one. And so on back through literature.' (*Selected Letters*, pp. 417–418).

Воображаемый собеседник автора – выдающийся поэт IX века Алкуин, глава Академии (Палатинского класса) при дворе Карла Великого. IX век – последний век «темного средневековья». Именно трудами поэтов и ученых Академии открывается так называемое «Каролингское возрождение».

Латинские цитаты *ver aspergit terram floribus* («весна усыпает землю цветами») и *Memento mori* («Помни о смерти») взяты из стихотворения Алкуина «Эпитафия самому себе».

Steeple Bush

Восьмая книга стихов Р. Фроста увидела свет в 1947 г. Пожалуй, никогда раньше в своей поэзии Фрост не подходил так близко к прямому, не опосредованному притчей обсуждению злободневных проблем современности. (См., например, стихотворения из раздела, который в первом и некоторых последующих изданиях сборника *Steeple Bush* назывался 'Editorials', т. е. передовицы ('Haec Fabula Docet', 'Etherealizing', 'Why Wait for Science', 'Any Size We Please', 'The Ingenuities of Debt', 'To the Right Person'). Новый Фрост, несколько отошедший от простых, но глубоких притч, понимания у критики не нашел.

Стихотворение 'Choose Something Like a Star' включено в сборник *Steeple Bush* условно (см. коммент. к этому стихотворению).

До настоящего времени сборник *Steeple Bush* назывался в книгах и публикациях на русском языке «Куст на кровле». Steeple bush – американизм, не фиксируемый в отечественных англо-русских словарях. Фрост употребил его в сборнике лишь однажды, во втором четверостишии 'Something for Hope' в контексте, который к кровле, конечно, никакого отношения не имеет. Steeple bush – это то, что ботаники называют *Spirea tomentosa*, таволга американская (типичное растение любимой Фростом Новой Англии). В нормативном английском языке вместо steeple bush употребляют слово *hardhack*.

SOMETHING FOR HOPE (с. 310)

В подтексте этого стихотворения скрыта критика «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта (см., например, коммент. к 'A Roadside Stand'). Впрочем, основной аргумент поэта – 'Spes alit agricolam' («Надежда питает сельского труженика») – едва ли мог служить утешением для тысяч разорвавшихся фермеров.

AN UNSTAMPED LETTER IN OUR RURAL LETTER BOX (с. 312)

Лирический герой этого стихотворения, обращающийся *in forma pauperis* («с низжайшим почтением») к фермеру, это, видимо, сам Фрост, любивший сельское житье, но отнюдь не заботы и тяготы фермерской жизни.

TWO LEADING LIGHTS (с. 318)

Sheba (Batsheba) – в русской традиции Вирсавия, мать библейского царя Соломона.

A WISH TO COMPLY (с. 320)

Фрост много размышлял о научных достижениях XX века, а точнее, о философском смысле крупнейших открытий в физике и биологии.

Осенью 1923 г. в Амхерсте он встретился с Нильсом Бором. Наблюдатели отмечают, что вопросы Фроста Нильсу Бору были интереснее и глубже вопросов профессиональных американских физиков, присутствовавших на обеде.

С Робертом Милликенем (Robert Millikan), американским физиком, лауреатом Нобелевской премии, который с высокой точностью измерил заряд электрона, экспериментально проверил квантовую теорию А. Эйнштейна и определил численное значение постоянной Планка, Фрост встретился в 1932 г. в Калифорнийском технологическом институте.

A CLIFF DWELLING (с. 320)

В 1935 г. Фрост по совету врачей уехал на зиму в Санта Фе (юг Техаса). Неподалеку от этого города сохранились доисторические скальные жилища индейцев пуэбло, которые Фрост ездил смотреть.

HAEC FABULA DOCET (с. 320)

Издевка над басенным морализаторством подчеркивается не только именем слепого (Лафонтен), но и заглавием (в переводе с латыни – «Так гласит басня»).

ETHEREALIZING (с. 322)

Многие стихи Фроста написаны в сонетной форме. У него можно найти и итальянский сонет ('Meeting and Passing', 'Range-Finding') и шекспировский ('On a Tree Fallen Across the Road'). Экспериментируя с сонетом, Фрост писал промежуточные формы между итальянским и шекспировским канонами ('The Vantage Point'), а позднее и сонеты, состоящие из пятнадцати или тринадцати строк ('A Cliff Dwelling').

'Etherealizing' – весьма типичный для позднего Фроста пример очень свободного обращения с сонетом.

BURSTING RAPTURE (с. 326)

Рост эсхатологических настроений в США в связи с созданием атомной бомбы вызывал у Фроста реше-

тельный протест. По мысли Фроста, ничто не может освободить человека от ответственности за себя и свою планету.

В письме к студентам Амхерста он писал:

'One can safely say after from six to thirty thousand years of experience that the evident design is a situation here in which it will always be about equally hard to save... your decency, your integrity' (*Selected Letters*, p. 418). См. также коммент. к 'The Lesson for Today'.

THE INGENUITIES OF DEBT (с. 326)

Впервые опубликовано в журнале *The Atlantic Monthly* в декабре 1946 г.; по признанию самого Фроста, написано на сорок лет ранее, на ферме в Дерри.

'I left the "Ingenuities of Debt" lying around nameless for forty years because I couldn't find a fourth line for it to suit me' (*The Years of Triumph*, p. 598).

Этот красноречивый штрих дает представление и о методе работы Фроста, и о его требовательности к себе.

Ранее уже отмечалось, что впечатления молодости, связанные с жизнью на ферме в Дерри, отразились на всем долгом поэтическом творчестве Фроста. Приводим стихотворение, которое Фрост написал в 1911 г., за год до отъезда в Англию:

ON THE SALE OF MY FARM

Well-away and be it so,
 To the stranger let them go.
 Even cheerfully I yield
 Pasture, orchard, mowing-field,
 Yea and wish him all the gain
 I required of them in vain.
 Yea, and I can yield him house,
 Barn, and shed, with rat and mouse
 To dispute possession of
 These I can unlearn to love.
 Since I cannot help it? Good!
 Only be it understood,

It shall be no trespassing
 If I come again some spring
 In the grey disguise of years,
 Seeking ache of memory here.

TO THE RIGHT PERSON (c. 328)

'...a state of ours that is a shire' – имеется в виду штат Нью-Гемпшир, в котором Фрост прожил много лет (в Нью-Гемпшире он учился и преподавал).

CHOOSE SOMETHING LIKE A STAR (c. 334)

Как уже отмечалось, это стихотворение включено в *Steeple Bush* условно, ибо в издание 1947 г. не входило. Но поскольку оно вообще не было напечатано ни в одной из девяти оригинальных книг поэта, а включалось только в тома избранных и полных собраний стихотворений Фроста, к *Steeple Bush* оно отнесено чисто хронологически (оно впервые было опубликовано в 1943 г., т.е. уже после выхода *A Witness Tree*). По манере письма и настроению оно, скорее всего, относится к раннему периоду творчества поэта и содержит прямую, указанную в тексте, переключку с известным сонетом Джона Китса:

Bright star! would I were steadfast as thou art—
 Not in lone splendour hung aloft the night,
 And watching, with eternal lids apart,
 Like nature's patient sleepless Eremite,
 The moving waters at their priestlike task
 Of pure ablution round earth's human shores,
 Or gazing on the new soft-fallen mask
 Of snow upon the mountains and the moors—

No—yet still steadfast, still unchangeable,
 Pillowed upon my fair love's ripening breast,
 To feel for ever its soft fall and swell,
 Awake for ever in a sweet unrest,
 Still, still to hear her tender-taken breath,
 And so live ever—or else swoon to death.

In the Clearing

Девятая, и последняя, книга стихов Р. Фроста вышла в свет 26 марта 1962 г., в день 88-летия поэта. Посвящение гласило:

'Letters in prose to Louis Untermeyer, Sidney Cox, and John Bartlett for them to dispose of as they please; these to you in verse for keeps.'

Кроме трех названных в посвящении друзей Фроста, косвенно упомянута и Катлин Моррисон ("you"), которой были посвящены и две предыдущие книги поэта.

Как всегда, в книгу были включены стихи, написанные Фростом в разное время, по меньшей мере, за три предшествующих десятилетия.

CLOSED FOR GOOD (с. 342)

Написано не позднее 1948 г., когда Фрост разослал его в качестве рождественского поздравления родным и знакомым.

ESCAPIST-NEVER (с. 344)

В 1933 г. Фрост в одном из выступлений, отвергая обвинения в эскапизме, сказал:

'Well, a man may climb a tree and still not be an escapist. He may go up there to pick something.' (*The Years of Triumph*, p. 425).

AUSPEX (с. 346)

Навеяно воспоминанием о раннем детстве, проведенном Фростом в Калифорнии. Мифологический Ганимед, похищенный Зевсом, превратившемся в орла, исполнял на Олимпе обязанности виночерпия.

THE DRAFT HORSE (с. 346)

Почти все стихи Фроста так или иначе связаны с природой. Правда, сам он в одном из интервью заметил, что у него практически нет стихов, где бы не

присутствовал человек: 'I guess I'm not a nature poet. I've only written two poems without a human being in them. Only two.' (Цит. по: David A. Sohn Richard H. Tye. *Frost: The Poet and His Poetry*, N. Y., 1969, p. 3).

Природа у Фроста иногда может быть мудрым учителем или источником вдохновения, как в 'Come In' или 'The Oven Bird', но чаще всего она равнодушна ('Acquainted with the Night', 'Desert Places') или даже жестока ('The Draft Horse').

ON BEING CHOSEN POET OF VERMONT (с. 350)

В 1961 г. решением законодательного собрания штата Вермонт Фрост был избран «поэтом-лауреатом Вермонта». Четырехстрочное стихотворение – своеобразная благодарность поэта штату, в котором он долго жил.

THE OBJECTION TO BEING STEPPED ON (с. 350)

В этом стихотворении Фрост обыгрывает библейский призыв «перековать мечи на орала» (см., например, Исаия, 2: 4; Михей, 4: 3), ибо, по Фросту, зло не в вещах, а в том, как люди их используют. Никакие технические новшества не спасут мир, если человечество не найдет в себе решимости спасти его.

AWAY! (с. 352)

Это стихотворение не было последним в творчестве Фроста. Но в некотором смысле оно все же «итоговое». В цепи долгих и подчас мучительных размышлений Фроста о жизни и смерти 'Away!' – самое позднее по времени написания и менее всего отягощено страхом смерти, который в прямом и метафизическом смысле преследовал поэта всю жизнь.

Известно, что Фрост любил американские народные песни. Припев 'I am bound away' из предпоследней строфы, скорее всего, заимствован из народной песни 'Shenandoah': 'Bound away / I'm bound away, 'cross the wide Missouri'.

Роберт Фрост

Стихи

(На английском и русском языках)

Сборник

Составитель

Юрий Арсеньевич Здоровов

ИБ № 1451

Издательские редакторы

В. П. Кузьмина, В. Я. Бонар

Художник

А. О. Семёнов

Художественный редактор

Т. И. Иващенко

Технический редактор

Е. Р. Черепова

Корректоры

Л. В. Данинбург, Е. В. Солнцева

Сдано в набор 12 03 85 Подписано в печать

20 01 86 Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура таймс Печать офсетная Условн. печ.л

22,68 Усл кр-отт 40,54 Уч-изд л 20,8 Тираж

35000 экз Заказ № 328. Цена 2 р 30 к. Изд. № 1154.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Можайск, ул. Мира, 93

